

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ №ФС77-47101 от 24 октября 2011 г.

Журнал распространяется только по подписке

Подписной индекс в Агентстве «РОСПЕЧАТЬ» **70828**

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

№3 (19) / 2015

ISSN 2226-7867

DOI 10.12737/issn.2226-7867

Выходит 4 раза в год

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Е.В. Астахова**, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Украина)
- Д. Байчунь**, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай)
- Н.М. Долгополов**, заместитель главного редактора Российской газеты, член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия)
- Т.М. Кальво Мартинес**, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания)
- Р. Крум**, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия)
- Д. Кьеза**, итальянский журналист и политический деятель, депутат Европарламента (2004–2009) (Италия)
- В. Макбрайд**, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США)
- И. Мамед-заде**, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан)
- К. Мацузато**, доктор наук, профессор, директор центра славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
- А.Н. Нысанбаев**, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан)
- Д.Е. Сорокин**, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, член-корреспондент РАН (Россия)
- Ж.-Л. Трюэль**, доктор наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странами СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция)
- К. Уилкокс**, доктор наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США)

EDITORIAL COUNCIL

- E.V. Astakhov**, Doctor of History, Professor, Rector of Kharkov University for Humanities "People's Ukrainian Academy" (Ukraine)
- D. Baychun**, Doctor, Professor of Beijing Pedagogical University, director of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China)
- N.M. Dolgoplov**, deputy editor of the "Russian Newspaper", a member of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers of Moscow and of the Interregional Union of Writers' organizations (Russia)
- T.M. Calvo Martinez**, Doctor, Professor, Director of the Paris International Institute of Philosophy (Spain)
- R. Krumm**, director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert Foundation (Russia)
- D. Chiesa**, Italian journalist and politician, member of the European Parliament (2004-2009) (Italy)
- B. McBride**, Doctor, professor, president of the International Federation of Philosophical Societies (USA)
- I. Mamed-Zadeh**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan)
- K. Matsuzato**, Doctor, Professor, Director of the Slavic Research Center, Hokkaido University (Japan)
- A.N. Nysanbaev**, Doctor, Professor, Full member of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Director of Science, Institute of Philosophy, Academy of Sciences of Kazakhstan (Kazakhstan)
- D.E. Sorokin**, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Russia)
- J.-L. Truelle**, Doctor, a consultant for the development of international relations between Russia and CIS countries, Vice-President of the Association of economists "Le Cercle Kondratieff", professor of the University of Paris-12 (France)
- K. Wilcox**, Doctor, Professor Emeritus of the Department of Management, University of Georgetown (USA)

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ПИ № ФС77-47101 of October, 24, 2011

The journal is distributed only by subscription

Subscription index of «ROSPЕЧАТ» agency **70828**

The journal is included into the system of Russian Science Citation Index

VOLUME 5 ISSUE 2 2015

ISSN 2226-7867

DOI 10.12737/issn.2226-7867

4 issues per year

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской академии образования

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»

А.Н. Аринин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

В.Д. Нечаев, доктор политических наук, профессор, ректор Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова

И.Ю. Новицкий, депутат Московской Городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве

Р.М. Нуреев, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая теория» Финансового университета, сопредседатель Международной ассоциации институциональных исследований (IAIR), член Европейской ассоциации научных и учебных институтов по проблемам развития (EADI)

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН)

С.Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, директор института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета, заведующий кафедрой «Мировая экономика и международный бизнес» Финансового университета

В.С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета «Социология и политология» Финансового университета

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

М.А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Оценка и управление собственностью» Финансового университета

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council — **M.A. Eskindarov**, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University, member of the Russian Academy of Education

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Head of the “History” Chair of Moscow University for the Humanities, the chairman of Historical and Educational Society “The Guardian”

A.N. Arinin, Doctor of Political Science, Director of the Institute of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma of the first (1993-1995) and second (1995-1999) convocations

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and Defense Policy Council (SWAP), editor in chief of the magazine “Russia in Global Affairs”

V.D. Nechayev, Doctor of Political Sciences, Professor, Rector of Moscow State University for Humanities named after M.A. Sholokhov

I.Y. Novitsky, deputy of the Moscow City Duma (1993-2014), Head of “State and Municipal Management” Chair, International University in Moscow

R.M. Nureyev, Doctor of Economics, Professor, Head of “Economic Theory” Chair in Financial University, co-chair of the International Association for Institutional Research (IAIR), member of the European Association of Research and Training Institute for Development (EADI)

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East, the Russian Academy of Science

S.N. Silvestrov, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Policy problems of economic security, Financial University, Head of the “World Economy and International Business” Chair, Financial University

V.S. Stepin, Doctor of Philosophy, Professor, Full member of the Russian Academy of Science, Academician-Secretary of the Section of philosophy, political science, sociology, psychology and law, the Russian Academy of Science

V.V. Fedorov, PhD in Political Science, Director General of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), the supervisor of the faculty “Sociology and Political Science”, Financial University

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science.

M.A. Fedotova, Doctor of Economics, Professor, Head of “Evaluation and management of the property” Chair, Financial University

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, deputy of the State Duma of the VI convocation from the “United Russia”, a member of the State Duma committee on the Federal structure and Local Government, a member of the International Academy of Social Science

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор кафедры «Общая политология», декан факультета «Социология и политология» Финансового университета

Заместитель главного редактора — **А.Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета

Заместитель главного редактора — **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета

А.В. Брега, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета

Е.В. Ганина, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная социология» Финансового университета

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор кафедры «Макроэкономическое регулирование», декан Международного финансового факультета Финансового университета

Н.Г. Кондрахина, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета

А.Н. Лебедев, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета

Т.М. Махаматов, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета

А.В. Новиков, доктор социологических наук, профессор кафедры «Прикладная социология» Финансового университета

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент; заместитель заведующего кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Прикладная политология» Финансового университета, старший научный сотрудник Института проблем рынка РАН

Е.Е. Письменная, доктор социологических наук, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета

П.Б. Салин, кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета

Т.В. Седова, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки-1» Финансового университета

П.С. Селезнев, доктор политических наук, директор по международному сотрудничеству Финансового университета

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета

К.В. Симонов, кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой «Прикладная политология», первый проректор по внешним коммуникациям Финансового университета

И.Н. Шапкин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета

EDITORIAL COUNCIL

Editor in Chief — **A.B. Shatilov**, PhD in Political Science, Professor of "Political Science" Chair, Dean of the "Sociology and Political Science" Faculty, Financial University

Deputy Editor — **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of "Philosophy" Chair, Financial University

Deputy Editor — **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of "Political Science" Chair, Financial University

A.V. Brega, Doctor of Political Sciences, Professor of "Political Science" Chair, Financial University

E.V. Ganina, Associate Professor, Head of "Russian language" Chair, Financial University

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Professor, Head of "Applied Sociology" Chair, Financial University

A.I. Ilyinsky, Doctor of Engineering, Professor of "Macroeconomic management" Chair, Dean of the Faculty of International Finance, Financial University

N.G. Kondrakhina, PhD in Philology, Associate Professor, Head of "Foreign Languages-2" Chair, Financial University

A.N. Lebedev, Doctor of Psychology, Professor, Head of "Applied Psychology" Chair, Financial University

T.M. Makhamatov, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the "Philosophy" Chair, Financial University

A.V. Novikov, Doctor of Social Sciences, Professor of "Applied Sociology" Chair, Financial University

A.V. Pachkalov, PhD in History, Associate professor, Deputy Head of "Economic History and History of Economic Thought" Chair, Financial University

D.V. Petrosyants, PhD in Economics, Assistant professor of "Applied Political Science" Chair, Financial University, a Senior researcher at the Institute of Market Problems of Russian Academy of Science

E.E. Pismennaya, Doctor of Social Science, Professor of the "Sociology" Chair, Financial University

P.B. Salin, PhD in Law, director of the Center for Political Studies, Financial University

T.V. Sedova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of "Foreign Languages-1" Chair, Financial University

P.S. Seleznev, Doctor of Political Science, Director of International Cooperation of the Financial University

G.G. Sillaste, Doctor in Philosophy, Professor, Head of "Sociology Chair, Financial University

K.V. Simonov, PhD in Political Science, Associate Professor, Head of "Applied Political Science" Chair, the first vice-rector for external communications, Financial University

I.N. Shapkin, Doctor of Economics, Professor, Head of "Economic History and History of Economic Thought" Chair, Financial University

СОДЕРЖАНИЕ

Учредитель:

Финансовый университет

Главный редактор — А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией научных журналов — В.А. Шадрин

Выпускающий редактор — Д.З. Музашвили

Оригинал-макет подготовлен в НИЦ ИНФРА-М

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский пр-т, 51/3, к. 105
Тел.: 8 (499) 943 9482
E-mail: gum-nauki@yandex.ru
<http://gn.fa.ru>

Издатель:

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86;
Факс: (495) 280-36-29.
E-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

Отдел подписки:

Назарова М.В.
Тел.: (495) 280-15-96, доб. 249.
E-mail: podpiska@infra-m.ru

Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (на диске или по электронной почте: gum-nauki@yandex.ru).

Редакция в обязательном порядке осуществляет экспертную оценку (рецензирование, научное и стилистическое редактирование) всех материалов, публикуемых в журнале. Письменное согласие редакции при перепечатке, а также ссылки при цитировании на журнал «Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета» обязательны.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Более подробно об условиях публикации см: <http://gn.fa.ru>

© ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2015

© Финансовый университет, 2015

Подписано в печать 10.09.2015.
Формат 60x90/8.

Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Тема номера: «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ»

Ястремский А.М.

Отстоим нашу Победу: борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны в современной России 6

Ерохина О.В.

Инклюзивное образование в России: в начале трудного пути 15

Харченко М.Г.

Преемственность в обучении иностранному языку в системе «школа — вуз — работа» 23

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

Чепель С.Л.

Консолидация «новых демократий» в условиях глобализации: проблемы и перспективы 27

Кулинченко А.В.

Лидерство и управление обществом. Сущность и значение социального управления. 38

Кишлакова Н.М.

Идеология толерантности как субстанциальная основа бытия России в глобальном мире 45

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Каптарь Д.Л.

«Хлебный бунт» в феврале 1917 года как прообраз «цветной революции» 50

Кафтан В.В.

Постмодернистские основания репрезентации современной войны 58

ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Федоров В.В.

Антироссийские санкции: угрозы и возможности 66

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дронова С.Ю.

Национальное самоопределение Каталонии: за и против 71

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

Пляйс Я.А.

По логике проблемного подхода (*рецензия на хрестоматию в трех томах «Современная наука о международных отношениях за рубежом»*) 80

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХРОНИКА И АНОНСЫ

Полевая М.В.

Современный преподаватель: взгляд на студентов и методики преподавания в вузе 83

CONTENTS

Cover Story: «TRENDS IN EDUCATION AND SCIENCE»

Yastremsky A.M.

Defend Our Victory: the Fight Against the Falsification of the History of the Great Patriotic War in Russia Today 6

Erokhina O.V.

Inclusive Education in Russia: at the Beginning of a Hard Way 15

Kharchenko M.G.

Continuity in Foreign Languages Teaching Within the «School – University – Job» System 23

HUMANITARIAN THEORY IN INTELLIGENT SEARCH

Chepel S.L.

Consolidation of «New Democracies» in a Globalised World: Problems and Perspectives 27

Kulichenko A.V.

Leadership and Ruling Over Society. The Main Point and Role of Social Management 38

Kishlakova N.M.

Ideology of Tolerance As the Substantial Basis for the Russia's Being in the Global World 45

CURRENT APPLIED RESEARCH

Kaptar' D.L.

«Bread Riots» in February 1917 As a Prototype of a «Color Revolution» 50

Kaftan V.V.

Post-Modernist Grounds of Modern Warfare Representation 58

EXPERT INTERVIEW

Fedorov V.V.

The Anti-Russian Sanctions: Threats and Opportunities 66

START-UP OF A YOUNG SCIENTIST

Dronova S.Yu.

The National Self-Determination of Catalonia: Pros and Contras 71

THINKING ABOUT THE READ

Plyais Ya.A.

According to the Logic of the Problem Approach (Review of the Anthology in Three Volumes «The Modern Science of International Relations Abroad») 80

ACADEMIC CURRENT EVENTS AND ANNOUNCEMENT

Polevaya M.V.

The Modern Teacher: a Look at the Students and Methods of Teaching at the University 83

Founder:
Financial University

Editor-in-Chief — A.B. Shatilov
Head of Scientific Journals Editorial Department — V.A. Shadrin
Managing editor — D.Z. Muzashvili
Dummy layout prepared by Scientific and Publishing Center "INFRA-M"

Editor office:
51/3, Leningradsky prospect, office 105,
Moscow, 125993
tel.: +7 (499) 943 9482
E-mail: gum-nauki@yandex.ru
<http://gn.fa.ru>

Publishing office:
Scientific and Publishing
Center "INFRA-M",
31B, Building 1, Polyarnaya st., Moscow,
127282, Russia
Tel.: (495) 280-15-96, 280-33-86;
Fax: (495) 280-36-29.
E-mail: books@infra-m.ru
<http://www.infra-m.ru>

Subscription office:
Nazarova M.V.
Tel.: (495) 280-15-96, ext. 249.
E-mail: podpiska@infra-m.ru

The journal is distributed only by subscription
Subscription index 44090 in the consolidated
catalogue «The Press of Russia».

Manuscripts are to be submitted to the editorial
office in electronic form (on CD or via E-mail:
gum-nauki@yandex.ru).

It is obligatory to get a written approval of the
editorial on reprint, and to make references to
the journal «Humanities and Social Sciences
Bulletin of the Financial University» if quoting.

More information on publishing terms is at:
<http://gn.fa.ru>.

Opinions of editorial staff and editorial board
may not coincide with those of the authors of
publications.

The editorial makes a mandatory expertise
(review, scientific and stylistic editing) of all the
materials to be published in the journal.

© INFRA-M, 2015
© Financial University, 2015

Тема номера: «СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ»

УДК 94"1941/45"

DOI 10.12737/13634

Отстоим нашу Победу: борьба с фальсификацией истории Великой Отечественной войны в современной России

Ястремский Анатолий Михайлович

Д-р ист. наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета

E-mail: anatoly-fa@mail.ru

Наша страна отметила 70-летний юбилей победы советского народа в Великой Отечественной войне. С годами становится все ожесточеннее политическая борьба вокруг ее исторического осмысления. К сожалению, в этой борьбе мы находимся далеко не на передовых рубежах. Проблема не только в том, что зарубежные историки и политики пытаются перехватить инициативу в этой борьбе, но и в том, что отечественные историки подчас занимают недостаточно наступательную позицию. Это объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Главное то, что мы все дальше удаляемся от этого важного события, и молодое поколение, знающее о нем, в основном, только из книг и кинофильмов, не всегда дает объективную оценку прошедшему. Современные политики преподносят его по-разному, исходя порой из своих политических или конъюнктурных соображений. Мы увидели, как «оценивают» Вторую мировую войну президенты Украины, Польши и ряд других политиков. С празднованием каждого юбилея чувствуется, как постепенно меняются оценки и подходы к этому важному событию. Страны, с которыми мы были союзниками в этой войне, существенно переосмысливают прошедшее. Об этом свидетельствует тот факт, что на юбилей празднования общей Победы над фашизмом в Россию не приехали представители США, Великобритании и других стран, воевавших против агрессора. Важнейшим выводом из этих трагических событий должно быть то, что различные здоровые политические силы в мире, несмотря на господствующую в той или иной стране идеологию, способ производства, государственный строй, могут объединиться против нависшей угрозой над всем человечеством.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история, победа, политика, фальсификация истории.

Defend Our Victory: the Fight Against the Falsification of the History of the Great Patriotic War in Russia Today

Yastremsky Anatoly Mikhaylovich

Doctor of Sciences (History), Professor at the General Politology Department, Financial University

E-mail: anatoly-fa@mail.ru

This country has celebrated the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Over the past years the political struggle over the historical interpretation of the War is becoming more and more violent. Unfortunately we are not at the forefront of this struggle. The problem is not just that foreign historians and politicians attempt to seize the initiative in this struggle but that our domestic historians, at times, do assume attitudes that are not assertive enough. This is due to both objective and subjective reasons. But what matters most is that we all are getting farther from this important historic event and the younger generation, given that they get knowledge about the Great Patriotic War based only on books and movies, not always able to make an objective assessment to these far-off events. Modern politicians present it differently as well, sometimes for certain political or tactical reasons. We have seen, how the presidents of Ukraine, Poland and some other politicians make "judgments" on the World War II. With celebration of further anniversaries, one can feel, how judgments and approaches to this important event are gradually changing. The countries that have once been our allies in this war had significantly reconsidered a history. This is proved by the very fact that official representatives of the USA, Great Britain and some other countries, which have fought against fascist aggression, have not attended the celebration of our shared Victory over fascism. Though the major conclusion from those tragic events should be that robust political forces in the world, despite ideological controversies, and differences in economic settings and political systems can unite if any threat to mankind emerges.

Keywords: Great Patriotic War, History, Victory, politics, history falsification.

Россия торжественно отметила юбилей победы в Великой Отечественной войне. Чем дальше мы удаляемся от этого события, тем ожесточеннее идут споры за ее историческое наследие. Безусловно, по своим масштабам, Вторая мировая война — одно из величайших событий и трагедией XX в. Но чем больше времени проходит, тем ожесточеннее противостояние различных политических сил за ее итоги. Особенно сложная политическая борьба идет за умы молодого поколения, которое знает об ужасах войны только по учебникам или кинофильмам. Разные страны причины, ход и итоги войны преподносят по-разному, исходя из своих идеологических приоритетов. Молодежь, глубоко не вникая в происходящие процессы, принимает за чистую монету зачастую откровенную ложь. Например, основная масса молодого поколения США считает, что Вторую мировую войну выиграла Америка, а молодежь Японии уверена, что атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки сбросил в ходе войны Советский Союз, к тому же незаконно отобрал ряд островов.

Борьба различных подходов к оценке начала, хода и исхода Великой Отечественной войны началась не сейчас, а в ходе самой войны. Она велась, в основном, в периодической печати, но впоследствии перешла в политические и научные сферы. Трактовка итогов и уроков Второй мировой войны в своих интересах ставили во главу угла политики многих европейских государств. Празднование юбилея победы разделило лидеров европейских государств на тех, кто готов с победителем праздновать победу, и тех, кто поддерживает политику холодной войны и экономические санкции против России.

В период, когда еще были живы многие непосредственные участники тех великих событий, произошедшее оценивалось более объективно. Со временем, к сожалению, их становится все меньше и меньше. С приходом к власти руководителей новой волны, далеких от тех трагических дней, стали появляться новые, не всегда объективные оценки прошедших событий. И борьба за пересмотр ее итогов обостряется. Предыдущие юбилеи Победы собирали значительное количество руководителей государств, которые участвовали в войне, но в последнее время этому важному политическому мероприятию уделяют внимания все меньше.

Наиболее важную роль в борьбе с искажениями объективных взглядов на это событие сыграла историческая справка «Фальсификаторы истории»¹. В ней впервые основательно дан отпор многим

размышлениям о Второй мировой войне и роли в ней Советского Союза, о «превентивном» характере нападения фашистской Германии на нашу страну, о единоличной ответственности Гитлера за развязывание войны и поражение в ней. В настоящее время немецкие ученые (надо отдать им должное!) смогли победить самих себя и совместно с российскими учеными создать общий учебник истории, где объективно оцениваются прошедшие события Второй мировой [1].

Тем не менее исторический анализ прошедших событий показал, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовили практически все крупнейшие капиталистические страны того времени. Это подтверждается значительными капиталовложениями в экономику Германии после ее поражения в Первой мировой войне. Причем значительная их часть вкладывалась в возрождение военно-промышленного комплекса. Достаточно отметить, что если в 1932 г. в возрождение экономики Германии западными державами вложено 2590 млн марок, из них 620 — в военное производство, то в 1935 г. — уже 9040 млн, из них 5150 млн — в возрождение военно-промышленного комплекса, а в 1938 г. — уже 21 030 млн и 15 500 млн марок соответственно. Вклад только английских и американских капиталов в военно-экономический потенциал и перевооружение Германии составил 20 млрд золотых марок.

Во второй половине 60-х гг. причины и характер прошедшей войны вновь подвергались ревизии. Ставились под сомнение освободительная миссия Советской Армии, ее решающий вклад в Победу, пересматривалась роль США и Англии в этих событиях, заметно активизировалась критика итогов Второй мировой войны.

Значительный вклад в освещение этой всемирной трагедии внесла 12-томная «История Второй мировой войны 1939–1945 годов», подготовленная советскими учеными и опубликованная не только у нас, но и в Болгарии, Венгрии, Германии, Польше, Чехословакии [2].

В центре внимания политиков, историков, ученых всегда находились причины и виновники Второй мировой войны, вклад отдельных держав в разгром фашизма, причины поражений и источники побед, роль народных масс и полководцев. Главная цель всех фальсификаций заключалась в стремлении снять ответственность с западных держав за развязывание войны.

¹ Фальсификаторы истории (историческая справка). М.: ОГИЗ, Государственное издательство политической литературы, 79 с.

Американские историки В. Рут, Дж. Толэнд, например, стремились объяснить возникновение войны следствием неправильной информированности ведущих политиков о складывающейся ситуации в мире, об их близорукости, о незрелости [3, 4]. Но усматривать причины войны в некомпетентности политиков, находящихся у власти в тот период, видимо, не совсем тактично. Руководили ведущими мировыми державами накануне войны умные, грамотные, компетентные политики, каждый из которых защищал, в первую очередь, интересы своей страны.

Главным и единственным виновником войны отдельные историки стремились сделать Гитлера. Эта точка зрения распространяется до сих пор, чтобы как-то обелить фашистских преступников, осужденных Нюрнбергским процессом. Немецкие историки М. Фройнд и И. Фест также возлагали всю ответственность за развязывание войны на фюрера [5, 6]. Все это делалось для того, чтобы снять ответственность, в первую очередь, с международных монополий за начало войны, хотя фашизм — это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных монополистических кругов, готовых в любой момент к применению в своих целях оружия.

Автор книги «Войны Америки» Р. Леки и французский буржуазный социолог Р. Арон утверждали, что войны 1914 и 1939 г. не были порождением капитализма [7, 8].

В последующие годы стала насаждаться идея соучастия СССР в возникновении Второй мировой войны. Обосновывалось это якобы экспансионистскими устремлениями Советского Союза. Договор 1939 г. западные историки преподносили как важнейшее событие, сделавшее войну неизбежной. При этом умалчивался тот факт, что накануне войны советское руководство предпринимало активные меры, чтобы ее предупредить, пытаясь создать против фашизма военно-политический блок с Англией и Францией, но их правительства на это не пошли. Западные страны, наоборот, стремились направить агрессивную политику Гитлера против Советского Союза.

Американский историк Л. Фишер настаивал на том, что война — порождение коммунизма, оправдывая курс Запада на «умиротворение» фашистской Германии [9, с. 5].

До сих пор некоторые германские ученые пытаются оправдать так называемый превентивный удар Германии против СССР. О намерениях Советского Союза к захвату европейских государств писали немецкие историки Э. Хельмдах, К. Хильдебранд и другие [10, 11]. Но никто из них не отмечал,

что СССР в сложившейся обстановке вынужден был принимать определенные шаги на международной арене для укрепления своих границ и оттягивания как можно дальше начало войны, идя даже на союз с агрессором, уже развязавшим Вторую мировую войну.

Английский историк Д. Ирвинг доказывал, что русские готовились к вторжению в Германию [12]. Однако в этом можно обвинить любое государство, имеющее вооруженные силы, так как в любой армии мира имеется как оборонительное, так и наступательное оружие. Исходя из того, что в Советской армии имелось наступательное оружие, обвинять страну в подготовке к агрессии несерьезно. Теорию о превентивной войне Гитлера взяли на вооружение и японские историки, объясняя свое стремление напасть на СССР необходимостью обеспечения собственной безопасности (Т. Хаттори) [13].

Следующее важное направление пересмотра истории Второй мировой войны связано с приуменьшением роли СССР и преувеличением вклада союзников, прежде всего США, в разгром фашизма.

Американский ученый Т. Дюпуи утверждал, что война началась с нападения на Перл-Харбор [14]. Г. Солсбери заявил, что вступление США в войну явилось решающим фактором, позволившим победить фашизм [15]. Немецкий историк Г. Биндер поддерживал их точку зрения [16]. Обоснование данной позиции красной нитью проходит в книге А. Буханана «Соединенные Штаты во Второй мировой войне» [17].

Между тем факты говорят об обратном. Ни на одном из фронтов Второй мировой войны не использовалось столько людских ресурсов и техники как на советско-германском фронте. Здесь за весь период войны сражалось до 70% дивизий фашистской Германии. Советские войска разгромили в общей сложности 506 дивизий Вермахта и 100 дивизий союзников Германии в войне. Это почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны.

Именно на Восточном фронте вооруженные силы Германии потеряли 10 млн (73%) убитыми, ранеными и пленными из 13,6 млн общих потерь за всю войну. По данным ученых, было уничтожено более 70 тыс. (75%) самолетов, около 50 тыс. (75%) танков и штурмовых орудий, более 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов.

Но никто не хочет соотнести количество вооруженных сил в войне Советского Союза и США, Советского Союза и Англии на германском фронте,

количество разрушений, потерь как экономических, так и людских, культурных и других ценностей.

Эти цифры реально показывают, кто нес на своих плечах основную тяжесть войны. Советский Союз потерял за годы войны 30% национального богатства. Общие материальные издержки составили 2 трлн 569 млрд руб., в том числе потери от прямого уничтожения и разграбления общественного и личного имущества — 679 млрд руб., бюджетные расходы на войну — 582,4 млрд руб., а косвенные издержки — 1 трлн 307,6 млрд руб. США, по существу, избежали материальных потерь. Они составили 0,4% общей стоимости потерь всех стран за время войны. Материальные потери Америки оцениваются в 1 млрд 267 млн долл.

Важное направление в этой идеологической борьбе, прежде всего для молодежи, — замалчивание о злодеяниях нацистов, правды о СССР. Чем меньше она будет знать о наших славных победах, тем легче ей будет втолковать великую миссию западных держав в борьбе с фашизмом. И это приносит свои плоды. Почти половина взрослого населения Восточной и Западной Европы никогда не слышали об Аушвице-Биркенау (Освенциме), одном из самых страшных лагерей смерти. Об этом свидетельствует опрос общественного мнения, проведенный экспертами Института Европы в Брюсселе. Более того, 45% из четырех тысяч опрошенных молодых людей в возрасте до 25 лет заявили, что ничего не знают о 2,8 млн погибших в Аушвице, из которых 1,3 млн — евреи, поляки, русские, цыгане, немцы, и еще о тысячах узников других национальностей, уничтоженных в газовых камерах и расстрелянных эсэсовцами. Советский Союз, по мнению многих из них, воевал на стороне гитлеровской Германии, а Вторую мировую войну выиграла американцы.

Американский историк Х. Болдуин считал, что на исход войны повлияли одиннадцать «великих кампаний» [18]. И только одну из них — Сталинградскую битву — он внес в этот список. Немецкие историки Г. Якобсен и Г. Доллингер насчитали семь «поворотных пунктов» Второй мировой войны [19]. В них внесли только одну Сталинградскую битву. И даже роль этой битвы в разгроме фашистских войск приуменьшалась. Она ставилась западными историками в один ряд с теми операциями американско-английских войск на второстепенных театрах войны, которые широко рекламировались на Западе как «решающие битвы». Особенно часто сравнивали Сталинградскую битву со сражением в Северной Африке у Эль-Аламейна в октябре-ноябре 1942 г. Это объясняется рядом причин. Отказавшись от

своего обещания открыть второй фронт в 1942 г., союзники пытались выдать победу под Эль-Аламейном и высадку американско-английских войск (операция «Торч») за событие, равное по значению второму фронту. Американский историк Зимке писал, что битва под Сталинградом означала лишь «...такой же поворот событий на Востоке, каким на Западе были до этого сражение за Эль-Аламейн и операция «Торч»» [20]. Такие оценки принижали роль Сталинградской битвы как одного из величайших событий Второй мировой войны. Если битва за Сталинград привела к окружению и уничтожению 330-тысячной группировки противника, то при Эль-Аламейн наступление вылилось в «прогрызание обороны». Окружения не получилось, и фельдмаршалу Роммелю удалось оторваться от англичан и организованно отвести часть своих войск в Тунис, где они и закрепились. Если в ходе Сталинградской битвы противник потерял 1,5 млн солдат и офицеров — 25% всех сил фашистского блока на советско-германском фронте, то в сражении под Эль-Аламейном потери фашистской группировки составили всего 55 тыс. солдат и офицеров.

Следует отметить, что не все историки придерживались такого мнения. Например, К. Рейнгард (Германия) подтверждал, что уже в битве под Москвой Гитлер потерпел поражение, не сумев реализовать свой план молниеносной войны [21].

А. Мишель (Франция) видел коренной перелом в войне именно после Сталинградской битвы [22]. Д. Ирвинг (Англия) считал, что Курская битва закончилась вничью [23], хотя М. Кэйдин (США) назвал ее для фашистской Германии «катастрофой невообразимых размеров» [24].

«В победе над Японией Советский Союз якобы не сыграл никакой роли», — считал президент США Г. Трумэн [25]. Маньчжурская стратегическая операция Советской Армии ничего не стоила по сравнению с применением Америкой ядерного оружия. Однако эту версию не поддерживают даже японские историки Второй мировой войны.

В целях приуменьшения вклада СССР в Победу делались попытки принизить военное искусство нашей армии. Тем не менее в отдельных трудах таких историков, как Б. Питт (Англия), Ф. Гамбьез (Франция) давалась объективная оценка таланта наших полководцев и самоотверженности всего советского народа, в результате чего удалось одержать Великую победу, юбилей которой мы отметили в этом году [26].

В настоящее время, конечно, легко рассуждать, какой ценой досталась победа, можно ли было из-

бежать многочисленных жертв и т.д. Но в обстановке того времени были приняты именно те решения, которые были приняты. И осуждать за это политиков сейчас, видимо, не совсем правильно. Принятие решений происходило в сложной политической обстановке, непосредственно в бою, на полях сражений, в условиях отсутствия времени, а не в тиши кабинетов. Нельзя и принижать массовый героизм всего советского народа, стойкость, мужество и отвагу советских людей. Некоторые историки объясняют это излишней жестокостью фашистских войск, русским национализмом и другими причинами.

Освобождение западных государств некоторые политики сейчас трактуют как советскую экспансию, оккупацию, агрессию, ставшую причиной «холодной войны». Однако американские историки Дэвис Дональд и Трани Юджин, выпустившие книгу «Первая холодная война А», в своем исследовании, которому посвятили 20 лет жизни, убедительно доказали, что «холодная война» была на самом деле «войной Б». Первая же, А, произошла между двумя мировыми войнами. И пиком ее стал 1941 год [27].

Американский историк Г. Бернс назвал итоги Второй мировой войны «катастрофическими» для США, так как победа над фашизмом привела к усилению коммунизма во всем мире [28].

Послевоенные историки В. Риппер (Германия), Р. Хоббс (США) утверждали, что в результате Второй мировой войны произошло поражение западной цивилизации [29, 30]. Одна из целей таких заявлений — очернить опыт совместных действий союзников против общего врага. Показать, что направленность общей политики, совместные действия в годы Второй мировой войны — это просто случайность, недоразумение.

В настоящее время западная историческая наука ищет все новые оправдания произошедшему. И чем дальше мы уходим от войны, чем меньше остается в живых прямых свидетелей этих событий, тем больше появляется людей, стремящихся пересмотреть итоги и уроки войны, принизить роль и значение нашего государства в победе над фашизмом.

Современные историки разделились. Такие известные на западе представители исторической науки, как Эрнст Нольте и Йохим Гоффман, австрийский философ Эрнст Топич и беглый советский разведчик Владимир Резун (псевдоним Виктор Суворов), обосновавшийся в Англии, противопоставляют себя историкам Юбершер Герд и Бианке Пиетров-Энкер.

Чем дальше мы удаляемся от Второй мировой войны, тем ожесточеннее ведется борьба за правду.

Военно-исторический научно-исследовательский институт во Фрайбурге выпустил сборник «Германский рейх во Второй мировой войне», где оправдывается превентивная война со стороны фашистской Германии. Теперь это почти официальный тезис немецкой исторической науки. Эрнст Топич написал книгу «Война Сталина», где говорит о том, что Гитлер вынужден был в своей политике идти на поводу у Сталина, тем самым оправдывая развязывание Гитлером Второй мировой войны [31]. Историк В. Мазер утверждает, что вторжение Гитлера лишь на несколько часов опередило нападение Советского Союза на фашистскую Германию. Значит, война советского народа не может считаться справедливой, возмездной, оборонительной, Отечественной [32]. Она, по его мнению, являлась оборонительной борьбой Европы против большевизма. И действительно, в 1941–1945 гг. против Советского Союза практически воевала вся завоеванная Гитлером Европа, с 350 млн населением и ее экономикой. Однако в 1945 г. удалось победить и фашистскую Германию, и японских милитаристов, в чем немалая заслуга советской экономики, советского народа и его Вооруженных сил.

В настоящее время нам снова приходится доказывать свое приоритетное право на победу. И в этом во многом вина нашего государства, прежде всего из-за отсутствия в нашей стране государственной идеологии, идеологических целей, задач, ориентиров. Мы не принижаем нашего прошлого, наших заслуг, Великой Победы. Мы просто имеем возможность говорить о ней все меньше и меньше. Об этом свидетельствует снижение значимости исторической науки как в школах, так и в высших учебных заведениях. Подтверждение тому — постоянное снижение учебного времени на исторические предметы. Одновременно происходит выхолащивание наиболее значимого материала для нашей страны в современных учебниках истории. Учебники, созданные на западные деньги, приводят к тому, что у школьников и студентов порой складывается не совсем правильное представление об исторической науке, истории нашей страны и о Великой Отечественной войне. Нельзя принижать и роль Сталина в войне, именно под его руководством советский народ победил фашизм. Отношение к нему может быть разным, но это часть нашей истории, хорошая она или плохая, но это наша история. И плохо, если наши студенты этого не знают и не хотят понимать [34]. Видимо в этом не только их вина, но вина и государства. В современной литературе, кинематографе, СМИ каких только оценок прошедших событий не встретишь.

Одновременно на полках книжных магазинов можно увидеть и книгу воспоминаний о Второй мировой войне ветерана, и книгу, например, И. Бунича «Операция Гроза». В ее аннотации «...развеивается миф номенклатурных историков о миролюбивой политике Советского Союза» [34]. Чем дальше от войны, тем больше появляется «историков», готовых разделить вину за начало войны между фашистской Германией и Советским Союзом, возложить за нее равную ответственность как на Гитлера, так и на Сталина. На Западе на эту тему написано немало книг, вышло множество кинокартин и т.д. На научных конференциях все чаще звучит одна и та же мысль о решающем вкладе союзников во Второй мировой войне, чем принижается роль Советского Союза.

Некоторые наши историки, такие как В. Дорошенко, например, считают, что только до 1944 г. война была Отечественной. После перехода государственной границы мы, оказывается, поработали Европу, которую Сталин, провокатор Второй мировой войны, планировал захватить еще в 1941 г. К подобным историкам можно отнести А. Зубова, Б. Соколова, А. Мерцалова, Л. Мерцалова, М. Мельтюхова, Ю. Афанасьева и некоторых других.

Г.Х. Попов пытается представить нас чуть ли не грабителями, вывезшими из побежденной Германии в виде военных трофеев, контрибуций, репараций и реституций значительные материальные ценности [35]. Но все должно познаваться в сравнении. Для полной объективности картины лучше наглядно представить цифры, показывающие, сколько материальных ценностей вывезено фашистами, сколько и каких заводов было уничтожено на территории Советского Союза, количество военнопленных, которые работали в народном хозяйстве Германии, и т.д.

Говоря о вывезенных культурных ценностях, было бы справедливо указать, на какую сумму фашисты не только похитили культурных ценностей, но и уничтожили на месте в период оккупации. Если все это сопоставить, выводы будут явно не в пользу Г.Х. Попова. В своей новой книге «1941–1945. Заметки о войне» автор даже оправдывает «власовщину». В ее организаторе он увидел кандидатуру на роль «лидера новой России» [35].

В противовес этому ученому-экономисту патриот своей страны, не менее известный ученый Н.А. Нарочницкая, в своем научном труде «За что и с кем мы воевали» дает объективную, принципиальную оценку «власовщине» и показывает, что ее нельзя оправдывать [36].

Великая победа советского народа в войне с фашизмом до сих пор не дает покоя В. Суворову, который в своей трилогии «Тень победы» пытается провести ее ревизию, очернить ее руководителей [37]. Причем в этом ему активно помогают книжные издательства «ближнего зарубежья», такие как издательство Сталкер (Украина), ООО «ФУА информ» (Минск) и некоторые другие.

В значительном разнообразии выходящей литературы, посвященной Великой Отечественной войне, нашей молодежи должно помочь разобраться, в первую очередь, государство. Для этого необходимо вести целенаправленную государственную политику воспитания молодого поколения. Например, в книге «22 июня. Правда генералиссимуса» А.Б. Мартиросяна, посвященной великим ратным труженикам, простым солдатам и офицерам [38], книге «22 июня, или Как началась Великая Отечественная война» М. Солонина [39], а также «1941. Забытые победы Красной Армии: военно-исторический сборник» [40] показаны героизм советского народа, твердость руководства государства и самоотверженность армии в начальный период войны.

Большого можно было ожидать и от нашего кинематографа, который, благодаря усилиям Н. Михалкова, превратился в инструмент осваивания государственных денег. Его фильмы «Утомленные солнцем» и «Предстояние» вызвали, мягко говоря, недоумение. Их можно охарактеризовать как «чистый распад сознания» [41, с. 18]. А ведь на них затрачена огромная сумма — 42 млн долл. Чему могут научить эти фильмы молодое поколение, что воспитать? Или взять телесериал «Штрафбат», где сплошная ложь. Посмотрев его, можно прийти к выводу, что только благодаря штрафникам мы и выиграли войну. А ведь в годы войны через штрафные батальоны прошли всего около 450 тыс. человек, притом что наша армия насчитывала 7 млн личного состава [42].

В условиях демократии и гласности можно высказывать и показывать различные точки зрения, и они во многом будут зависеть от гражданской позиции каждого человека, обширности его знаний и масштабов мышления. Но государство должно регулировать процесс воспитания молодежи.

Наиболее важным уроком празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, видимо, является то, что для предотвращения новой войны народы всех стран могут и должны объединиться путем укрепления доверия и сотрудничества. Правильно поступило российское руководство, пригласив принять участие в торжествах представителей стран

антигитлеровской коалиции, а также Германию. Это должно было способствовать сплочению мирового сообщества перед угрозами развязывания новых войн и вооруженных конфликтов, других возможных мировых глобальных угроз и катастроф.

В России особенно сплотило наше общество проведение шествия «Бессмертный полк», в котором принял участие Президент, а также такие акции, как мотопробег российских и европейских байкеров, закончившийся в Берлине, эстафета «Стихи Победы». Большое воспитательное значение имел, особенно накануне праздника, сайт Минобороны России «Память народа» и др.

Последнее время государство начало уделять больше внимания регулированию процессов воспитания, в первую очередь молодежи, защите российской культуры, науки и других жизненно важных направлений. Воспитание должно строиться именно на героическом прошлом нашего народа. Поэтому

следует вспомнить Указ Президента РФ «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»². Данный указ, на наш взгляд, должен способствовать защите исторической правды, учить на ней будущее поколение россиян, улучшать духовный облик молодежи, воспитывать патриота своей Родины. Но важно, чтобы Комиссия не превратилась в орган цензуры. Иначе хорошую идею можно извратить до неузнаваемости.

Примером борьбы с фальсификациями Второй мировой войны может служить книга Николая Старикова «Фальсификаторы истории. Правда и ложь о Великой войне» [43]. Книга основана на реальных исторических документах. Тем не менее празднование 70-летия Победы дало возможность еще раз вспомнить о погибших и поклониться живым, усилить борьбу на идеологическом фронте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чубарьян А. Исторические разногласия — нормальное явление // Российская газета. 2015. № 50 (6621). URL: <http://www.rg.ru/2015/03/12/uchebnik.html> (дата обращения: 15.07.2015).
2. История второй мировой войны 1939–1945 гг. (в 12 томах). М.: Воениздат, 1973–1982.
3. *Root W.* Secret History of the War, New York, 1945. Vol. 2. 189 p.
4. *Toland J.* The Rising Sun. New York, 1970. 259 p.
5. *Fest J.* Hitler. Eine Biographie. Frankfurt a\М., 1974. 831 s.
6. *Freund M.* Deutsche Geschichte. Gutersloh, 1974, 1277 s.
7. *Leckie R.* The Wars of America. New York, 1968. 667 p.
8. *Aron R.* Marxismes imaginaires. Paris, 1970. 11 p.
9. *Fischer L.* Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917–1941. New York, 1969. 499 p.
10. *Helmdach E.* Uberfall? Der sowjetisch-deutsche Aufmarsch 1941. Neckargemund, 1978.
11. *Hildebrand K.* Deutsche Aussenpolitik 1933–1939: Kalkuloder Dogma? Stuttgart, 1973. 106 p.
12. *Irving D.* Hitler's War. London, 1977. 177 p.
13. *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945. М.: Воениздат. 632 с.
14. *Dupui T.* World War II. A Compact History. New York, 1969.
15. *Salisbury H.* The Unknown War. Toronto — New York — London, 1978. 109 p.
16. *Binder G.* Geschichte im Zeitalter der Weltkriege. Stuttgart, 1977. Bd. 1. 703 s.
17. *Buchanan A.* The United States and World War II. New York, 1964.
18. *Baldwin H.* Battles Lost and Won. Great Campaigns of World War II. New York, 1966.
19. *Jacobsen H., Dollinger H.* Der zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Munhen, 1968, Bd. 5. Kriegswende 1942/1943.
20. *Zimke E.* Stalingrad to Berlin: the German Defeat in the East. Washington, 1968. 504 p.
21. *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М.: Воениздат, 1980. 383 с.
22. *Michel H.* La seconde guerre mondiale. Paris, 1977. 467 p.
23. *Irving D.* Hitler's War. Focal Point. 538 p.
24. *Caidin M.* The Tigers are Burning. New York, 1974. 244 p.

² Указ Президента РФ от 15 мая 2009 г. № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».

25. Craven W.F. *Army Air Forces in World War II*. Chicago: Office of Air Force History 1955, Vol. 5. 712 p.
26. *History of the Second World War*. London, 1967 (cov.). Vol. 3. № 15.
27. Сабов А. Все вели двойную игру // Российская газета. 2005. 27 апр. С. 14.
28. *Perpetual War for Perpetual Peace*. New York, 1953, p. 7.
29. Ripper W. *Weltgeschichteim Auffris*. Frankfurt a/M., 1976, Bd. 3. Teil 1. VomerstenWeltkriegbis 1945, s. 492.
30. Hobbs R. *The Myth of Victoru*. Colorado, 1979. 235 p.
31. Topitsch E. *Stalins Krieg: Die sowjetische Langezeitstrategiegegen den Westenals rationale Machtpolitik*. Munchen, 1986.
32. Maser W. *Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der Zweite Weltkrieg*; Selent: Pour le MériteVerlag, 2007.
33. Открытое письмо московских студентов Президенту России // Новая газета. 2010. № 42. С. 4.
34. Бунич И. *Операция «Гроза»*. СПб.: Облик, АСК, 1998.
35. Попов Г.Х. 1941–1945. Заметки о войне. М.: Олимп, 2005. 192 с.
36. Нарочницкая Н.А. За что и с кем мы воевали. URL: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2258148> (дата обращения: 15.07.2015).
37. Суворов В. *Тень победы*. Донецк: Сталкер, 2010. 416 с.
38. Мартиросян А. *Правда генералиссимуса*. М.: Вега, 2005. 655 с.
39. Солонина М. 22 июня, или Как началась Великая Отечественная война. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 512 с.
40. 1941. Забытые победы Красной Армии: военно-исторический сборник // редактор-составитель В. Гончаров. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 381 с.
41. Быков Д. Война не спишет // Новая газета. 2010. № 42. С. 18.
42. Язов Д. С фальсификаторами истории надо бороться... // НВО. 2010. № 16. С. 3.
43. Стариков Н. *Фальсификаторы истории. Правда и ложь о Великой войне*. СПб.: Питер, 2015. 272с.

REFERENCES

1. Chubar'yan A. *Istoricheskieraznoglasiya — normal'noeyavlenie* [Historical disagreements — the normal phenomenon]. *Rossiyskayagazeta* [the Russian newspaper]. 2015. № 50 (6621). Aviable at: <http://www.rg.ru/2015/03/12/uchebnik.html> (Accessed: 21.07.2015).
2. *Istoriyavtoroymirovoyvoyny 1939–1945 gg.* (v 12 tomakh) [History of World War II of 1939–1945 (in 12 volumes)]. Moscow, Military Publ. 1973–82.
3. Root W. *Secret History of the War*, New York, 1945. Vol. 2. 189 p.
4. Toland J. *The Rising Sun*. New York, 1970. 259 p.
5. Fest J. *Hitler. Eine Biographie*. Frankfurt a\M., 1974. 831 s.
6. Freund M. *Deutsche Geschichte*. Gutersloh, 1974, 1277 s.
7. Leckie R. *The Wars of America*. New York, 1968. 667 p.
8. Aron R. *Marxismesimaginaires*. Paris, 1970. 11 p.
9. Fischer L. *Russia s Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations 1917–1941*. New York, 1969. 499 p.
10. Helmdach E. *Uberfall? Der sowjetisch-deutsche Aufmarsch 1941*. Neckargemund, 1978.
11. Hildebrand K. *Deutsche Aussenpolitik 1933–1939: Kalkuloder Dogma?* Stuttgart, 1973. 106 s.
12. Irving D. *Hitler's War*. London, 1977. 177 p.
13. Khatatori T. *Yaponiya v voyne 1941–1945* [Japan in the war of 1941–1945]. Moskow, Military Publ. 632 p.
14. Dupui T. *World War II. A Compact History*. New York, 1969.
15. Salisbury H. *The Unknown War*. Toronto — New York — London, 1978. 109 p.
16. Binder G. *Geschichte im Zeitalter der Weltkrige*. Stuttgard, 1977, Bd. 1. 703 s.
17. Buchanan A. *The United States and World War II*. New York, 1964.
18. Baldwin H. *Battles Lost and Won. Great Gampaigns of World War II*. New York, 1966.
19. Jacobsen H., Dollinger H. *Der zweiteWeltkrieg in Bildera und Dokumenten*. Munhen, 1968. Bd. 5. Kriegswende 1942/1943.
20. Zimke E. *Stalingrad to Berlin: the German Defeat in the East*. Waschington, 1968. 504 p.
21. Reyngardt K. *Povorot pod Moskvoy: Krakhgitlerovskoystrategiizimoy 1941/42 goda* [Turn of Moscow: The collapse of Hitler's strategy in the winter of 1941/42]. Moscow, Military Publ., 1980. 383 p.

22. Michel H. *La seconde guerre mondiale*. Paris, 1977. 467 p.
23. Irving D. *Hitler's War*. Focal Point. 538 p.
24. Caidin M. *The Tigers are Burning*. New York, 1974. 244 p.
25. Craven W.F. *Army Air Forces in World War II*. Chicago: Office of Air Force History 1955. Vol. 5. 712 p.
26. *History of the Second World War*. London, 1967 (cov.). Vol. 3. № 15.
27. Sabov A. Vsevelidvoynuyigr [All the subs were playing a double game]. *Rossiyskayagazeta* [the Russian newspaper]. 2005. April 27. P. 14.
28. *Perpetual War for Perpetual Peace*. New York, 1953, p. 7.
29. Ripper W. *WeltgeschichteimAuffris*. Frankfurt a/M., 1976, Bd.3. Teil 1. VomerstenWeltkriegbis 1945, s. 492.
30. Hobbs R. *The Myth of Victoru*. Colorado, 1979. 235 p.
31. Topitsch E. *Stalins Krieg: Die sowjetischeLangezeitstrategiegegen den Westenals rationale Machtpolitik*. Munchen, 1986.
32. Maser W. *Der Wortbruch. Hitler, Stalin und der ZweiteWeltkrieg; Selen: Pour le MériteVerlag*, 2007.
33. Otkrytoepis'momoskovskikhstudentovPrezidentuRossii [Open letter to the President of Russia Moscow students]. *Novaya gazeta* [Novaya Gazeta]. 2010. I. 42. P. 4.
34. Bunich I. *Operatsiya «Groza»* [Operation «Storm»]. St. Petersburg, Look, ASK Publ., 1998.
35. Popov G. Kh. *1941–1945. Zametki o voyne* [1941–1945. Notes on the War]. Moscow, OlimpPubl, 2005. 192 p.
36. Narochnitskaya N.A. *Zachtoi s kem my voevali* [For what and with whom we were at war]. Aviable at: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2258148> (Accessed: 21.07.2015).
37. Suvorov V. *Ten' pobedy* [The shadow of victory]. Donetsk, Stalker Publ. 2010. 416 p.
38. Martirosyan A. *Pravda generalissimusa* [True generalissimo]. Moscow, Vega Publ., 2005. 655 p.
39. Solonina M. *22 iyunyailikaknachalas' Velikayaotechestvennayavoyna* [June 22 or the Great Patriotic War]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2005. 512 p.
40. Goncharov V. *1941. ZabytyepobedyKrasnoyArmii: voenno-istoricheskiiysbornik* [1941. Forgotten victory of the Red Army: Military History collection]. Moscow, Yauza, Eksmo Publ., 2009. 381 p.
41. Bykov D. *Voyna ne spisшет* [The war did not write off]. *Novaya gazeta* [Novaya Gazeta]. 2010. № 42. P. 18.
42. Yazov D. *Sfal'sifikatoramiistoriiniadoborot'sya* [With falsifiers of history we must fight]. *NVO* [HBO] 2010. № 16. P. 3.
43. Starikov N. *Fal'sifikatoryistorii. Pravda ilozh' o Velikoyvoynе* [Falsifiers of history. Truth and lie about the Great War]. St. Petersburg: Peter Publ., 2015. 272 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Оправдание евразийской интеграции / А. Мухин, И. Аглиуллин, С. Гриняев и др. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2015. 224 с.

Почему евразийство нуждается в оправдании?

Авторы исследования утверждают: в нынешней ситуации мы имеем дело с зарождающейся идеологией, особой формой мировоззрения, которая может послужить для значительной части населения России способом определить свою национальную идентичность на новом историческом этапе развития.

УДК 376

DOI 10.12737/13635

Инклюзивное образование в России: в начале трудного пути

Ерохина Оксана Валерьевна

Канд. полит. наук, доцент кафедры «Общая политология» Финансового университета

E-mail: o.v.erokhina@gmail.com

Важным направлением реформирования системы образования в России выступает внедрение инноваций, развитие информационно-коммуникационных технологий в рамках реализации концепции инклюзивного образования. Она предполагает создание новой образовательной среды, основанной на принципе равных возможностей. Совершенствование системы общего и профессионального образования лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) – необходимое условие для расширения возможностей их социальной адаптации.

В статье рассматриваются основные приоритеты государственной политики в этой сфере, проводится анализ актуальной нормативно-правовой базы, выявляются основные проблемы на пути реализации инклюзивного подхода в образовательном процессе.

К настоящему времени сформирована достаточная законодательная база для реализации концепции инклюзивного образования. Однако на практике организация инклюзивного обучения сталкивается с рядом серьезных проблем. Наиболее важные из них следующие: недостаточная проработанность мер по реорганизации учебных заведений в рамках проводимой реформы образования, нехватка целевого финансирования для создания условий полноценной инклюзии, неготовность учебных заведений к тому, чтобы применять существующие нормы на практике и адаптировать текущий учебный процесс под нужды лиц с ОВЗ.

Ключевые слова: инклюзивное образование, лица с ограниченными возможностями здоровья, новые образовательные технологии, социальная адаптация.

Inclusive Education in Russia: at the Beginning of a Hard Way

Yerokhina Oksana Valerevna

Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, General Political Science Department, Financial University

E-mail: o.v.erokhina@gmail.com

An important part of reforming education in Russia is to implement innovations and to develop information and communication technologies within the framework of the inclusive education conception. These involve the creation of a new educational environment based on the idea of equal opportunities. Improving the system of general and professional education of disabled individuals should be considered as the prerequisite of empowering their social integration.

The paper concerns the main priorities of the public policy in this sphere. The analysis of current regulatory and legal framework is carried out. Also the author identifies the main challenges in implementing the inclusive approach in the educational process.

A sufficient legal basis for implementing the concept of inclusive education has already been formed. However in practice the organization of inclusive education faces a number of challenges. The most important among these include inadequate measures to restructure schools under the educational reform, the lack of financial support to create conditions for full inclusion, the ill-preparedness of educational institutions to apply existing legislation in practice and to adapt current educational process to the needs of disabled students.

Keywords: inclusive education, disabled individuals, new educational technologies, social integration.

В последние годы одним из самых актуальных аспектов реформы российского образования стало внедрение инноваций в учебный процесс. Как правило, это подразумевает развитие информационно-коммуникационных технологий в образовании, что открывает обучающимся принципиально новые возможности. В этом контексте особый интерес представляет программа поддержки и развития в Российской Федерации инклюзивного образования.

Инклюзивное образование предполагает обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся, с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей¹. В настоящей статье рассматриваются основные приоритеты государственной политики в этой сфере, проводится анализ актуальной нормативно-правовой базы, выявляются основные проблемы на пути реализации инклюзивного подхода в образовательном процессе.

Министерство образования и науки РФ декларирует² курс на повышение конкурентоспособности российского образования, в том числе путем применения новых форм и методов освоения знаний, подчеркивая приоритет использования современных технологий. Инновации востребованы как с точки зрения поддержки талантливой молодежи и преподавателей, так и с точки зрения расширения числа образовательных программ, доступных лицам с ограниченными возможностями здоровья и инвалидам³.

Согласно докладу заместителя министра образования и науки В.Ш. Каганова, который был сделан на международной конференции ЮНЕСКО 23–25 мая 2015 г.⁴, можно выделить несколько целевых групп, в отношении которых разрабатываются меры государственной поддержки в образовании. Среди них дети с ОВЗ, талантливая молодежь, абитуриенты и учащиеся, заинтересованные в углубленном изу-

чении предметов, в том числе в рамках программ профессиональной подготовки, а также преподаватели, которые не могут удовлетворить свои потребности в существующих системах повышения квалификации отдельных городов и регионов страны. Лица с ограниченными возможностями — наиболее уязвимая группа; разнообразные особенности здоровья входящих в нее лиц (слабовидящие и слабослышащие, слепые, глухие, лица с тяжелыми нарушениями речи и пр.) обуславливают сложности в процессе адаптации образовательных программ, внедрения современных технологий обучения и подготовки педагогических кадров. Вместе с тем, представляется, что совершенствование системы общего и профессионального образования лиц с ОВЗ является необходимым условием для расширения возможностей их трудоустройства, социальной адаптации и повышения качества жизни в целом [1, с. 77–79].

Повышенное внимание государственной власти к процессу социальной интеграции инвалидов в последние годы обусловлено участием России в ряде международных соглашений, гарантирующих соблюдение прав лиц с ограниченными возможностями. Важнейший документ — Конвенция о правах инвалидов, ратифицированная Российской Федерацией в 2012 г.⁵ Отметим, что в данном случае речь не идет о закреплении каких-либо новых прав инвалидов. Политический смысл ее принятия состоит в том, что страны-участницы (более 110 государств) подтверждают важность проблем реабилитации, социальной адаптации и интеграции лиц с ОВЗ в целях повышения качества жизни социума в целом, а также выражают готовность совершенствовать имеющиеся институты и создавать новые для решения поставленных задач.

Конвенцией предусматривается, что государства-участники должны предпринимать всесторонние

¹ См.: Пункт 27 ст. 2 и п. 2 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/2/> (дата обращения: 20.06.2015).

² См., например, выступление министра образования и науки Д. Ливанова на панельной сессии Петербургского международного экономического форума «Инвестиции в науку — фундамент будущего» 18 июня 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://xn--80abucjibhv9a.xn--p1ai/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/5844> (дата обращения: 20.06.2015).

³ Законодательные нормы зачастую устанавливают общие принципы господдержки для лиц с ОВЗ и инвалидов, тем не менее эти понятия различаются. Правовой статус инвалида определяет Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/1995/11/24/invalidy-dok.html> (дата обращения: 20.06.2015). В настоящей статье понятия «инвалид» и «лицо с ОВЗ» часто используются как тождественные в связи с тем, что законодательные различия не имеют принципиального значения при решении поставленных в рамках данной работы задач.

⁴ См.: International Conference on ICT and Post-2015 Education [Электронный ресурс] URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/in-focus-articles/qingdao-declaration> (дата обращения: 10.06.2015).

⁵ См.: Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability (дата обращения: 21.06.2015); Федеральный закон от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/05/05/invalidi-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015).

меры для обеспечения достаточного жизненного уровня инвалидов и их социальной защиты. Для большинства стран, в том числе для России, актуальны такие направления работы, как обеспечение возможности обучения в системе общего образования и доступа к информации, включая содействие использованию жестового языка, азбуки Брайля и др., создание доступной для инвалидов среды — градостроительной, транспортной, коммуникационной инфраструктуры и т.д. Первым этапом, как правило, становится разработка новых законодательных норм, далее — развитие правоприменительной практики.

Нормативно-правовую основу для преобразований, связанных с внедрением новых форм и методов обучения лиц с ОВЗ, можно условно подразделить на три части:

1) документы, определяющие приоритеты государственной политики в сфере жизнеобеспечения лиц с ограниченными возможностями;

2) нормы, регламентирующие применение инновационных технологий в образовательном процессе;

3) документы, определяющие содержание процесса обучения лиц с ОВЗ.

Первую часть нормативной базы, помимо упомянутой Конвенции, составляют государственная программа «Доступная среда» (2011–2015 гг.)⁶ и Федеральная целевая программа по развитию образования⁷. Эти документы законодательно определяют общие приоритеты в рассматриваемой сфере. Более конкретный предмет регулирования имеют нормы, регламентирующие использование инноваций в образовательном процессе с участием инвалидов. В этой части стоит отметить, в первую очередь, принятие норм разрешительного характера, наделяющих учебные заведения разного уровня новыми

правами. Речь идет о праве на применение электронного обучения, дистанционных образовательных технологий в учебном процессе при законодательно закрепленной автономии образовательных организаций, дающей им право самостоятельно определять содержание учебных программ⁸. Таким образом, Федеральный закон об образовании в последней редакции (2012 г.) устанавливает общие рамки для внедрения инклюзивного образования. Заинтересованность федеральной власти в продвижении инноваций отражают также специальные нормы о применении дистанционных технологий в образовании: указы главы государства и распоряжения правительства⁹.

Ключевым документом третьей группы выступает Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) для лиц с ограниченными возможностями здоровья, который определяет содержание инклюзивного обучения. В этом направлении Минобрнауки России была проведена обширная работа, к настоящему времени получены и первые результаты. Так, в части, регулирующей организацию начального общего образования, стандарт был принят в конце 2014 г.¹⁰. В 2014 г. апробация ФГОС начального образования для детей с ОВЗ прошла более чем в 24 субъектах Российской Федерации, 17 из которых получили финансовую поддержку на эти нужды в рамках Федеральной целевой программы «Развитие образования», 7 привлекли средства различных фондов, а также собственные ресурсы. Планируется, что в 2015 г. апробация ФГОС для детей с ОВЗ будет проведена еще в 125 образовательных организациях, как коррекционных, так и общеобразовательных¹¹. Разработаны также специальные требования для реализации ФГОС основного общего и среднего общего образования для обучающихся с ограниченными возмож-

⁶ См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 297 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Доступная среда" на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/70644064/#ixzz3dsD94tek> (дата обращения: 21.06.2015).

⁷ См.: Распоряжение Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 163-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55070647/#ixzz3dsEH7uvQ> (дата обращения: 21.06.2015).

⁸ См.: Там же. Ст. 3, п. 9.

⁹ См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html> (дата обращения: 20.06.2015); Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/05/09/nauka-dok.html> (дата обращения: 20.06.2015); Распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2012 г. № 1921-р «Об утверждении комплекса мер, направленных на повышение эффективности реализации мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов и на обеспечение доступности профессионального образования на 2012–2015 гг.» [Электронный ресурс] URL: http://trud.mos.ru/legislation/federalnye_zakony_i_reglamenty/710558/ (дата обращения: 20.06.2015).

¹⁰ См.: Приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2014 г. № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс] URL: <http://www.eduklgd.ru/uo/fgos/files/2015/1598.pdf> (дата обращения: 21.06.2015).

¹¹ Из выступления замминистра образования и науки В. Каганова на конференции ЮНЕСКО по развитию информационно-коммуникационных технологий в образовании 23–25 мая 2015г.: International Conference on ICT and Post-2015 Education [Электронный ресурс] URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/in-focus-articles/qingdao-declaration> (дата обращения: 21.06.2015).

ностями здоровья. Готовятся к апробации и адаптированные в соответствии с особенностями обучения лиц с ОВЗ варианты общеобразовательных программ¹². А для детей с интеллектуальными нарушениями разработан отдельный стандарт — ФГОС образования обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)¹³.

Отметим также, что к третьей группе норм относится ряд ведомственных документов Минобрнауки России. Речь идет о приказах, которые регламентируют особенности организации обучения в соответствии с образовательными программами высшего образования для инвалидов, а также лиц с ОВЗ¹⁴.

Кроме того, действующим законодательством предусмотрены возможность продления сроков получения профессионального образования, наличие в образовательной организации специальных адаптивных программ, обеспечение возможности обучения в дистанционном режиме в удобной для лица с ограниченными возможностями здоровья форме. Наконец, законодательно закреплены обязательные требования по установлению квоты приема льготных категорий граждан и учету особенностей проведения для них вступительных испытаний. Так, во время приемной кампании 2014 г. все образовательные организации высшего образования установили квоту приема инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья не менее 10% от общей цифры бюджетных мест для приема льготных категорий граждан¹⁵. В дальнейшем эта практика будет продолжена.

Как видим, к настоящему времени сформирована достаточная законодательная база для реализации

концепции инклюзивного образования, тем более что Минобрнауки России ведет постоянную работу по совершенствованию регулирующих этот процесс норм, а также разрабатывает и распространяет методические рекомендации для региональных органов власти (по нормативно-правовым вопросам), а также образовательных учреждений (по вопросам организации учебного процесса). Однако на практике организация инклюзивного обучения сталкивается с рядом серьезных проблем. Наиболее важными из них представляются недостаточная проработанность мер по реорганизации учебных заведений в рамках проводимой реформы образования, нехватка целевого финансирования для создания условий полноценной инклюзии, неготовность учебных заведений к тому, чтобы применять существующие нормы на практике и адаптировать текущий учебный процесс под нужды лиц с ОВЗ. Каждый блок проблем, так или иначе, связан с подготовкой материально-технической базы, кадровым и учебно-методическим обеспечением инклюзивного образования. Отдельным и в перспективе весьма востребованным направлением рассматриваемой реформы представляется формирование лояльного инклюзивным образовательным проектам общественного мнения.

Недостаточная проработанность мер по реорганизации системы образовательных учреждений наиболее наглядно проявляется на примере дошкольного и общего (среднего) образования. Курс на расширение числа учебных заведений, обеспечивающих инклюзивное обучение, сочетается с кардинальными мерами в отношении специальных (коррекционных) детских садов и школ, которые

¹² См.: Проекты адаптированных основных общеобразовательных программ [Электронный ресурс] URL: http://fgos-ovz.herzen.spb.ru/?page_id=574 (дата обращения: 21.06.2015).

¹³ См.: Письмо Минобрнауки России «О разработке и утверждении федерального государственного образовательного стандарта образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, а также разработке и утверждении плана его реализации» [Электронный ресурс] URL: <http://docs.cntd.ru/document/420251879> (дата обращения: 21.06.2015); приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2014 г. № 1599 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)» [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70760670/> (дата обращения: 21.06.2015).

¹⁴ См.: Приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2013 г. № 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/03/12/obg-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015); приказ Минобрнауки России от 19 ноября 2013 г. № 1259 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре)» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/02/12/minobrnauki2-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015); приказ Минобрнауки России от 19 ноября 2013 г. № 1258 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам ординатуры» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/02/12/minobrnauki-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015); приказ Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 3 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/02/25/poryadok-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015); приказ Минобрнауки России от 28 июля 2014 г. № 839 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год» [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/09/03/vuz-dok.html> (дата обращения: 21.06.2015).

¹⁵ См.: Прием в высшее учебное заведение для обучения по программам бакалавриата и специалитета [Электронный ресурс] URL: http://edu.garant.ru/education/guide/highschool/7_7/ (дата обращения: 21.06.2015).

обеспечивают комплексную реабилитацию детей с наиболее серьезными особенностями здоровья. Так, в последние годы отмечается устойчивая тенденция к сокращению персонала подобных учебных заведений и их «укрупнению» за счет присоединения к общеобразовательным школам [2]. Де-факто зачастую это означает ликвидацию части коррекционных детсадов и школ, сокращение штата педагогов-дефектологов, логопедов и иных специальностей, углубленно работающих с различными проблемами «особых» детей (слуховыми, зрительными, психическими и пр.). Как следствие, в процессе реорганизации учебных заведений происходит снижение качества и доступности образовательных услуг, связанных с компенсацией различных проблем у лиц с ОВЗ.

В этом контексте стоит отметить недостаточность методов контроля над прохождением реформы, принятых профильным ведомством. Основным контролирующим инструментом Минобрнауки России служит проведение мониторинга, однако статистика, показывая количественные изменения, не отражает качественных аспектов проблемы инклюзивного образования. Формально реформа достигает поставленных целей, так как число участников инклюзивного обучения растет. По данным мониторинга Минобрнауки России, рост за последние три года составил 15,5%. Как сообщил СМИ министр Д.В. Ливанов, число коррекционных школ сократилось на 3,9%, при этом на 3,5% выросло число коррекционных классов (в общеобразовательных, не специализированных школах) [3]. По данным мониторинга Минобрнауки России, которые были представлены в докладе замминистра В.Ш. Каганова на конференции ЮНЕСКО 23–25 мая 2015 г., по итогам 2014 г. количество детей с ОВЗ и инвалидностью, получающих образование инклюзивно, составило 56% от всего количества детей с ОВЗ, обучающихся в образовательных организациях, а количество базовых общеобразовательных организаций с условиями для инклюзивного образования детей-инвалидов увеличилось до 5961. Наиболее же эффективной, согласно статистике, выглядит работа по внедрению технологий дистанционного образования: в большинстве субъектов федерации (61) все лица с ОВЗ, имеющие потребность в дистанционном образовании, обеспечены соответствующими возможностями, а в 24 регионах проблема приобретения оборудования и подключения к сети «Интернет» еще не решена. Дистанционное обучение в учреждениях среднего профессионального и высшего образования пока не столь распространено, однако

в текущем учебном году более 1,5 тыс. человек пользуются этой услугой, имея доступ к техническому оборудованию, адаптированному с учетом особенностей здоровья «особых» студентов. Таким образом, хотя проект внедрения инклюзивного образования далек от завершения, статистика показывает видимые успехи в этом направлении.

На практике же реализация концепции «включенного» обучения сталкивается с рядом серьезных проблем, связанных с созданием условий для полноценной инклюзии в «обычных» учебных заведениях. Представляется, что первостепенную важность имеют не столько вопросы материально-технического обеспечения, сколько нехватка квалифицированных кадров и трудности адаптации образовательных программ, особенно высшего образования, к потребностям лиц с ОВЗ.

Создание условий для инклюзивного обучения предполагает, в первую очередь, наличие в специализированных образовательных учреждениях соответствующей инфраструктуры. Согласно концепции реформы полностью эта задача должна быть решена к 2016 г., впрочем вероятно продление плановых сроков достижения установленных показателей.

Повсеместное создание образующей так называемую безбарьерную среду инфраструктуры в российских школах (лифты, пандусы, специальные книги для слабовидящих детей, наушники и звукоусиливающая аппаратура для слабослышащих детей и т.д.), по оценке министра образования и науки Д.В. Ливанова, потребует примерно 55 млрд руб. «С учетом того, что наши общие затраты на образование составляют 3 трлн руб., это не очень много, но тем не менее это значительная сумма, которую в бюджете каждого региона необходимо предусмотреть», — отметил глава Д.В. Ливанов на Всероссийском семинаре-совещании по вопросам развития социальной сферы субъектов РФ [2]. За счет каких поступлений региональные власти должны изыскать эти средства, неясно. Отдельно стоит сказать о затратах на внедрение современных технологий, необходимых, например, для реализации программ дистанционного образования. Минобрнауки России активно содействует их распространению, но вопрос об источниках финансирования технического обслуживания оборудования, адаптированного к особенностям лиц с ОВЗ, а также оплаты интернет-трафика пока не решен.

Между тем неблагоприятная экономическая конъюнктура в большинстве случаев приводит к росту дефицитности бюджетов субъектов федерации, при

этом в результате «войны санкций» наибольшие потери несут промышленно развитые регионы. На данном этапе можно прогнозировать продолжение курса на сокращение бюджетных расходов, и, несмотря на то, что социальные программы традиционно являются приоритетными для федеральных и региональных властей, нет оснований полагать, что инклюзивное образование будет признано жизненно важной статьёй расходов.

Еще более сложной задачей представляется обеспечение процесса инклюзивного образования подготовленными педагогическими кадрами [4]. Расширение штата учителей в школах в процессе реорганизации не предусмотрено, несмотря на сокращение числа коррекционных учебных заведений и работающих в них педагогов различной профессиональной направленности, а также необходимого многим детям с ОВЗ медицинского персонала. Не предусмотрено реформой и введение в общеобразовательную систему института тьюторов, которые призваны сопровождать процесс адаптации учеников с особенностями развития, выступая «посредниками» между учениками с ОВЗ и остальными детьми, средой обучения в целом [5, с. 9–17].

При этом в общеобразовательных и общеразвивающих школах и детских садах действуют совсем иные, по сравнению с коррекционными учреждениями, нормы соотношения числа педагогов и обучающихся, что фактически нивелирует ключевой для работы с «особыми» детьми индивидуальный подход в обучении и существенно затрудняет адаптацию образовательных программ к их потребностям. В связи с этим по мере проведения реформы все более востребованными становятся программы переподготовки и повышения квалификации педагогических кадров. На данном этапе они применяются на практике весьма ограниченно, поэтому говорить о невостребованности коррекционных учебных заведений преждевременно. Это подтверждает и резкая негативная реакция представляющей интересы лиц с ОВЗ общественности на проводимые преобразования¹⁶. Пик проявлений недовольства в публичном пространстве пришелся на осень 2014 г., когда подписанное несколькими тысячами человек письмо было направлено заместителю председателя правительства Ольге Голодец. Ответной реакцией федеральной власти стал целый ряд заявлений официальных лиц о необходимости сохранения коррекционных школ и детсадов [6].

К моменту принятия стандарта, регламентирующего дошкольное обучение лиц с ОВЗ (декабрь 2014 г.), учеников с ОВЗ могли принимать только 12% российских школ. Ожидаемый Минобрнауки России прирост этого показателя в 2015 г. составлял 8% (до 20% от общего числа средних общеобразовательных учреждений) [7]. А к 2016 г., согласно концепции реформы, в любой российской школе должны быть созданы все необходимые условия для обучения детей-инвалидов. Отметим, что право выбора «обычного» или специализированного учебного заведения остается за родителями детей с ОВЗ, также учитываются мнения специалистов медико-психолого-педагогических комиссий (МППК), которые определяют базовые образовательные потребности лиц с ОВЗ, отслеживают динамику развития детей и дают индивидуальные рекомендации относительно корректировки учебных программ.

Для реализации программ инклюзивного обучения в высших учебных заведениях Минобрнауки России также разработан проект примерной программы адаптационного модуля для лиц с ОВЗ и инвалидов. Согласно концепции, подобный модуль может быть включен в основную образовательную программу высшего образования по любой специальности или направлению подготовки, что позволит «особым» студентам включиться в учебный процесс и освоить выбранную программу. Однако на данном этапе нет достаточных данных для того, чтобы говорить о результатах реализации этой идеи на практике.

По данным мониторинга Минобрнауки России, в настоящее время программы высшего инклюзивного образования реализуются в 33 специальных учебных заведениях, которые являются центрами по обучению инвалидов. Кроме того, специальные адаптационные дисциплины (модули) разработаны в 13 вузах, процесс их освоения учащимися только начинается. Более распространен такой аспект инклюзивного образования, как обеспечение студентов с ОВЗ специальными адаптированными к их особенностям печатными и электронными образовательными ресурсами: такая возможность реализуется в 74 вузах. Наконец, в 123 учреждениях высшего образования для студентов-инвалидов разрабатываются индивидуальные учебные планы и графики обучения. Дистанционные образовательные технологии используются весьма активно: по данным мониторинга Минобрнауки России, они применяются в процессе реализации 78 образовательных программ бакалав-

¹⁶ См., напр.: Петиция «Спасите систему образования для детей с ОВЗ в г. Москве» [Электронный ресурс] URL: https://www.change.org/p/recruiter=35978144&utm_source=share_petition&utm_medium=facebook&utm_campaign=share_facebook_responsive (дата обращения: 21.06.2015).

риата, 89 образовательных программ специалитета и 13 образовательных программ магистратуры¹⁷.

Таким образом, с точки зрения методического обеспечения, перспективы внедрения инклюзивного образования в вузах вполне благоприятны, хотя процессы корректировки учебных программ, разработки адаптационных дисциплин вряд ли могут быть эффективно завершены в короткий срок. Менее определенно выглядит перспектива решения финансового и кадрового вопросов. На данном этапе неясно, за счет каких средств вузы, выполняя требования закона, должны создавать «безбарьерную среду» для лиц с ОВЗ, а без привлечения квалифицированных кадров для работы с «особыми» студентами велика вероятность того, что на практике неспециализированные вузы смогут создать лишь формальные, а не полноценные условия для инклюзивного образования.

В заключение стоит заметить о перспективах продолжения реформы образования в части реализации концепции инклюзивного обучения. Представляется, это направление преобразований останется в числе приоритетных, госпрограмма «Доступная среда», вероятно, будет дополнена и продлена на период до 2020 г. Федеральная власть в лице профильного ведомства будет активно воздействовать на региональные подразделения, а также на академическую общественность в целях выполнения поставленных задач. Основным направлением работы

Минобрнауки России останется совершенствование законодательной базы и методическое обеспечение различных программ инклюзивного образования. Важным способом претворения в жизнь концепции инклюзивного образования может стать внесение изменений в перечень показателей эффективности деятельности вузов: весьма вероятно, что в нем будет учитываться наличие в учебном заведении соответствующей потребностям лиц с ОВЗ инфраструктуры.

Наиболее перспективным видом инклюзии, получающим государственную поддержку, в среднесрочной перспективе останется дистанционное среднее специальное и высшее образование; «география» его применения будет расширяться. В рамках школьного образования особенно востребованными представляются электронные технологии, сетевые сервисы, а также программы переподготовки педагогических кадров (в том числе реализуемые при поддержке Минобрнауки России в виде вебинаров и пр.), направленные на углубленную работу с детьми с ОВЗ. Процесс сокращения числа коррекционных дошкольных и школьных учреждений, вероятно, продолжится, несмотря на активное сопротивление заинтересованной общественности (прежде всего, это родители «особых» детей), однако можно прогнозировать сохранение части специализированных учебных заведений, рассчитанных на лиц с наименее социально адаптивными особенностями развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михальченко К.А. Инклюзивное образование — проблемы и пути решения // Теория и практика образования в современном мире: материалы межд. науч. конф. СПб., 2012. С. 77–79.
2. Д. Ливанов: число коррекционных школ уменьшилось в РФ за 3 года на 3,9% [Электронный ресурс] URL: // <http://dislife.ru/news/view/38308> (дата обращения: 21.06.2015).
3. Людмила Швецова обратила внимание Д. Медведева на судьбу инклюзивного образования в России [Электронный ресурс] URL: http://shvecova-blog.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=307:2014-04-23-06-59-55&catid=44:blogs&Itemid=81 (дата обращения: 21.06.2015).
4. Ивойлова И. Новые образовательные стандарты для инвалидов опробуют в 2015 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2014/12/16/programma-site.html> (дата обращения: 21.06.2015).
5. Годовникова Л.В., Асафайло О.П. К вопросу подготовки педагогических кадров для реализации инклюзивного образования [Электронный ресурс] URL: <http://edu-open.ru/Default.aspx?tabid=438> (дата обращения: 21.06.2015).
6. Стратегии командного сотрудничества в реализации инклюзивной практики образования: сб. статей / сост.: Н. Борисова, М. Перфильева. М., 2012. 105 с.
7. Минобрнауки выступает за развитие коррекционных школ [Электронный ресурс] URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=98333#.VZHybU_0GWU (дата обращения: 21.06.2015).

¹⁷ Данные мониторинга Минобрнауки России были озвучены в докладе замминистра образования и науки В. Каганова на международной конференции ЮНЕСКО 23–25 мая 2015 г. International Conference on ICT and Post-2015 Education [Электронный ресурс] URL: <http://www.unesco.org/new/en/education/resources/in-focus-articles/qingdao-declaration> (дата обращения: 21.06.2015).

REFERENCES

1. Mikhal'chenko K.A. *Inklyuzivnoe obrazovanie — problemy i puti resheniya* [Inclusive Education: problems and solutions]. *Teoriya i praktika obrazovaniya v sovremennom mire* [Theory and practice of education in the modern world]. St.Peterburg, 2012. P.77–79.
2. D. Livanov: *chislo korrektsionnykh shkol umen'shilos' v RF za 3 goda na 3,9%* [D.Livanov: The number of the schools for children with disabilities had been decreased in 3,9%]. Accessed by: <http://dislife.ru/news/view/38308> (Available at: 21 July 2015).
3. Lyudmila Shvetsova obratila vnimanie D. Medvedeva na sud'bu inklyuzivnogo obrazovaniya v Rossii [L. Shvetsova asked D. Medvedev to pay attention on the future of inclusive education in Russia]. Accessed by: http://shvecova-blog.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=307:2014-04-23-06-59-55&catid=44:blogs&Itemid=81 (Available at: 21 July 2015).
4. Ivoylova I. *Novye obrazovatel'nye standarty dlya invalidov opobuyut v 2015 g.* [New standards of education for people with disabilities will be used in 2015] Accessed by: <http://www.rg.ru/2014/12/16/programma-site.html> (Available at: 21 July 2015).
5. Godovnikova L.V., Asafaylo O.P. *K voprosu podgotovki pedagogicheskikh kadrov dlya realizatsii inklyuzivnogo obrazovaniya* [A problem of teachers' training within the framework of inclusive education concept] Accessed by: <http://edu-open.ru/Default.aspx?tabid=438> (Available at: 21 July 2015).
6. Borisova N., Perfil'eva M. *Strategii komandnogo sotrudnichestva v realizatsii inklyuzivnoy praktiki obrazovaniya* [Strategies of team cooperation in the process of implementation of inclusive education practice]. Moscow, 2012. 105 p.
7. *Minobrnauki vystupaet za razvitiye korrektsionnykh shkol* [The Ministry of Education and Science of Russian Federation supports the development of schools for children with disabilities] Accessed by: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=98333#.VZHybU_0GWU (Available at: 21 July 2015).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Лапшов В.А.

Социология труда: учебное пособие. В 2 ч. М.: Финансовый университет, 2015.

Раскрывается специфика социологического подхода к изучению процессов в сфере труда. Учебное пособие содержит авторскую методику преподавания данной дисциплины. Для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Социология» и «Экономическая социология», преподавателей, а также социологов, работающих в финансово-экономической сфере. Учебное пособие может быть использовано в системе повышения квалификации преподавателей и практических работников.

УДК 377.1

DOI 10.12737/13636

Преемственность в обучении иностранному языку в системе «школа — вуз — работа»

Харченко Марина Григорьевна

Старший преподаватель кафедры «Иностранные языки-2» Финансового университета

E-mail: margrih@mail.ru

В статье рассматривается одна из важных задач подготовки хорошего специалиста в конкретной сфере — обеспечение преемственности способов обучения иностранному языку в рамках системы «школа — вуз — работа». Автор детально описывает четыре составляющие подготовки конкурентно-способного специалиста в условиях современного рынка: образовательную, воспитательную, развивающую и практическую.

Особое внимание в статье уделено основным требованиям, предъявляемым при обучении студентов мастерству перевода иноязычного текста на родной язык, важнейшим из которого является узкопрофессиональный перевод (например, финансово-экономический). Автор рассматривает примеры новых экономических терминов, порожденных современной непростой экономической ситуацией, которые вызывают определенные трудности при поиске адекватного перевода на русский язык. Для этого необходимо обладать соответствующими знаниями в данной области. По мнению автора, интернет может стать хорошим помощником для облегчения процесса обучения переводу и пониманию текста на иностранном языке.

В статье предоставлены ссылки на доступные образовательные ресурсы, которые могут быть использованы преподавателями иностранного языка в поурочной работе как часть основного методического курса, что может значительно расширить объем образовательного пространства и дать возможность обучающимся выполнять большое количество заданий непосредственно в сети. Приводятся примеры увлекательных обучающих программ и интерактивных проектов, которые являются наиболее удобными и интересными сегодня прежде всего потому, что доступ к данным ресурсам чрезвычайно прост и не имеет никаких ограничений.

В качестве одного из путей преодоления разрыва между школьной подготовкой и вузовскими требованиями автор рассматривает необходимость внедрения новых информационных технологий в обучение школьников, обеспечивающих подготовку учащихся к способам изучения иностранного языка в вузе.

Ключевые слова: преемственность образовательных программ, профессионально ориентированное образование, система «школа — вуз — работа».

Continuity in Foreign Languages Teaching Within the «School — University — Job» System

Kharchenko Marina Grig'evna

Senior Lecturer, «Foreign Languages-2» Department, Financial University

E-mail: margrih@mail.ru

The paper suggests, that ensuring continuity in ways of foreign languages teaching to connect learning experiences at all stages of the “school-university-job” educational system should be considered as one of the highest importance to the goal of training competent professionals in a particular sphere. The author describes in details the four main aspects for meeting the said goal, namely, educational, cultural, developing and practical ones, all aimed at bringing up specialists with competencies, relevant to the current employment market.

The paper pays special attention to the main requirements in mastering translation from a foreign language into the native one. Where one of the most important and challenging issue concerns translation of strictly specialized texts, for example on financial and economic topics. The article draws examples of new economic terms which are coined within the current economic environment and cause certain difficulties when it comes to figuring adequate corresponding terms in the Russian language. To translate these correctly one needs background knowledge in the field concerned. The author believes that Internet could be highly conducive in mastering translation and facilitative for better understanding of foreign texts.

The paper provides references for a number of available educational resources, which can be helpful to foreign language teachers as components of classroom activities within the basic methodic course and also can allow students to complete the majority of

assignments directly in the Internet. The article gives examples of appealing educational programs and interactive projects, which are the most useful and engaging resources, first of all because the access to these resources is very easy and unlimited.

The author suggests that one of the ways to overcome the gap between school training outcomes and the requirements of higher school is to introduce new information technologies to school teaching to help school students prepare for foreign language teaching technologies adopted by the higher school.

Keywords: curricula continuity, professional-oriented education, «school — university — job», system.

Важнейшее условие эффективного решения задачи построения системы непрерывного профессионально ориентированного образования — обеспечение преемственности его ступеней: школа — вуз — работа. Изучение проблем функционирования данной системы показывает, что существующая сегодня система среднего образования не всегда может обеспечить преемственность образовательных программ среднего полного и высшего профессионального образования. В практической работе школы и вуза имеет место значительная несогласованность и в содержании, и в методах, и в средствах обучения, а также существенное различие характера и способов познавательной деятельности школьников и студентов.

Рассматривая цели обучения иностранному языку, нельзя не отметить их тесную связь с процессом модернизации российского образования и целями профессионального образования вообще.

Невозможно в условиях современного рынка стать конкурентоспособным специалистом, готовым к постоянному профессиональному росту, а также приобрести профессиональную и социальную мобильность без достижения всех составляющих этой задачи: образовательной, воспитательной, развивающей и практической.

- Под образовательной задачей подразумевается приобретение обучающимся определенного объема знаний, связанных с будущей профессиональной деятельностью, а также информацией по страноведению.
- Воспитательная задача предполагает овладение иностранным языком как действенным фактором социально-экономического, научно-технического и общекультурного прогресса общества; воспитание гражданственности, познавательной активности, т.е. осознанного овладения иностранным языком как средством познания и самосовершенствования.
- Выполнение развивающей задачи означает гармоничное психическое развитие личности, развитие мышления, речевых коммуникативных навыков, языковых, познавательных и творческих способностей.
- Практическая задача — наиболее важный компонент общей образовательной цели, так как она связана

с достижением такого уровня владения иностранным языком, который позволит не только поднять на более высокий уровень узкопрофессиональную деятельность, но будет полезен для дальнейшего самообразования и профессионального роста [1].

Процесс обучения иностранному языку может стать более успешным и продуктивным при создании условий обучения на межпредметной основе. Всесторонне развитую личность невозможно сформировать только на занятиях по иностранному языку, учитывая, например, ограниченное количество учебных часов, выделяемое на изучение данного предмета в неязыковом вузе. Поэтому изучение иностранного языка становится средством коммуникации как способ познания в профессиональной области, а не только как изучаемая дисциплина [2].

В качестве одного из путей преодоления разрыва между школьной подготовкой и вузовскими требованиями может рассматриваться внедрение новых информационных технологий в обучение школьников, обеспечивающее подготовку учащихся к способам изучения иностранного языка в вузе.

Важнейшая характеристика современного профессионально грамотного специалиста — информационная компетенция, которая предполагает умение работать с информацией в самых разных форматах, прежде всего умение искать информацию в интернете и эффективно ее использовать. Сегодня можно говорить о значительном расширении объема образовательного пространства. Появилась возможность предложить всем желающим такой подход в образовании, при котором студенты смогут выполнять большое количество заданий непосредственно в сети. При этом должны использоваться специально созданные педагогические приемы, включающие упражнения для формирования и закрепления различных навыков, обеспечивающие возможность эффективного поиска необходимой информации, а также возможность общения с другими учащимися и с преподавателями [3].

Наиболее эффективный для работы в классе — конструктор Quia¹. Он позволяет преподавателю легко создать собственную интернет-страницу и

¹ Quintessential Instructional Archive (a wide variety of educational tools. URL: <http://www.quia.com/web> (дата обращения: 07.07.2015).

разместить на ней упражнения и проверочные задания, необходимые в работе.

Не менее полезный обучающий формат — Scenario («Сценарий»)². Его лучше всего использовать на завершающем этапе работы над темой, когда пройден весь лексический и грамматический материал. Он дает возможность преподавателю проверить, насколько хорошо усвоен учебный материал и как учащиеся могут практически использовать его в конкретной ситуации.

Интересный формат, который можно использовать в практике преподавания английского языка, — так называемый Treasure Hunt («Поиск сокровищ»)³. Он предлагает выполнение аналогичного, но более объемного задания по сравнению со «Сценарием».

Для более продвинутых во владении иностранным языком, а также в использовании компьютера учащихся существует ресурс WebQuest («Поиск в сети»)⁴, представляющий собой интерактивный вид деятельности. Для работы над WebQuest выбирается актуальная тема, которая вызывает противоречивые мнения или широко дискутируется в обществе. Учебные задания рассчитаны на участие всей группы учащихся.

Возможности использования сети в преподавании английского языка отнюдь не ограничиваются рассмотренными сайтами. Для преподавателя важно регулярно доводить новейшую информацию о существующих в мире других ресурсах до учащихся. Например, раздел Learning English сайта Русской службы Би-би-си, который предоставил возможность бесплатного пользования этим ресурсом⁵. Данный ресурс является наиболее удобным и интересным на сегодняшний день прежде всего потому, что доступ к нему чрезвычайно прост и не имеет ограничений. Здесь публикуются увлекательные обучающие программы, интерактивные проекты, рассказы о культуре и традициях англоязычных стран. При этом речь идет не о методике или онлайн-учебнике, а о мультимедийном ресурсе, который может разнообразить учебный процесс [4].

В исследовании задач узкопрофессионального обучения иностранному языку в системе «школа — вуз — работа» и в обучении языку будущей специальности важное место занимает перевод, т.е. приобретение навыков зрительно-устного и зрительно-

письменного перевода текстов экономического содержания.

При обучении мастерству перевода необходимо добиться того, чтобы учащиеся понимали те уровни и подуровни, на которых происходит реализация данного процесса.

Основные требования, предъявляемые к переводу, можно подразделить на две группы:

- требования, связанные с пониманием переводимого текста;
- требования, связанные с передачей понятого.

Для выполнения данных задач необходимо проводить тщательный анализ лексического состава предложения, а это означает не только знание слов и словосочетаний, терминов, употребляемых в данной отрасли, но и знание реалий и конкретных ситуаций. Все это помогает тому, кто работает с переводом, правильно разобраться в смысловом содержании переводимого фрагмента. И только после этого можно приступить к адекватному переводу текста, используя все богатство русского языка, в частности, принятых в русском языке словосочетаний и терминологии.

Когда речь идет об узкопрофессиональном переводе (например, финансово-экономическом), необходимо помнить, что такой перевод требует не только специальных знаний и навыков от того, кто им занимается, но и специальных знаний в области экономики.

Специалистам, разговаривающим друг с другом на профессиональные темы в официальной и неофициальной обстановке, следует помнить о том, что «Незнание стилистических коннотаций или пренебрежение ими выдает низкую профессиональную подготовку говорящего и способно привести к нежелательным или отрицательным результатам общения» [5, с. 37].

Экономика, как ни одна область человеческой деятельности, заставляет следить за постоянно меняющейся ситуацией и резкими скачками в мировом экономическом развитии. Все события, потрясающие экономику и финансы в глобальном масштабе, так или иначе, влияют на частотность употребления того или иного термина, приводят к появлению большого числа неологизмов, придают хорошо известным словам новые значения. Методические задачи усложняются также и тем, что, к сожалению, все больше набирает силу процесс демократизации языка, поэтому разговорные и прежде сугубо узко-

² AT&T Knowledge Network Explorer: Filamentality Formats. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kn.att.com/wired/fil/formats.html> (дата обращения: 07.07.2015).

³ Course Syllabus. Treasure Hunts <http://www.kn.att.com/wired/fil/>. «Filamentality» (дата обращения: 07.07.2015).

⁴ AT&T Knowledge Network Explorer: Filamentality Formats [Электронный ресурс] URL: <http://www.kn.att.com/wired/fil/formats.html> (дата обращения: 07.07.2015).

⁵ Learning English — BC. Русская служба [Электронный ресурс] URL: http://www.bbc.co.uk/russian/learning_english (дата обращения: 07.07.2015).

профессиональные выражения все активнее проникают в официальную речь.

Современная непростая экономическая ситуация породила такие термины, как «*creditchunch*» (кризис на рынке кредитов), «*securitization*» (секьюритизация), «*subprimecredit*» (кредит, предоставленный непервоклассным заемщикам) и др., что вновь заставило искать возможности адекватного перевода.

Из этих примеров становится ясно, что работа с экономическими терминами и переводом текстов подразумевает необходимость обучения учащихся использованию всего арсенала средств, включая лексические и грамматические трансформации, замену частей речи, антонимический перевод, описательный перевод и т.д. И тем, кто занимается переводом экономических текстов, требуются фоновые знания политических и экономических реалий. При этом необходимо обладать знаниями соответствующей терминологии как на языке оригинала, так и на языке, на который этот текст переводится. Для облегчения процесса обучения переводу и пониманию текста на иностранном языке хорошими помощниками могут стать интернет и его возможности [5].

Получение образования, в частности высшего, базируется на полученных в школе знаниях и представлениях, а также сформированных умениях и навыках, составляющих информационную компетенцию. То, что предлагает сегодня интернет в этой области, на наш взгляд, очень своевременно и современно.

Информационно-коммуникационные технологии все активнее входят в нашу жизнь, и это заставляет работать по-новому, предоставляя учащимся разные возможности изучения иностранного языка, в том числе возможности использования ресурсов сети, что способствует достижению профессионально ориентированной цели обучения иностранному языку в системе «школа — вуз — работа».

Для достижения успеха в профессионально ориентированном обучении учащихся важную роль играет практическая работа школы и вуза, а именно как можно более тесное их сотрудничество с тем, чтобы достичь согласованности в содержании, методах и средствах обучения, а также единства в характере и способах познавательной деятельности школьников и студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1 (41). С. 134–138.
2. Харченко М.Г. Использование интернет-ресурсов в преподавании иностранного языка в вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2011. № 2. С. 88–91.
3. Malyuga E., Ponomarenko E. Distance Teaching English for Specific Purposes // ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Proceedings CD. Madrid: IATED, 2012. С. 4530–4536.
4. Ильина О.К. Использование Интернет-ресурсов в преподавании английского языка / Сб. статей пятого межвузовского семинара по лингвострановедению (Ч. 1). М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 185–191.
5. Николаев С.Г., Моргунова М.Н. К вопросу об экспрессивно-стилистической классификации специальной лексики бизнеса в современном английском языке // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 1. С. 36–41.

REFERENCES

1. Ponomarenko E.V. Sistemnyy podkhod kak metodologicheskaya osnova izucheniya rechevoy deyatel'nosti [System approach as a methodological basis of studying speech activity]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya* [Bulletin of the Samara State University. Humanitarian series]. 2006, I. 1(41), pp. 134–138.
2. Kharchenko M.G. Ispol'zovanie internet-resursov v prepodavanii inostrannogo yazyka v vuze [The use of Internet resources in teaching a foreign language in high school]. *Gumanitarnye nauki* [Humanities and social sciences]. 2011, I. 2, pp. 88–91.
3. Malyuga E., Ponomarenko E. Distance Teaching English for Specific Purposes // *ICERI2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Proceedings CD*. Madrid: IATED, 2012. P. 4530–4536.
4. Il'ina O.K. Ispol'zovanie Internet-resursov v prepodavanii angliyskogo yazyka [The use of Internet resources in teaching English]. *Sbornik statey pyatogo mezhvuzovskogo seminara po lingvostranovedeniyu* [Collection of articles of the fifth inter-university seminar on linguocultural studies]. Moscow, MGIMO-University Publ. 2008. P. 185–191.
5. Nikolaev S.G., Morgunova M.N. K voprosu ob ekspressivno-stilisticheskoy klassifikatsii spetsial'noy leksiki biznesa v sovremennom angliyskom yazyke. [On the issue of expressive and stylistic classification of special vocabulary of business in modern English]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University]. 2000, I. 1, pp. 36–41.

ГУМАНИТАРНАЯ ТЕОРИЯ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПОИСКЕ

УДК 321.7

DOI 10.12737/13637

Консолидация «новых демократий» в условиях глобализации: проблемы и перспективы

Чепель Сергей Львович

Канд. ист. наук, доцент кафедры «Общая политология» Финансового университета

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

Глобализация оказывает противоречивое воздействие на развитие политического процесса в странах «новой демократии», возникших в последней трети XX в. в ходе «третьей волны» демократизации. Создав благоприятные условия для перехода значительного числа стран мира от авторитарных и тоталитарных диктатур к демократии, глобализация в дальнейшем стала, в большинстве из них, препятствием на пути консолидации демократических режимов.

Экономическая, политическая и культурная глобализации способствовали увеличению числа демократических режимов за счет повышения среднего уровня жизни, усиления контроля международных институтов за соблюдением прав человека, распространения демократических ценностей в массовом сознании современными СМИ. Однако уже с середины 90-х гг. XX в. стали проявляться признаки спада демократической волны, выразившиеся в расширении доли так называемых нелиберальных демократий.

Курс правящих элит многих стран «новой демократии» на ограничение институционального предложения политической свободы продиктован необходимостью повышения конкурентоспособности включенных в глобальное разделение труда национальных экономик за счет минимизации внутренних социальных издержек. Неизбежный в этих условиях рост протестной политической активности может быть эффективно ограничен только средствами «демократии низкой интенсивности». Однако пребывание большей части стран «третьей волны» в состоянии нелиберальной демократии является, прежде всего, результатом низкого общественного спроса на политическую свободу, сформировавшегося во многом под воздействием процессов глобализации. Ограничив возможности выхода новых демократических стран за пределы экономической «периферии», глобализация заблокировала процесс расширения в них числа носителей ценностей самовыражения как убежденных сторонников либеральной демократии. Доминирование в общественном сознании стран «третьей волны» ценностей выживания, проявившееся в преобладании утилитарных мотивов поддержки демократических систем правления, способствовало распространению и укоренению в большинстве из них нелиберальной демократии.

Ключевые слова: «третья волна» демократизации, глобализация, глобальная экономика, консолидация демократии, нелиберальная демократия, страны «новой демократии», ценности выживания, ценности самовыражения.

Consolidation of «New Democracies» in a Globalised World: Problems and Perspectives

Chepel Sergey Lvovich

Ph.D (Historical Science), Associate Professor, Political Science Department, Finance University

E-mail: ChepelSL@mpei.ru

Globalization exerts contradictory impact on the political processes in the countries of «new democracy» which sprang up in the last decades of the XXth century in the course of «the third wave» democratization. Globalization created favorable conditions for the transition from authoritarian and totalitarian dictatorships towards democracy in many countries. But later on globalization turned into an obstacle in the way to the consolidation of democratic regimes.

Globalization in economic, political and cultural spheres contributed to the increase of the number of democratic regimes thanks to the following factors: rise in average standards of living, stricter control on the part of international organizations over human rights observance, mass media spreading of democratic values in mass conscience. However starting from the mid-nineties of the last century there appeared some signs of «the democratic wave» decline that was expressed in the rise of the share of the so-called «non-liberal democracies».

Many governments in the countries of «new democracy» pursue a policy of setting a limit to the institutional offer of political freedom. The ruling elites consider this type of policy to be essential so as to boost the competitiveness of their national economies, which are involved in the global division of labor, at the expense of minimization of domestic social costs. The rise of political protests which seem inevitable in these circumstances can be effectively curbed only by the means of «low-intense» democracy. However it should be stressed that coming up of «non-liberal democracy» in «the third wave» countries is the result of low public demand for political freedom that largely took shape in the process of globalization.

Globalization narrowed the possibilities of «new democracies» to pass the limits of the economic «periphery» and in this way it blocked the increase of the number of people who have self-expression values and who become the convinced adherents of liberal democracy. Values of survival prevail in mass conscience and for these reasons utilitarian motives predominate when it comes to giving support to the democratic system of government. As a result «non-liberal democracy» has spread and has taken root in most countries of «the third wave».

Keywords: globalization, global economy, «the third wave», democratization, non-liberal democracy, values of survival, values of self-expression, the countries of «new democracy», the consolidation of democracy.

Сущность и формы глобализации, характер воздействия глобальных структур и процессов на принятие решений национальными правительствами относятся к числу тех проблем, без осмысления которых невозможно выявить особенности функционирования современных политических систем. Несмотря на то, что понятие «глобализация» окончательно вошло в научный оборот только в 80-х гг. XX в., к настоящему времени уже сложилась разветвленная теория данного социального феномена, представленная различными школами. Полемика между гиперглобалистами, скептиками и трансформистами развернулась по таким вопросам, как масштабы, интенсивность, скорость распространения процессов глобализации и степень их влияния на внутреннюю социально-экономическую политику государств. С позиций «гиперглобалистов» глобализация означает движение к единому мировому рынку и транснационализацию сетей производства, торговли и финансов, что неизбежно влечет минимизацию роли национальных правительств в регулировании внутриэкономической деятельности и

международных экономических отношений. Противоположную позицию занимают «скептики», утверждающие, что эффект глобализации сильно преувеличен, а степень экономической взаимозависимости во второй половине XIX в., в период так называемого золотого стандарта, была значительно выше, чем в современном мире, следовательно, национальные правительства продолжают успешно контролировать экономическую ситуацию в своих странах и регулировать международную экономическую деятельность. По мнению же «трансформистов», глобализация, глубоко изменяя не только экономику, но также политику и культуру, вынуждает общество адаптироваться к новому мировому порядку, в котором нет больше четкого разделения социальных процессов на «внутренние» и «международные». При этом национальные правительства, оставаясь верховными носителями власти в рамках территориальных границ государств, действуют уже в иных, чем прежде, условиях, будучи скованными как более широкими международными обязательствами, так и более жесткими требованиями гло-

бальной рыночной экономической конъюнктуры. Последняя точка зрения, по-видимому, наиболее точно отражает современное содержание глобализации как качественно нового этапа развития человеческого сообщества, отмеченного беспрецедентно высоким уровнем пространственного распространения структур экономического, политического и культурного взаимодействия, интенсивности и скорости глобальных взаимосвязей. Влияние же процессов глобализации на сферу политики заключается в последовательной трансформации всего экономического, социального и культурного контекста, в котором осуществляется выработка политических курсов национальными правительствами. В связи с этим нельзя не согласиться с Д. Хелдом и его коллегами, когда они подчеркивают, что «...глобализация означает не столько "конец политики", сколько продолжение ее новыми средствами» [1, с. 527].

Однако воздействие глобализации на функционирование политических систем зрелых и молодых демократий существенно различается. Многие современные исследователи сходятся во мнении относительно того, что главным политическим последствием глобализации в странах «старой» демократии является рост разочарования деятельностью правящих элит при сохранении веры в значимость демократических процессов и интереса к политике. Дело в том, что в условиях, когда политическое регулирование все большего числа процессов переходит от национальных государств к наднациональным институтам, проблемой которых является отсутствие четких отношений подотчетности, в постиндустриальных обществах, отмеченных широким распространением ценностей самовыражения, растет ощущение дефицита демократического участия как способа политического влияния. В целом же данная проблема остается открытой для дальнейшего научного осмысления и поэтому заслуживает отдельного рассмотрения. Более противоречивое воздействие глобализация оказывает на развитие политического процесса в странах «новой демократии», возникших в последней трети XX в. в ходе «третьей волны» демократизации. Оценивая характер этого воздействия, можно предположить, что глобализация, первоначально способствовавшая переходу значительного числа стран от авторитаризма и тоталитаризма к демократии, в дальнейшем стала, в большинстве из них, препятствием на пути консолидации демократии.

Как известно, «третья волна» демократизации отличалась от предшествовавших демократических

«приливов» в полном смысле слова глобальным характером, последовательно охватив значительное число стран всех континентов. Эти беспрецедентные масштабы движения к демократии стали как результатом действия конкретных причин, так и следствием вступления человеческого сообщества в эпоху глобализации. «За распространением демократии, — констатирует Э. Гидденс, — стоит глобализация» [2, с. 21].

Действительно, экономическая глобализация, ускорившая интеграцию национальных экономик в общемировую систему разделения труда за счет либерализации товарных, финансовых, информационно-технологических потоков, расширила возможности для стран «третьей волны» активизировать свой промышленный рост и повысить средний уровень жизни в рамках стратегии стимулирования отраслей, ориентированных на выпуск экспортных товаров. А как свидетельствуют исторический опыт европейских государств и развивающихся стран, повышение среднедушевого дохода, закрепляющее относительное социальное благополучие, рост информированности и образовательного уровня населения действительно подпитывают интерес граждан к политике и демократическому политическому участию. Так, общепризнанным, хотя и критикуемым в науке, остается тезис С. Липсета о том, что «...чем богаче государство, тем выше вероятность того, что в нем будет поддерживаться демократия» [3, с. 46]. В своей книге «Политический человек: социальные основы политической жизни», опубликованной в 1960 г., С. Липсет выдвинул и обосновал гипотезу о том, что экономический рост на основе рыночных принципов, обеспечивающий массовое благосостояние, способствует возникновению и расширению средних слоев, которые со временем становятся главной антиавторитарной силой, а в дальнейшем социальной опорой либеральной демократии. Рыночный экономический рост дает возможность частному бизнесу и гражданскому обществу в целом обрести экономическую автономию от государства. В этих условиях государству волей-неволей придется все больше считаться с обладателями расширяющихся разнообразных ресурсов, ориентироваться на потребности общества, соблюдать его права. К тому же преодоление социально-политической нестабильности, по мере роста благосостояния общества, лишает диктатуры, прежде всего авторитарного типа, тех аргументов, которые ранее служили оправданием их господства. «Продолжительный

экономический успех, — подчеркивают Х. Линц и А. Степан, — может способствовать осознанию того, что исключительные принудительные меры недемократического режима более не являются необходимыми и могут, вероятно, подорвать устойчивость нового экономического процветания» [4, р. 78]. Тезис С. Липсета, в основном, нашел подтверждение в масштабном статистическом исследовании А. Пшеворского, М. Альвареса, Ч. Чейбуб и Ф. Лемонджи «Демократия и развитие: политические институты и благосостояние в мире, 1950–1990», вышедшем в 2000 г. В частности, в работе приведены данные о том, что в странах, где доход на душу населения не превышал 1000 долл., диктатуры стабильно существовали в неизменном виде. При среднедушевом доходе от 1001 до 4000 долл. диктатуры становились менее устойчивыми, что открывало возможность перехода к демократии. В диапазоне же 4001–7000 долл. демократии стабилизировались, приобретая признаки консолидированных. «Действительно, — констатируют авторы исследования, — независимо ни от чего, ни одна демократия не была ниспровергнута — ни в исследуемый нами период, ни до, ни после — в стране, где доход на душу населения был выше, чем в Аргентине 1975 г.: 6055 долл.» [5, с. 93–95]. Если обратиться к примерам поставторитарных стран Южной Европы, можно заметить, что их успешный переход к демократии произошел тогда, когда средний уровень доходов на душу населения приблизился к указанным авторами исследования показателям. Практика переходов к демократии в посткоммунистических странах Восточной Европы также подтвердила выявленную зависимость — стабилизация демократического порядка происходила быстрее в странах с более высоким среднедушевым доходом. Однако корреляция между экономическим развитием и переходом к демократии не носила прямого характера. Как подчеркивают А. Пшеворский и его коллеги, «...смысл не в том, что демократия с большей вероятностью возникает, когда страна с авторитарным правлением переживает экономический подъем, а в том, что демократия с большей вероятностью выживает в уже развитых странах — независимо от того, как эта демократия появилась» [5, с. 96]. Данный тезис важен в плане понимания противоречивого характера воздействия глобализации на развитие политических процессов в странах «новой демократии», так как позволяет объяснить культурные основания спроса на поли-

тическую свободу как условие консолидации демократического режима.

Свою роль в развитии «третьей волны» демократизации сыграл процесс политической глобализации, выразившийся, в частности, в формировании системы международных режимов как принципов, норм, правил и процедур принятия решений, в отношении которых ожидания участников мирового сообщества в той или иной сфере международной политики совпадают. Как известно, после окончания Второй мировой войны большинство государств признало общеобязательность международного режима прав человека, поддержав принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека и ратифицировав в последующие десятилетия целый ряд соглашений и конвенций ООН по гражданским и политическим правам. Действие данного международного режима закрепило в международном праве положение о том, что законная и легитимная власть должна не только нести ответственность перед членами политического сообщества, представителем которого она является, но и обеспечивать гарантии соблюдения прав человека. Несмотря на ограниченные возможности влияния международного режима прав человека на внутреннюю политику национальных государств, он внес свой вклад в либерализацию диктатур, препятствуя преступлениям против человечности, геноциду и военным преступлениям. В то же время он стал важным шагом по пути изменения устоявшегося понимания смысла государственного суверенитета, отвергая представления о том, что вопрос соблюдения прав человека — сугубо внутреннее дело государства.

Заметное влияние на расширение «третьей волны» демократизации оказали процессы культурной глобализации. Глобальный охват радио и телекоммуникационных сетей резко сузил возможности коммунистических, теократических и реакционных военных режимов проводить закрытую культурную политику, подвергая жесткому контролю поступающие извне идеи и информацию. Как подчеркивают Д. Хелд и его коллеги, «...для политики подобного типа современная культурная глобализация представляет самую большую угрозу» [1, с. 436]. Ограниченные возможности осуществлять информационный контроль способствовали нарастанию кризиса легитимности авторитарных и тоталитарных диктатур и их дальнейшей либерализации, за которой, как правило, следовали распространение

демократических ценностей в массовом общественном сознании и рост демократического политического участия. Таким образом, глобализация, действительно, запустила те процессы, которые стимулировали дестабилизацию диктатур и переход к демократии.

Очевидно, что современная эпоха радикально отличается от предшествующих исторических этапов с точки зрения расширения политического участия и распространения демократических политических институтов. Ушли в прошлое практически все абсолютные монархии, ликвидирована система колониализма, прекратили существование мобилизационные идеологические диктатуры и жестокие авторитарные режимы. Прогресс демократии в мире за последние более чем три десятилетия, на первый взгляд, также представляется неоспоримым. Так, по данным «Freedom House», с 1973 по 2010 г. число свободных стран выросло с 43 до 87, а их доля в мире составила 45%, число же несвободных сократилось с 69 до 47, составив 24% стран мира [6]. Именно в этой атмосфере «демократического оптимизма» и появился тезис Ф. Фукуямы о «конце истории» как неизбежной победе «всемирной либеральной революции». «Не приходится сомневаться, — писал он, — что рост либеральной демократии вместе с ее спутником, экономическим либерализмом, является самым удивительным политическим феноменом последних четырехсот лет» [7, с. 93]. Однако уже с середины 90-х гг. XX в. стали проявляться признаки спада демократической волны, выразившиеся в снижении темпов роста доли свободных стран и, что особенно показательно, в расширении к началу 2000-х гг. до 30% доли частично свободных стран. Опираясь на эти данные «Freedom House», известный транзитолог Л. Даймонд, отмечая явно поверхностный характер демократической волны, писал, что «...если абстрагироваться от некоторых достойных внимания исключений, общая тенденция развития последнего десятилетия, коснувшаяся, прежде всего, влиятельных в региональном масштабе стран, заключается в постепенном угасании свободы в электоральных демократиях» [8, с. 18]. Учитывая то, что рейтинги «Freedom House» демонстрируют только степень нормативного закрепления гражданских свобод и политических прав, оставляя за рамками внимания вопрос об их соблюдении правящими элитами на практике, можно предполагать, что к началу XXI в. процесс делиберализации «новых демократий» приобрел весьма широкие масштабы.

Такую ситуацию можно было бы определить как «демократический тупик», имея в виду попадание многих стран «третьей волны» в политическую «серую зону» между авторитаризмом и либеральной демократией. Для таких политических режимов, определяемых как «нелиберальная демократия», характерно то, что правительство на основе демократической конституции гарантирует проведение регулярных выборов, допускает ограниченную деятельность политической оппозиции, но не придает большого значения обеспечению гражданских свобод. Типичным для нелиберальных демократий является создание партийных систем с преобладанием пропрезидентской партии, сочетание многопартийной состязательности со слабым парламентом, низкий общественный спрос на свободу, политическое участие, направляемое правящими элитами в контролируемое ими русло формального электорализма, стремление избранных президентов продлить сроки пребывания на своем посту, низкий уровень массового политического доверия. За исключением бывших социалистических государств Восточной Европы, интеграция которых в Европейский Союз стала, по-видимому, основной причиной их удержания в русле либерально-демократического развития, нелиберальные демократии характерны для значительной части стран «третьей волны», представляя собой либо режимы безответственного плюрализма, либо режимы доминирующей партии. Если для первых характерна острая конкуренция оторванных от жизни общества элитных групп, борющихся за политический контроль над ресурсами, то для вторых — сосредоточение этого контроля в руках одной правящей группы, которой противостоит слабая оппозиция. И в том, и другом случае демократия представляет собой поверхностное явление. Как весьма точно заметил по этому поводу А. Пшеворский, «...люди регулярно получают возможность голосовать, но не выбирать» [9, с. 282].

На первый взгляд ситуация «демократического тупика» означает то, что для стран, оказавшихся в ней, консолидация демократии становится менее вероятной в ближайшей перспективе лишь в силу их разнообразных национальных особенностей. Однако масштабы этого политического феномена говорят о более долгосрочной тенденции, в основе которой лежат глобальные, а не национальные причины и факторы.

Оценивая в начале 90-х гг. XX в. итоги «третьей волны» демократизации, С. Хантингтон подчеркивал:

«...экономическое развитие делает демократию возможной; политическое руководство делает ее реальной» [10, с. 337]. Действительно, субъективный фактор играл существенную роль в развитии трансформационных процессов в демократизирующихся странах в конце XX в. С учетом этого обстоятельства, курс правящих элит большинства государств «третьей волны» на установление «нелиберальной демократии» может трактоваться как вынужденная реакция на вызовы экономической глобализации. Как известно, все «новые демократии» в той или иной мере вставали в начале своего пути перед сложным выбором: что обеспечивать в первую очередь — представительность или эффективность власти, ибо их предшественниками были не просто автократические, но и, как правило, экономически неэффективные режимы. Поэтому, осуществляя политику реформ, правительства поставоритарных и, особенно, посткоммунистических государств сосредоточились не только на политической демократизации, но и на экономической либерализации. Участие в глобальном разделении труда ради повышения конкурентоспособности национальных экономических систем и открытие национальных рынков для торговых и финансовых потоков в целях завоевания доверия инвесторов рассматривались многими пришедшими к власти реформаторами в качестве надежного средства стимуляции промышленного роста. В основу экономической политики большинства переходных обществ в той или иной степени были положены рекомендации Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые известный американский журналист Т. Фридман остроумно назвал «золотой смирительной рубашкой», облачиться в которую вынуждены все участники экономической глобализации. Эти рекомендации, нашедшие выражение в так называемом Вашингтонском консенсусе, сводились к минимизации государственного субсидирования национальных предприятий, свертыванию социальных программ, борьбе с инфляцией за счет налоговой дисциплины, отказу от государственного вмешательства в финансовую сферу, приватизации государственных предприятий, либерализации внешней торговли, поощрению свободы иностранных капиталовложений. Одним словом, по мнению неолиберальных технократов, ликвидация любых трансакционных издержек являлась залогом экономического процветания. Очевидно, что столь жесткие условия участия в глобальной рыночной

экономике сужают пространство демократического разрешения политических конфликтов, возникающих на почве социально-экономических проблем. Ведь поддержание инвестиционной привлекательности за счет минимизации таких внутренних социальных издержек, как «гонка по нисходящей» неизбежно провоцирует рост протестной политической активности. Эффективный же контроль и ограничение последней возможны только в условиях «демократии низкой интенсивности». «Как только правила игры начинают диктоваться требованиями глобальной экономики, доступ отечественных групп к национальной экономической политике и их контроль над ней неизбежно оказываются ограниченными, — пишет, в частности, известный теоретик глобализации Д. Родрик и добавляет, — глобализация совместима с национальным государством, однако только за счет отказа от демократии» [11, с. 409, 410]. Конечно, нельзя полностью согласиться с тем, что включение стран с переходной экономикой в систему глобальных производственных и торгово-финансовых взаимодействий обрекает их на неизбежную авторизацию политических режимов. Тем не менее очевидно то, что в странах «новой демократии», находящихся на полупериферии и периферии глобальной экономической системы, курс на ограничение институционального предложения политической свободы может рассматриваться правящими элитами как фактор повышения конкурентоспособности национальных экономик. Так, по мнению Г.О. Доннелла, своим сдержанным отношением к расширению демократии в переходных обществах современные неолиберальные технократы напоминают собой прежних авторитаристов. «С их точки зрения, — отмечает этот известный транзитолог, — демократизация не является чем-то заслуживающим внимания: в настоящем она рассматривается как политическое минное поле, таящая в себе угрозу экономической рациональности» [12]. Таким образом, если для постиндустриальных обществ политическая дилемма глобализации — экономический рост или либеральная демократия — пока не приобрела сколько-нибудь заметной остроты, то в индустриальных и, тем более, в индустриализирующихся обществах, к которым относятся страны «третьей волны», она весьма актуальна.

Несомненно, ограниченное институциональное предложение политической свободы сыграло существенную роль в деле торможения процесса консо-

лидации «новых демократий». Однако эффективность действия данного фактора всегда определяется тем культурным контекстом, в котором осуществляется выработка политического курса. Поэтому пребывание большей части стран «третьей волны» в состоянии «нелиберальной демократии» следует рассматривать, прежде всего, как проявление низкого культурно обусловленного спроса на политическую свободу, сформировавшегося в поставторитарных и посткоммунистических обществах, как в силу особенностей исторического развития, так и во многом вследствие включения в процессы глобализации.

Как известно, внимание исследователей процессов демократизации рубежа XX–XXI вв. в значительной мере было привлечено к изучению проблемы культурной готовности обществ переходного типа к адекватному восприятию экономических и политических структурных преобразований. Существенный вклад в понимание причинно-следственной связи между массовыми ценностями и демократическими институтами внесли исследования американского социолога Р. Инглхарта, посвященные анализу культурных последствий экономического развития. Разработка концепции культурного сдвига, начатая Р. Инглхартом в 70-е гг. XX в., представляла попытку осмысления феномена стремительного роста в конце 60-х гг. протестных настроений и движений в молодежной среде европейских стран, прежде всего во Франции, Италии и ФРГ. Как известно, к этому времени страны Западной Европы уже благополучно преодолели последствия Второй мировой войны, не только восстановив разрушенную промышленность, но и заметно повысив уровень жизни большей части населения за счет последовательного проведения правительствами курса на развитие социально ориентированной рыночной экономики. Под влиянием этих экономических и социальных перемен, согласно концепции Р. Инглхарта, в 70-е гг. XX в. в западно-европейских странах произошла «тихая революция», когда в процессе смены поколений материалистические цели, сводящиеся к обеспечению экономической и физической защищенности индивида, стали постепенно вытесняться целями постматериалистическими, связанными с укреплением гарантий свободы самоопределения личности. Для обоснования этого предположения Р. Инглхарт выдвинул две основные гипотезы: «гипотезу дефицита» и «гипотезу социализации». Согласно первой, в условиях недо-

статка материальных ресурсов люди озабочены своим выживанием. По мере же достижения материального благополучия и, тем более, изобилия, когда возникает субъективное ощущение безопасности, они переключают свое внимание на самовыражение. В соответствии со второй — преодоление дефицита материальных ресурсов предполагает не автоматическое, а постепенное продвижение от ценностей выживания к ценностям самовыражения, так как основу социального поведения формируют все-таки базисные ценности, усвоенные в процессе социализации в детстве и юности. В историческом плане последовательное расширение в обществе доли носителей постматериалистических ценностей ведет к закреплению в массовом сознании приоритета гражданских свобод и политических прав, к стремлению граждан принять непосредственное участие в выработке политического курса, что, в свою очередь, способствует укреплению демократических институтов, способных гарантировать людям эти свободы и права.

Культурный сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения и последующие изменения политической культуры стали, по мнению Р. Инглхарта, результатом перехода общества к постиндустриальной фазе экономического развития, признаком которой является возрастание материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида. Как было показано выше, мощная система социального обеспечения государством всеобщего благосостояния, созданная в ходе становления постиндустриальной экономики, позволила человеку выдвинуть на первый план жизненные цели, непосредственно не связанные с его экономической и физической безопасностью. Вместе с тем постиндустриальный тип экономической системы, рождающий спрос на массового работника, способного к решению аналитических задач и самостоятельному принятию решений, способствовал росту числа индивидов независимых в своих суждениях и оценках. Наконец, стиль организации производства в постиндустриальной экономике наложил отпечаток на социальные отношения в виде изменения мотивов социальной солидарности, укрепления тенденции к диверсификации социальных контактов человека и преодоления им прежней групповой замкнутости. Действующие в совокупности эти три фактора формируют основу мировоззрения и поведения индивида, склонного к независимому и более критическому

восприятию институтов и норм социального контроля. «Этот процесс эмансипации, — подчеркивают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — дает людям ощущение самостоятельности, в результате чего они начинают придавать большее значение свободе выбора и менее склонны безропотно подчиняться власти, авторитетам и догматическим «общепринятым истинам» [13, с. 52].

Акцент, сделанный исследователями на взаимосвязи материальной, интеллектуальной и социальной автономии индивида, имеет существенное значение для понимания успехов и провалов на пути демократизации. Так, достижение высокого уровня доходов населения за счет экспорта сырьевых ресурсов, что характерно в частности для нефтедобывающих стран арабского Востока, само по себе не может служить импульсом для распространения ценностей самовыражения как фактора, усиливающего спрос на политическую свободу. Разбогатев, эти государства остались авторитарными, ибо их экономика развивалась не по капиталистическому пути. В социальной области речь идет, прежде всего, о неразвитости предпринимательской буржуазии, класса, по природе своей ориентированного на разрушение традиционного политического порядка и создание государственной системы, способной защитить права собственности, свободу бизнеса и продажи рабочей силы. В то же время содержание населения за счет природной ренты препятствует развитию социальной индивидуализации, блокируя зарождение в сознании индивида ощущения личной независимости и порождая социально-политическую пассивность.

Однако стран-рантье, законсервировавших у себя традиционные социально-политические отношения, в современном мире очень мало. Большинство же государств являются индустриальными либо индустриализирующимися обществами. В связи с этим весьма важным, с точки зрения определения условий консолидации «новых демократий», представляется вывод Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что «...индустриальная стадия модернизации приводит к секуляризации власти, а постиндустриальная стадия — к эмансипации от власти» [13, с. 46]. Действительно, результатом модернизации явилась секуляризация культуры, так как индустриализация, ослабившая зависимость человека от сил природы, способствовала не только существенному ограничению роли религии и церкви в общественной

жизни, но и росту популярности рационалистических представлений о социальной и политической организации общества. В то же время процесс социальной мобилизации стимулировал стремительное расширение политического участия. Однако, как известно из истории, открытие политических систем в ходе становления индустриального общества далеко не всегда заканчивалось переходом к демократическому режиму. Значительная часть стран, ускоренно продвинувшихся в XX в. к состоянию индустриальных обществ, вынуждена была использовать мобилизационный тип политического участия для поддержания стабильности авторитарной власти в условиях растущей массовой политической активности. «Тот факт, что индустриализация не приводит к утверждению этики эмансипации, — подчеркивают Р. Инглхарт и К. Вельцель, — позволяет объяснить отсутствие сильной и конкретной связи между индустриализацией и демократией» [13, с. 95]. Иными словами, массовый характер секулярно-рациональных ценностей сам по себе никогда не являлся предпосылкой последовательной демократизации.

Применяя методологию Р. Инглхарта в анализе политической эволюции стран «третьей волны», можно предположить, что добиться демократической консолидации удалось только тем из них, где в силу формирования достаточно широких групп носителей ценностей самовыражения спрос на политическую свободу все же превышал ее институциональное предложение. В странах же, где демократический переход осуществлялся в условиях доминирования в социальной структуре групп носителей ценностей выживания, а значит, и низкого спроса на политическую свободу, сложились нелиберальные демократии. Безусловно, существенное влияние на степень распространения в культуре общества ценностей самовыражения сыграл фактор историко-культурного наследия в виде религиозных традиций и характера предшествующего политического режима. Продолжает оставаться актуальным вывод М. Вебера о том, что некоторые мировые религии являются существенным препятствием на пути развития капитализма, для которого, как известно, характерно ослабление чувств коллективизма и усиление индивидуалистических настроений, близких по своей природе к ценностям самовыражения. Культурное наследие недемократических режимов также существенно различается. Для культуры посткоммунистических обществ характерно сочетание высоких

показателей секулярно-рациональных ценностей и ценностей выживания, как следствие имевшей место в прошлом идеологизации массового сознания, с одной стороны, и невысокого уровня жизни в условиях плановой экономики — с другой. Для культуры поставторитарных обществ, напротив, характерно сочетание средних показателей секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения как результат длительного продвижения по капиталистическому пути развития. Однако, при всей значимости фактора историко-культурного наследия, фаза экономического развития, достигнутая обществом, играет все же ведущую роль в формировании системы ценностей, благоприятствующей процессу консолидации демократии. «Культурные традиции общества оказывают куда большее влияние на измерение традиционных секулярно-рациональных ценностей, — констатируют Р. Инглхарт и К. Вельцель, — тогда как утверждение ценностей самовыражения в значительно большей степени обуславливается процессом модернизации» [13, с. 117].

Трудно спорить с тем, что глобализация, сопровождающаяся наращиванием открытости национальных экономик, активизацией торгового и финансового взаимодействия стран мира, значительно расширила возможности экономического роста. Тем не менее для большинства посткоммунистических и поставторитарных стран включение в глобальную экономику не стало мощным механизмом догоняющего развития. Поэтому большинство современных исследователей проблем глобализации склоняются к тому, что за последние полвека великое расхождение как разрыв между богатыми и бедными регионами мира не сократилось, а расширилось, достигнув беспрецедентных размеров. Если в 1960 г. он составлял 13:1, то в 1990 г. — 60:1. За этот период совокупный объем потребления вырос примерно в 6 раз, но 86% этого потребления приходилось на 1/5 мирового населения и соответственно только 14% — на 4/5 [14, с. 55]. Действительно, как показал период 80–90-х гг. XX в., только немногим государствам в Восточной и Юго-Восточной Азии удалось стать «новыми индустриальными странами», сократив разрыв с постиндустриальными обществами по уровню технологического оснащения промышленности и среднедушевых доходов. Ограниченная часть «новых демократий» сумела добиться некоторых социально-экономических успехов за счет развития

экспортного производства промышленных товаров, основанного на низкой стоимости рабочей силы, и занять свое место в группе индустриальных обществ. Но большинство стран «третьей волны», оставшись поставщиками преимущественно сырьевых товаров на мировой рынок, застряли на задворках глобальной экономики и не смогли преодолеть массовую бедность. Как отмечают, в частности, Д. Хелд и его коллеги, «...новое международное разделение труда усиливает поляризацию экономического благосостояния в глобальной экономике и порождает новые типы стратификации» [1, с. 203]. Таким образом, несмотря на то, что прежнее деление мира на промышленно развитый «Север» и отсталый «Юг» сегодня уступило место более сложной модели взаимодействия участников транснационального производства, можно утверждать, что в условиях глобализации продолжает сохраняться прежняя жесткая система экономической организации мирового сообщества — «центр — полупериферия — периферия».

Однако различия социальных результатов интеграции в глобальную экономику стран трех выделенных групп указывают на то, что их место в системе глобального разделения труда стало не только следствием имеющихся либо отсутствующих у них сравнительных преимуществ, но и результатом экономической стратегии правящих элит. Так, опыт восточноазиатских стран говорит о том, что экономический успех сопутствовал тем обществам, которые продуманно комбинировали рыночное и государственное регулирование, а не строго придерживались неолиберальных рекомендаций. Сосредоточившись на реструктуризации и диверсификации национальных экономик, заимствовании новейших достижений научно-технического прогресса и стимулировании частной предпринимательской инициативы, правительства этих государств, особенно на начальном этапе реформ, старались оградить свои технологически передовые отрасли от конкуренции со стороны импорта, не допуская в полной мере свободной трансграничной торговли. Тем самым они использовали преимущества глобализации как пространства свободного экономического взаимодействия для того, чтобы запустить механизм индустриального роста и покончить с сырьевым характером своих экономик. В свое время по такому пути прошла Япония, восстанавливавшая свою экономику после Второй мировой войны. Эту стратегию с 60-х гг.

XX в. использовали Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Таиланд и Индонезия, ей следует современный Китай и некоторые другие азиатские страны. Те же государства, правительства которых сосредоточили свою внутреннюю экономическую политику исключительно на обеспечении благоприятного «инвестиционного климата», столкнулись, в конце концов, с тем, что конкуренция импортных товаров привела их экономики к деиндустриализации. Из позитивной силы, способной при разумной политике обеспечить устойчивый социально-экономический рост, глобализация в этих странах превратилась в средство консервации экономической отсталости и низких среднедушевых доходов. Как весьма точно заметил в связи с этим Д. Родрик, «...содействие глобализации подменило собой стратегию развития, из шанса, пригодного для стратегического использования, превратившись в самоцель» [11, с. 341]. К этому необходимо добавить, что избранная правительствами ряда стран, прежде всего латиноамериканских, стратегия импортозамещающей индустриализации, показавшая на начальном этапе впечатляющие результаты, в длительной перспективе также продемонстрировала свою неэффективность в плане обеспечения устойчивого экономического роста и повышения среднего уровня жизни.

Таким образом, глобализация, действительно, сыграла и продолжает играть весьма противоречивую роль в судьбе стран, включившихся в последней трети XX в. в «третью волну» демократизации. Результатом их втягивания в глобальное экономическое, политическое и культурное взаимодействие стало распространение секулярно-рациональных ценностей, повышение общественного интереса к политике и политическому участию. Именно благодаря этому воздействию глобализации, «третья волна» демократизации приобрела всемирный масштаб, захватив даже большинство тоталитарных обществ. В то же время глобализация стала существенным

препятствием на пути дальнейшей консолидации «новых демократий», ограничив возможности их выхода за пределы полупериферийного и периферийного экономического состояния и заблокировав, тем самым, рост числа носителей ценностей самовыражения как убежденных сторонников либеральной демократии. В связи с этим весьма показательным, что разочарование в демократии в связи с крушением надежд на то, что она принесет быстрый рост благосостояния, приобрело масштабный характер, прежде всего, в тех странах «третьей волны», где имел место наиболее низкий уровень распространения ценностей самовыражения. Преобладание же в общественном сознании ценностей выживания, проявившееся преимущественно в утилитарных мотивах поддержки молодых демократических режимов, сыграло основную роль в их стабилизации в качестве нелиберальных демократий.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что перспективы консолидации «новых демократий» в условиях глобализации прямо связаны с тем, насколько политика интеграции в глобальную экономику будет содействовать расширению спроса на политическую свободу за счет увеличения доли носителей ценностей самовыражения в социальной структуре стран «третьей волны». Как показала практика, успех в этом направлении сопутствовал тем государствам, политическое руководство которых рационально манипулировало правилами мировой экономической системы в интересах своих национальных производителей, сочетая финансово-экономическую открытость с продуманным протекционизмом. Однако следует признать, что идеология рыночного фундаментализма продолжает оставаться основой экономической политики большинства правящих элит стран современного мира. В этих условиях трудно рассчитывать на формирование в обществах переходного типа социокультурных предпосылок массового спроса на политическую свободу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура [Текст]. — М.: Праксис, 2004. 576 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст]. — М.: Весь Мир, 2004.
3. Лунсем С. Политический человек: социальные основы политической жизни [Текст] // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М.: Ладомир, 2006. 496 с.
4. Linz J. & Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. The Johns Hopkins Press Ltd., London, 1996. 479 p.

5. Пшеворский А. Экономическое развитие и политические режимы [Текст] / А. Пшеворский [и др.] // Теория и практика демократии. Избранные тексты. — М.: Ладомир, 2006. 496 с.
6. Freedom House [Электронный ресурс]. — URL: www.freedomhouse.org (дата обращения: 01.09.2015).
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 с.
8. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? [Текст] / Л. Даймонд // Политические исследования. 1999. № 1. С. 18.
9. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке [Текст] / А. Пшеворский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 320 с.
10. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце 20 в. [Текст] / С. Хантингтон. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 368 с.
11. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики [Текст] / Д. Родрик. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 576 с.
12. Доннелл О. Следует ли слушаться экономистов? [Электронный ресурс]. — URL: www.russ.ru/journal/predely/97-11-11 (дата обращения: 01.09.2015).
13. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Текст] / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — М.: Новое издательство, 2011 464 с.
14. Глобальное сообщество: новая система координат [Текст]. — СПб.: Алетея, 2000. 314 с.

REFERENCES

1. Kheld D. *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura* [Global Transformation: Politics, economy, culture]. Moscow, Praxis Publ., 2004, 576 p.
2. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Missing Peace: globalization is changing our lives]. Moscow, All The World Publ., 2004 p.
3. Lipset S. *Politicheskiy chelovek: sotsial'nye osnovy politicheskoy zhizni* [The political man: the social basis of political life]. *Teoriya i praktika demokratii* [Theory and practice of democracy]. Moscow, Ladomir Publ., 2006. 496 p.
4. Linz J. & Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation: southern Europe, South America, and post-communist Europe. The Johns Hopkins Press Ltd., London, 1996. 479 p.
5. Pshevorskiy A., Al'vares M., Cheyub A., Limondzhi F. *Ekonomicheskoe razvitie i politicheskie rezhimy* [Economic development and political regimes]. *Teoriya i praktika demokratii* [Theory and practice of democracy]. Moscow, Ladomir Publ., 2006. 496 p.
6. Freedom House Available at: www.freedomhouse.org (Accessed: 01.09.2015).
7. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, ООО AST Publisher: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 588 p.
8. Daymond L. *Proshla li «tret'ya volna» demokratizatsii?* [Have the “third wave” of democratization?]. *Politicheskie issledovaniya* [Political researches]. 1999. 11. P.18.
9. Pshevorskiy A. *Demokratiya i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoy Amerike* [Democracy and the market. Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America]. Moscow, “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN) Publ., 2000. 320 p.
10. Khantington S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse 20v.* [The Third Wave. Democratization in the late 20th century]. Moscow, “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN) Publ., 2003. 368 p.
11. Rodrik D. *Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushchee mirovoy ekonomiki* [The paradox of globalization: democracy and the future of the world economy] Moscow, Publishing House of the Gaidar Institute, 2014. 576 p.
12. O. Donnell *Sleduet li slushat'sya ekonomistov?* [Should we listen to the economists?] Available at: www.russ.ru/journal/predely/97-11-11 (Accessed: 01 September 2015)/
13. Ingkhardt R., Vel'tsel' K. *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy. The sequence of human development] A new publishing house, 2011. 464 p.
14. *Global'noe soobshchestvo: novaya sistema koordinat* [The global community: a new coordinate system]. St. Petersburg, Aletheia Publ. 2000. 314 p.

Лидерство и управление обществом. Сущность и значение социального управления

Кулинченко Александр Викторович

Канд. филос. наук, доцент кафедры «Общая политология» Финансового университета

E-mail: ku107@rambler.ru

Государство как центральный политический институт и субъект управления обществом призвано решать ключевые общественные проблемы, осуществлять постановку целей, направлять развитие общества. Особая роль в этом процессе принадлежит политическому лидерству, которое не только объединяет и направляет людей к единой цели, но служит связующим звеном между политикой и управлением делами общества. Однако способность лидера вести за собой людей, проводить государственную политику, осуществлять управление обществом нередко встречает серьезные преграды. Одна из них – неэффективная организация системы государственного управления вследствие недооценки в теории и на практике реальной сложности общества как объекта управления, наличия в нем общественной самоорганизации, самоуправления, саморегулирования.

Если государство и государственное управление не учитывают указанных процессов, игнорируют многообразие реальных интересов и целей людей, участвующих в управлении делами общества, это может вести к дезорганизации системы государственного управления, его бюрократизации, рассогласованию и разобщению различных подсистем, уровней, процессов управления обществом.

Государство как субъект управления обществом призвано обеспечить продуктивное взаимодействие со всеми регулирующими общественными процессами и механизмами. Связующей все процессы управления (самоуправления) в обществе силой является наиболее полная реализация сущности социального управления, которая проявляется в добровольной субординации видов и форм человеческой деятельности. По сути, социальное управление представляет собой систему, в которой горизонтальные взаимодействия людей как субъектов деятельности сознательно и свободно, на основе общности интересов способны трансформироваться в иерархические отношения субординации субъектов и объектов управления. Столь значительная и важная для общества трансформация возможна при наличии действенного института лидерства как особой, обладающей собственной спецификой, в то же время одной из ведущих форм проявления власти в обществе. Подлинное лидерство выступает как зримое выражение сущности и значения социального управления

Ключевые слова: власть, государственное управление, государство, лидерство, общественное самоуправление, политика, социальное управление, управление в обществе, управление обществом.

Leadership and Ruling Over Society. The Main Point and Role of Social Management

Kulinchenko Alexandr Viktorovich

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, General Political Science Department, Financial University

E-mail: ku107@rambler.ru

The government as the central political institution and the subject of the rule of the society is to resolve key social issues, to set goals and to guide and support the social development. Political leadership plays the particular role and not only unites and guides people toward the shared objectives, but also provides as interlink between politics and managing the social matters. But a leader's ability

to lead the people, to pursue the public policy and to rule the society may face severe hurdles. One of these is inefficiency of public administration system as a result of underestimating both theoretically and practically, the actual complexity of the current society as the object to be governed and also due to such processes, as social self-organization, self-government and self-regulation.

When the government and public administration fail to take into account the said processes and ignore the whole diversity of actual interests and goals of people who run public affairs, it could disorganize the public administration system, bureaucratize it and lead to mismatch different subsystems levels and processes in ruling over society.

The government, being subject to the rule of society, should maintain efficient interaction with all the relevant social processes and mechanisms. Full realization of the social management nature, which manifests itself in voluntary subordination of all kinds and forms of human activities, has the power to connect all the ruling and self-ruling processes in the society. Essentially, the social management is conceived as a system, where lateral interaction between individuals, as actors, based on community of interests, can morph freely and consciously into hierarchic chain of command of objects and agents of management. Such transformation, given its paramount importance to the society, can be possible only provided that there exists the efficient institute of leadership, as the particular, specific yet appearing to be one of the main forms of ruling over the society. Genuine leadership is a visible manifestation of the very essence and significance of social management.

Keywords: power, public administration, government, leadership, public self-government, politics, social management, ruling over society.

Лидеры и институт лидерства в целом играют важнейшую роль в общественно-политической жизни страны и каждого ее региона. Особое значение имеет политическое лидерство — в организации политической системы и общества в целом, в разрешении возникающих противоречий и конфликтов, в направлении развития общества к желаемым целям, в управлении общественными делами.

Когда речь заходит об управлении обществом, роль лидерства нередко воспринимается в виде некоего «спускового механизма», импульса, который придает политический лидер, «запуская» механизм государственного управления. Отчасти это верно: определение политического курса, обретение поддержки граждан на демократических выборах, подбор и расстановка кадров, способных осуществить конкретные политические преобразования, иными словами, понимаемая в самом широком смысле политика, действительно, предшествует государственному управлению, определяет, направляет и контролирует его ход. Исследователи давно обратили на это внимание, различая, с одной стороны, понятия политики, государственной политики, и, с другой стороны — государственного управления, администрирования, исполнительной деятельности государственных служащих. Представляется, что такое различие в целом правильно отражает соотношение указанных понятий и объективную взаимосвязь отражаемых ими явлений. Но как часто бывает, необходимая аналитическая процедура различения в сложном объекте важных составляющих, которая способна выявить существующую между ними взаимосвязь, далеко не всегда ведет к раскрытию механизмов и процессов взаимодействия между ними. Тогда перед исследователем возникает некий кон-

гломерат объективно взаимосвязанных явлений, обнаружение механизмов взаимодействия которых в рамках целостного, функционирующего и развивающегося объекта исследования представляет самостоятельную научную проблему. Нечто подобное происходит при анализе взаимосвязи политики и государственного управления, стратегической (политической) цели развития общества и эффективных путей ее достижения. В частности, традиционной проблемой в этой сфере стало решение задачи обеспечения реализации политики правящих сил (партий) посредством государственных органов, государственного аппарата, государственных служащих, подчинение отнюдь не рациональной (по М. Веберу) бюрократии служению общественным целям и интересам.

Государство и государственный аппарат выходят в этом случае на первый план самым естественным образом. Государство как центральный политический и властный институт справедливо рассматривается также, как высший центр управления обществом. Люди, как известно, обладают сознанием и волей, способностью к самостоятельности и самоуправлению, поэтому реализация общегосударственных управленческих решений на практике неразрывно связана с подчинением людей при помощи публичной власти. Имеется и иное основание считать государство наивысшим центром управления общественными делами. Если рассматривать общество как систему управления, состоящую из управляющей и управляемой подсистем, никакого другого, равновеликого государству и равнозначимого общественно-политического института нам не найти. Исходя из этой логики, государство есть управляющая подсистема общественной системы.

Однако общество отличается от других сложно-организованных систем, прежде всего тем, что вся

общественная жизнь осуществляется посредством деятельности людей. Следовательно, государственная жизнь и государственное управление не являются исключением: возникает специальная деятельность по управлению (управленческая деятельность) и исполнению (исполнительская деятельность). Более того, люди, занятые политикой, государственными делами, управлением обществом принимают решения и осуществляют свою деятельность вполне осознанно, они ставят обоснованные цели и сознательными воздействиями направляют процесс их достижения. Логика, на первый взгляд, выглядит безупречной. Однако представляется, что именно в этом пункте коренятся многие практические и теоретические проблемы, связанные с управлением обществом. Рассмотреть эти проблемы в короткой статье не представляется возможным. Поэтому сосредоточимся лишь на некоторых из них.

Во-первых, каким образом можно обеспечить централизованное управляющее воздействие на общество в целом для достижения сознательно поставленной цели управления, если общество представляет собой сверхсложную систему и по определению не поддается контролю из единого центра? Ответ кажется очевидным и банальным: посредством построения иерархии соподчиненных друг другу центров управления. Именно таким образом удается справиться с задачей управления в других сложных динамических системах. Но мы имеем дело с общественной системой, т.е. системой деятельности людей.

Поэтому возникает другой вопрос: как построить систему управления обществом в условиях, когда управленческая и исполнительская деятельность разделены и закреплены за разными людьми, которые обладают собственными воззрениями, желаниями, интересами и целями? Ответ очевиден: необходимо использовать властное принуждение (например, в условиях демократии – принуждение немногих в интересах всех). Следует учесть, что государство как управляющая подсистема представляет собой объединение (зачастую огромный конгломерат) многочисленных государственных органов и организаций, связанных многочисленными взаимосвязями и взаимозависимостями, которые невозможно в одночасье урегулировать нормативным распоряжением. Обязательные для исполнения нормы здесь отстают от реальных процессов и взаимодействий, власть по необходимости персонифицирована в начальниках, распределена по уровням иерархии и далеко не всегда может поддержать своей силой конкретные управленческие решения. В реальности огромный пласт

решений (нередко в скрытой форме) остается во власти бюрократического аппарата, в том числе у тех, кто должен был бы не принимать решения, а исполнять их. Возникает реальная угроза противоборства разнонаправленных управленческих воздействий, того, что, по сути, противоположно управлению, – «управленческого хаоса», потери управляемости. К этому следует добавить крушение надежд членов общества, связывающих свое благополучие с эффективным государственным управлением.

Проблему эффективной организации процесса управления обществом, взаимодействия деятельности по управлению и по исполнению, достижения целей управления обществом во благо всех его членов можно считать традиционной, если не «вечной» проблемой управленческой науки. Поэтому существуют различные подходы к ее разрешению.

Один из таких подходов служил теоретико-методологическим обоснованием советской практики сознательного сверхцентрализованного управления обществом. Несмотря на то, что сама система канула в лету вместе с СССР, ее отдельные рецидивы заметны до сих пор, особенно при решении острых проблем управления в так называемом ручном режиме. Поэтому представляется уместным рассмотреть теоретико-методологическую аргументацию сторонников указанного подхода к «социальному управлению»¹.

Прежде всего, предлагалось провести последовательную экспликацию понятия субъективного фактора, которое отражает деятельность людей как в сознательно-волевом, так и в организационном аспектах. В соответствии с этим подходом управление рассматривалось как субъективная деятельность, историческое развитие которой выражается в усилении сознательного, рационального начала в общественной практике. Фактически, управление отождествлялось с деятельностью субъекта управления, который, взаимодействуя с объективной реальностью, выделяет свой объект. Субъект управления «просматривает», контролирует, целесообразно воздействует на *освоенную им* определенную часть, фрагмент действительности. «Движение субъекта управления по объекту» осуществляется *вглубь и вширь*. В первом случае происходит расчленение глобального объекта на иерархические уровни; во втором – «веерообразное проникновение субъекта» в специфические области, требующие образования специализированных органов управления: субъект управления дифференцируется по отношению к сложному объекту на составные элементы, каждый из которых находит

¹ Понятия «управление обществом», «управление в обществе», «социальное управление» нередко не различались, смешивались или отождествлялись друг с другом и даже с более конкретным и специально-научным понятием государственного управления.

свой особый объект управления. Социальная действительность рассматривалась под углом зрения возможностей ее освоения субъектом управления [1, с. 134, 147–154, 171].

В результате получалось, что главная специфика социального управления состоит в постоянно возрастающей сложности, сознательности, действительности субъекта управления обществом. Из всего богатого многообразия идей, которые предложил системно-кибернетический подход к управлению, приоритет был отдан идее выделения в системе управления управляющей и управляемой подсистем. Они получили наименования субъектов и объектов социального управления, но раскрытию подлинной специфики их взаимосвязи препятствовала явно или имплицитно присутствующая во многих работах того времени идея всемогущества субъекта управления обществом.

Данный тезис был не просто пропагандистским штампом, идеологической установкой. Присутствуя во многих публикациях, он превратился в доминирующий исследовательский принцип, метод, точнее в исследовательскую схему, которая жестко противопоставляла управляющую и управляемую общественные подсистемы². Суть этой схемы можно выразить следующим образом. Общество рассматривалось как система управления, состоящая из управляющей (субъект управления) и управляемой (объект управления) подсистем, которые связаны прямыми и обратными связями. При всех оговорках, что и субъектами, и объектами управления являются люди, существует сложная диалектика субъекта и объекта управления, на деле безоговорочно признавался приоритет упорядочивающего воздействия субъекта на объект без серьезных попыток анализа их взаимообусловленности, тем более смены ролей, взаимоперехода субъектов и объектов друг в друга. Более того, доминирующим подходом при анализе иерархического построения управляющей подсистемы был анализ системы органов, принимающих решения в сфере своей компетенции, т.е. исследование, прежде всего, государственно-правовых, административных аспектов деятельности субъекта управления общественной системой. Это еще в большей степени закрепляло за отдельным человеком роль объекта управления, единственной задачей которого является исполнение приказов свыше, повиновение командам, следующим из управляющего центра.

Это радикально снижало объяснительные возможности подобных исследований. В самом деле, ведь управляющий обществом субъект может стре-

миться реализовать недостижимую в данных условиях цель и при помощи насилия направлять общество на гибельный для него путь, разрушая основы культуры и цивилизации. Тем не менее на основе фрагментарного заимствования ряда выводов кибернетической теории деятельность субъекта, узурпировавшего управленческие функции, может считаться процессом управления, поскольку в ней обнаруживаются и целенаправленное воздействие, и использование информации, и даже обратные связи.

Подобная оценка не является следствием применения абстракций кибернетической теории управления, так как важнейшими признаками процесса управления она признает достижение цели оптимальным путем, с наименьшими затратами, при сохранении упорядоченности системы и даже при повышении уровня ее организации, с возрастанием адаптивных возможностей системы. В кибернетике не может быть и речи о том, чтобы управляющая подсистема преследовала цель, достижение которой сопровождалось бы дезорганизацией системы в целом. К сожалению, как свидетельствует наша трагическая история революций, «коренных поворотов», «скачков», «перестроек», в обществе это возможно.

В той мере, в какой рассматриваемый подход отражал реальности «казарменного» или «административно-бюрократического» социализма и служил их обоснованию, в такой же степени он не пригоден для постижения сущности процесса управления обществом. Принимать за процесс управления деятельность верховного субъекта, которая превращает все общественные подсистемы и каждого человека в простые объекты своего воздействия, можно только игнорируя сложность социальной системы, радикально искажая сущность и предназначение человека в качестве сознательного, активного, деятельного существа.

Сегодня нас в большей степени интересуют не сама субъект-объектная схема и практика советской системы управления обществом, а выводы, которые мы способны извлечь из ее исторического поражения.

Представляется важным привлечь внимание к следующим моментам. Во-первых, потерпела поражение попытка «управлять всем и вся», направляя общество посредством жестких команд. Это убедительно показало, что «управление обществом» не тождественно «управлению в обществе», которое включает многочисленные процессы общественной самоорганизации, самоуправления, саморегулирования отдельных сфер

² В рамках данной работы имеет смысл ввести ее краткое наименование — «субъект-объектная схема».

и областей жизни. Управление обществом как целым есть, скорее, *интегральный процесс* воздействия на него со стороны всех указанных процессов и механизмов, а также в качестве наиважнейшего — государственного управления, при условии, что оно способно их регулировать и выстраивать с ними отношения продуктивного взаимодействия, способствующего достижению поставленных целей.

Для этого, во-вторых, само государственное управление должно быть организовано как целостная система, а не конгломерат внешне связанных, а на деле зачастую соперничающих и противоборствующих друг с другом органов и должностных лиц. *Обретение внутренней связности* системы государственного управления представляется задачей первостепенной важности, поскольку от ее решения зависит *взаимосвязь* с регулирующими общественными процессами иной природы, а также конечный результат всех взаимодействий и взаимосвязей — достижение целей управления общественными делами, удовлетворение потребностей и интересов людей. Акцент с «команды и исполнения» переносится на взаимодействие и *сотрудничество*. «Государственное управление — это организационное сотрудничество государства с коллективными и индивидуальными членами общества, обеспечивающее политически целесообразное закономерное функционирование и развитие» [общества] [2, с. 88, 89].

При этом организационное сотрудничество понимается широко и означает сотрудничество:

- субординационное (упорядочение сверху вниз, от управляющего к управляемому);
- реординационное (снизу вверх, от управляемого к управляемому);
- координационное (упорядочение на одном уровне, точнее, между «равностоящими» субъектами, которые могут находиться на разных уровнях иерархии);
- взаимодействие сторон, направленное на достижение общих целей.

Итак, теоретико-методологические выводы были сделаны, недоставало практических усилий. Через десятилетия эти выводы вновь переосмысливаются в научном сообществе в ходе анализа нового международного опыта и его научного постижения.

Плодотворными направлениями исследований представляются *сетевой подход* к управлению и концепция «*governance*» или, в соответствии с использованием этого термина разработчиками Программы развития ООН, — «хорошее управление» («*good governance*»). Данное понятие объединяет механизмы, процессы и институты, через которые

граждане и группы выражают свои интересы, реализуют свои законные права, выполняют обязанности и балансируют между различиями [3–5].

В определенной степени концепция «хорошего управления» и сетевой подход дополняют друг друга: «...теория политических сетей восстанавливает связи между управлением и политикой» [6, с. 27], а смысл концепции «*governance*» усматривают в том, что «...государственное управление утрачивает прежнюю жесткость, детализированность и регламентированность; оно базируется, скорее, на горизонтальных, чем на вертикальных связях между правительственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом <...> Реализуясь посредством переговоров между государственными и негосударственными структурами, заинтересованными в совместных усилиях для достижения взаимоприемлемого результата, оно способно более эффективно удовлетворять общественные потребности, т.е. вырабатывать социально значимые решения» [7, с. 252].

Представляется, что некое общее направление усилий теоретиков и практиков определилось. Но имеют место и проблемы. В частности, это касается проблемы взаимодействия, соотнесения друг с другом, наконец, взаимопревращения горизонтальных и вертикальных связей. Пока речь идет о сетях (горизонтальных связях), нельзя говорить об управлении (связях вертикальных, иерархических), и наоборот. По крайней мере, до тех пор, пока не выявлены специфические характерные особенности управления в обществе (социального управления), которые позволяют поставить вопрос об их взаимопревращении и взаимопереходе.

В отличие от процессов управления в природе, управление в обществе обладает специфическими признаками, которые определяют его качественное своеобразие. Во-первых, снова о главном: общество составляют люди — живые, сознательные, деятельные существа. Следовательно, не только управляющий центр (управляющая подсистема) представляет собой субъект управления (осуществляющий постановку целей с той или иной мерой сознательного выбора). В качестве объектов выступают люди и их объединения, которые также являются субъектами сознательной деятельности, обладающими способностью целеполагания и свободой воли. Во-вторых, общество как система деятельности способно активно преобразовывать окружающий мир, вовлекать, встраивать в совокупный целенаправленный процесс человеческой деятельности материально-вещественные, биологические, технико-машинные, технологические процессы и технологии в подчиненном целям человека

и преобразованном виде. Успех управления в обществе зависит именно от того, насколько успешно будут объединены под направляющей волей человека процессы управления разнородными отраслями в различных сферах, сегментах, уровнях общественной организации. Высший уровень — государственное управление, как было показано, — не исключение.

Иными словами, успех управления обществом зависит от того, будет ли организован *процесс социального управления*: процесс взаимосвязи и взаимодействия между людьми как субъектами и объектами управления. Такой процесс обязательно должен считаться с природой и своеобразием своего объекта: управление сознательным и волевым субъектом деятельности нельзя свести лишь к регулированию или манипулированию, ибо это рано или поздно будет распознано как внешнее ограничение, безразличное к цели управления — развитию общества и его членов. Это является первым шагом на пути разрушения системы управления и власти в обществе. Вот почему соединяющей, связующей все процессы управления в обществе силой служит наиболее полная *реализация сущности социального управления*.

Социальное управление выступает как особая форма упорядочения общественной системы. Его сущность состоит в том, что на основе использования людьми информации об условиях и возможностях своего развития в качестве субъектов деятельности (и достижения поставленных целей) осуществляется субординация видов и форм человеческой деятельности, которая ведет к воссозданию и укреплению социальных связей между людьми, формированию социальных институтов, норм и структур, а также к повышению уровня организации общественной системы в целом. По сути, социальное управление представляет собой систему, в которой горизонтальные взаимодействия субъектов деятельности сознательно и свободно, на основе общности интересов способны трансформироваться в иерархические отношения субординации субъектов и объектов управления.

Связанные общим интересом субъекты деятельности становятся субъектами и объектами управления, выполняют функцию управления в том случае, если деятельность одного из них раскрывает перед другим новые возможности для действия, не умаляя его

самостоятельности и не отчуждая право на принятие собственных решений. Управление выступает здесь как актуальная информация (информационное воздействие) о возможностях решения новых задач, восхождения к более высоким ступеням индивидуального и общественного развития, а не в качестве ограничивающей эти созидательные устремления информации о санкциях за неисполнение непонятных или слабо обоснованных решений. Поэтому управление не противостоит исполнению, а выступает как продуктивная творческая деятельность. Она выполняет задачу организации совместной деятельности на основе продуцирования ею тех плодотворных идей, ценностей, норм, алгоритмов и образцов поведения, которые, будучи восприняты другими участниками обмена деятельностью, способствуют удовлетворению их потребностей, достижению целей, которые достижимы лишь при условии оптимальной организации общественной системы и эффективного управления обществом.

Наиболее полная реализация сущности социального управления неразрывно связана с высоким уровнем общественной нравственности и культуры, который, по мнению многих, далек от идеала. Однако нам хорошо известен эффективно действующий институт лидерства, в том числе политического, в котором сущность социального управления находит форму своего выражения в современных условиях. Лидер обретает сторонников во многом благодаря тому, что способен провести анализ ситуации, выявить ключевую проблему, предложить решение в интересах людей, обрести их поддержку и повести за собой. Это может быть следствием манипулирования и применения разрушительных политтехнологий («псевдолидерство»). Но это может быть и подлинная живая связь людей при решении общих задач. Представляется, что именно подлинное лидерство может служить основой для управления обществом и соединяет многие формы и разновидности управления в единую целостную систему. Однако для этого необходимо также, чтобы лидерство в созданных людьми организациях, органах власти и управления максимально совпадало с должностной иерархией, формальной организацией, и формальное лидерство не исказило и не выхолостило суть лидерства подлинного, созидающего и направляющего.

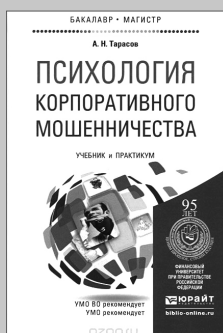
ЛИТЕРАТУРА

1. Лебедев П.Н. Социальное управление. Л., 1982. 255 с.
2. Курашвили Б.П. Очерк теории государственного управления. М., 1987. 294 с.
3. Сморгунув Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. 2001. № 3. С. 103–112.
4. Сморгунув Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «governance» // Политические исследования. 2003. № 4. С. 50–58.
5. Купряшин Г.Л., Соловьев А.И. Теория и механизмы современного государственного управления. М.: Изд-во МГУ, 2012. 642 с.
6. Политико-административное управление: учебник / под общ. ред. В.С. Комаровского и Л.В. Сморгунова. М.: РАГС, 2004. 496 с.
7. Государственная политика и управление. В 2-х ч. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 384 с.

REFERENCES

1. Lebedev P.N. *Sotsial'noe upravlenie* [Social management]. Leningrad, 1982. 255 p.
2. Kurashvili B.P. *Ocherk teorii gosudarstvennogo upravleniya* [Outline of the Theory of Public Administration]. Moscow, 1987. 294 p.
3. Smorgunov L.V. *Setevoy podkhod k politike i upravleniyu* [The network approach to politics and governance]. *Politicheskie issledovaniya* [Political researches]. 2001, I. 3, pp. 103–112.
4. Smorgunov L.V. *Sravnitel'nyy analiz politiko-administrativnykh reform: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k kontseptsii «governance»* [A comparative analysis of the political and administrative reforms from new public management to the concept of «governance»]. *Politicheskie issledovaniya* [Political researches]. Moscow, 2003, I. 4, pp.50–58.
5. Kupryashin G.L., Solov'ev A.I. *Teoriya i mekhanizmy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya* [AI Theory and mechanisms of modern governance]. Moscow, Moscow State University Press Publ, 2012. 642 pp.
6. Komarovskiy V.S. *Smorgunov L.V. Politiko-administrativnoe upravlenie: Uchebnik* [Political and administrative management: a tutorial]. Moscow, Publisher RAGS Publ., 2004. 496 p.
7. *Smorgunov L.V. Gosudarstvennaya politika i upravlenie. V. 2 ch. Ch. 1. Kontseptsii i problemy gosudarstvennoy politiki i upravleniya* [Public Policy and Management. At 2 pm. Part 1. Concepts and issues of public policy and management]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). Publ., 2006. 384 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Тарасов А.Н.

Психология корпоративного мошенничества. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2015. 320 с.

Ложь в бизнесе – это дурная бесконечность, траектория которой проходит через реальные судьбы реальных людей. Законопослушные бизнесмены, чиновники и простые граждане не хотят терять свое имущество и финансовые ресурсы, сопротивляются обману, проявляют осторожность, способны наказывать мошенников и распознавать ложь. К сожалению, не все, не всегда и не во всем. В учебном пособии детально изложена психология корпоративного мошенничества в четкой последовательности: мотивы, цели, способы, результаты. Автор дает научно обоснованные ответы на вопросы: почему бизнесмены лгут и как иллюзия безнаказанности мотивирует мошенников.

Идеология толерантности как субстанциальная основа бытия России в глобальном мире

Кишлакова Наталья Михайловна

Канд. филос. наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета

E-mail: nmkishlakova@mail.ru

В статье рассматривается проблема определения парадигмы развития России в условиях глобализации. Предпринята попытка поиска ответа на вопрос: быть или не быть человечеству как единству многообразия? Проводится анализ трансформаций социума в условиях глобального мира и противоречивости тенденций его развития. Показывается, что практика движения человечества к мировому сообществу порождает в нем не только чувство страха перед культурной гомогенностью, обусловленной утратой отличительных черт традиционных культур во всем мире, но и тенденцию к сохранению различными человеческими сообществами своей национальной идентичности. В XXI в. начинается новый этап исторической динамики национальных идентичностей, который обусловлен растущим в мире процессом демократизации общественно-политических систем, способствующим в том числе расширению прав этнических меньшинств, религиозных конфессий и течений. Отмечается, что в России особое место в осмыслении этого вопроса занимает идейно-философское наследие евразийцев.

Утверждается, что трактовка глобализации как унифицирующей тенденции в цивилизационном развитии является методологическим заблуждением, так как этнонациональная и религиозная многоукладность современного мира требует осуществления реального и продуктивного диалога, в результате которого необходимо выходить за рамки национального развития, одновременно сохраняя их особенности, т.е. добиваться единства многообразия. Создание евразийской «континентальной федерации» на базе идеологии толерантности рассматривается в качестве одного из возможных эффективных инструментов адекватной реакции национальных государств на новые вызовы глобализационного развития. Дается понимание идеологии толерантности как системы принципов и реальных механизмов поддержки разнообразия в эволюции различных сложных систем, потенциал развития, сосуществования, взаимодействия, кооперации, взаимопомощи и консолидации различных социальных общностей. Делается вывод о том, что идеология толерантности – это субстанциальная основа бытия народов, национальностей, государств, религий и мировоззрений в глобальном мире, без которой невозможно сохранение их единства и многообразия. Идеология толерантности способствует расширению диапазона возможностей данных систем в различных непредсказуемых ситуациях.

Ключевые слова: глобализация, идеология, парадигма, субстанциальная основа, толерантность.

Ideology of Tolerance As the Substantial Basis for the Russia's Being in the Global World

Kishlakova Natalia Mikhaylovna

Candidate of Sciences (Philosophy), Professor Philosophy Department, Finance University

E-mail: nmkishlakova@mail.ru

The paper concerns the paradigm of Russia's development in terms of globalization. An attempt is made to answer the question, whether the humankind is to exist or not to exist as the unity of the many. Transformations of society in terms of the global world and contradictory tendencies of its development are being analyzed. As it is revealed, the practice of humanity's movement towards world community not only causes fear of cultural homogeneity resulting from the privation of the peculiarities of traditional cultures

around the globe, but also causes a serious tendency for various human communities to preserve their national identity. Essentially, a new stage in the historical dynamics of national identities begins in the XXI century, which is predetermined by the globally proliferating process of democratization of socio-political systems that, in particular, contributes to the enhancement of the rights of ethnic minorities, religious confessions and denominations. It is pointed out that in Russia, a special role in the apprehension of this problem is played by the ideas and philosophic heritage of the Eurasians, who maintained that universal human culture can only be created through the creation of a multinational culture, and emphasized that universal human progress should not be realized entirely through cultural and social unification of peoples.

It is asserted that the concept of globalization as a unifying tendency in civilizational development is a methodological delusion, by the reason that the ethno-national and religious complexity of the contemporary world demands the implementation of a dialogue, real and productive, the outcome of which would demand to break the framework of national development whilst keeping its peculiarities, i.e., seek for the unity of the many. The creation of the Eurasian "continental federation" on the basis of the ideology of tolerance is considered as one of possible effective instruments of the adequate reaction of national states to new challenges of globalizational development.

The ideology of tolerance has got the new understanding as a system of principles and new mechanisms to support diversity in the evolution of various complex systems, the potential of development, co-existence, interaction, co-operation, mutual assistance and consolidation of various social communities. This ideology ensures sustainable development of humanity inside those systems as the unity of the multitude in the global world, as well as the balance and harmonization of interests between opposing sides in ideology, politics, economy, and also in any other form of interpersonal, social and political interrelation of individuals and social groups. It makes it possible for everyone to determine the right and value of being different. It is concluded that the ideology of tolerance is but the substantial basis for the being of peoples, nationalities, states, religions and outlooks in the global world, without which the preservation of their unity and multitude is hardly possible. It helps enhance the range of capacities possessed by those systems in various unpredictable situations.

Keywords: globalization, ideology, paradigm, substantial basis, tolerance.

Вопрос о парадигме развития России в условиях глобализации неслучайно привлекает к себе пристальное внимание исследователей различных областей социально-философского знания. Логика, динамика, объективные и субъективные факторы развития процесса глобализации все очевиднее свидетельствуют о неоднозначности и противоречивости его последствий как для мирового сообщества в целом, так и для нашей страны в частности. Поэтому трудно не согласиться с А.Г. Асмоловым, который считает, что всем нам давно пора задаться почти гамлетовским вопросом: быть или не быть человечеству как единству многообразия? [1].

Как показывает практика, в столь стремительно трансформирующемся социуме одновременно обнаруживаются и проявляются две противоположные тенденции. Одна из них выражается в стирании пространственных границ между различными социальными системами, переплетении всех сфер общественной жизни и формировании кросскультурного пространства взаимодействия, т.е. целостной мировой системы. Другая тенденция связана с ослаблением национальной безопасности и упадком культуры, обострением проблемы занятости, незаконной миграцией, терроризмом и в целом не несет весомых преимуществ для населения разных стран, в том числе и России. У. Бек пишет: «...вместе с глобализацией <...> рушится структура основных принципов, на которых до сих пор организовывались

и жили общества и государства, представляя собой территориальные, отграниченные друг от друга единства <...> образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и факторами, с одной стороны, и транснациональными факторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой» [2, с. 45].

Неоднозначной и противоречивой является и оценка научным сообществом самого процесса глобализации и его влияния на дальнейшее развитие человеческой цивилизации. В отечественной и западной философской литературе можно обнаружить различные подходы и точки зрения по этому вопросу. Часть исследователей солидаризируется с мондиалистским подходом и считает, что контуры «планетарного человечества» сложились к концу XX в., а в настоящее время формируется «единая мировая цивилизация – глобальное общество», поэтому страны, стремящиеся к сохранению своей национальной идентичности, должны понять объективность этого процесса и принять его [3].

Другая часть считает, что сегодня для России основными приоритетами в ее цивилизационном развитии должны оставаться такие политические и социальные цели и задачи, как сохранение статуса суверенного субъекта мирового процесса, защита национальных интересов в сочетании с идеологией

толерантности по отношению к другим странам и народам, приверженность идеалу правового социального государства [4].

В условиях глобализации движение человечества к мировому сообществу порождает в нем чувство страха перед культурной гомогенностью, обусловленной утратой отличительных черт традиционных культур во всем мире. Но из этого не следует делать вывод о том, что глобализация создает угрозу человеческой идентичности или резко меняет условия ее формирования [5, с. 71]. Уже сегодня становится очевидным тот факт, что глобализация, будучи связанной с процессом унификации цивилизационных различий культуры, порождает и серьезную тенденцию к сохранению различными человеческими сообществами своей национальной идентичности.

По мнению Т.М. Махаматова, в XXI в. начался новый этап исторической динамики национальных идентичностей. Данный этап обусловлен растущим в мире процессом демократизации общественно-политических систем, который способствует в том числе расширению прав и этнических меньшинств, религиозных конфессий и течений [6, с. 118]. Иллюстрацией в этом отношении могут служить явления, которые мы наблюдаем сегодня в Турции (Пакет демократизации), России (о государственных языках в субъектах Федерации), странах Западной Европы (обсуждение проблем мультикультурализма). Как бы то ни было, но все вышеизложенное свидетельствует о том, что невозможно решить проблему единства и многообразия человечества без осмысления вопроса об идеологии толерантности как субстанциональной основы бытия глобального мира.

В России особое место в осмыслении этого вопроса занимает идейно-философское наследие евразийцев. Еще в трудах Н.С. Трубецкого и Л.П. Карсавина было очерчено проблемное поле современных дискуссий о глобализации [7]. Евразийцы метко подмечали, что созидать общечеловеческую культуру можно только путем созидания многонациональной культуры, и подчеркивали, что общечеловеческий прогресс не должен осуществляться только путем культурной и социальной унификации народов.

Определяющую роль в сохранении многонациональной культуры-личности России-Евразии они отводили евразийской элите и государству, идеал которого ассоциировали с «идеей-правительницей». Идеократия, по их мнению, — это та власть, которая призвана реализовывать эту идею с опорой на авторитет традиции, авторитет компетентности и идеологию толерантности. Это власть ответственная, осознающая цели-идеи, обладающая знанием ценностей и

принципов, а не средств и методов. Ее компетентность заключена в знании архе своего народа и общества.

Несмотря на то, что глобализация представляет собой мощнейшее испытание для многонациональных и поликонфессиональных государственных образований, ее трактовка как унифицирующей тенденции в цивилизационном развитии — методологическое заблуждение. Этнонациональная и религиозная многоукладность современного мира требует осуществления реального и продуктивного диалога, в результате которого необходимо выходить за рамки национального развития, одновременно сохраняя их особенности, т.е. добиваться единства многообразия. Вот почему создание евразийской «континентальной федерации» на базе идеологии толерантности могло бы стать одним из эффективных инструментов адекватной реакции национальных государств на новые вызовы глобализационного развития.

Известно, что история развития человечества изобилует проявлениями агрессии, национальной нетерпимости, фанатизма, экстремизма и других человеческих фобий. Это и крестовые походы, и Варфоломеевская ночь, и гитлеровская идеология, и этнические конфликты во Франции, и современная фундаменталистская идеология, и многое другое. И сегодня за примерами далеко ходить не приходится. Ярчайшим подтверждением этому является современное положение на Украине. Наивно думать, что фашизм, неонацизм и другие фобии — это наше прошлое. Человечество привыкло делить мир на своих и чужих, верных и неверных, Запад и Восток, навязывая друг другу мнение о том, что им никогда не сойтись вместе. Жаль, что и многие российские политики до сих пор с трудом осознают тот факт, что распространение ксенофобии, вандализма, мигрантофобии, убийств на национальной почве представляет собой реальную угрозу целостности Российского государства.

В этих условиях все более очевидной становится простая истина — только идеология толерантности выступает объективной субстанциональной основой развития многонациональных и поликонфессиональных открытых обществ и России в глобальном мире. Подчеркнем, именно открытых, так как субстанциональным основанием развития закрытых обществ выступает ксенофобия, доминирование которой ведет к регидности общественных систем, сепаратизму и изоляционизму, конфликту как основе их бытия и развития.

Именно идеология толерантности, которая понимается как система принципов и реальных меха-

низмов поддержки разнообразия в эволюции различных сложных систем, является потенциалом развития, сосуществования, взаимодействия, кооперации, взаимопомощи и консолидации различных видов, рас, народов, национальностей, государств, религий и мировоззрений. Идеология толерантности способствует расширению диапазона возможностей данных систем в различных непредсказуемых ситуациях. Такая идеология обеспечивает в них устойчивое развитие человечества как единства разнообразия в глобальном мире, баланс и гармонизацию интересов противоборствующих сторон в идеологии, политике, экономике, а также в любых других формах межличностного, социального и политического взаимодействия личностей и социальных групп. Она позволяет определить право и ценность каждого быть иным.

В рассматриваемой идеологии феномен толерантности обретает иную систему координат и понимается как противоречивый путь восхождения человечества к человечности. В связи с этим уместно будет вспомнить взгляды таких гуманистов, как Джон Локк, Франсуа Вольтер, Махатма Ганди, Альберт Швейцер, Михаил Бахтин, Мартин Бубер и многих других. Взгляды этих философов были далеки от противников идеологии толерантности, которые сводят ее понимание исключительно к терпимости, мультикультурализму и политкорректности. Последние не хотят осознавать, что ксенофобия утверждает в жизни людей как базовое основание предрассудков, а толерантность содержит опору на разум. Идеоло-

гические установки, основанные на предрассудках, как правило, стоят за большинством человекофобских, нацистских или расистских теоретизирований, обслуживающих идеи превосходства, гегемонии одной социальной группы, нации, расы или класса над другой. Их проявления можно встретить и в современной России, не говоря уже о том плачевном русофобском и неонацистском состоянии, которое мы наблюдаем сегодня на Украине.

Где бы ни находились люди, одержимые ксенофобией, их мышление и действия стоят на трех китах: идеологии фундаментализма, психологии фанатизма и технологии терроризма. Но даже для этих людей идеология толерантности как идеология человечности и ненасилия могла бы стать своеобразной школой жизни с непохожими людьми, школой гуманности и великодушия. В этом отношении важно понимать, что толерантности всегда имманентна внутренняя свобода, а не подавление собственных негативных эмоций, «признание за человеком права на тайну». Одновременно она не исключает взаимозависимости, что позволяет ей обеспечивать устойчивость и целостность человечества как единства многообразия [8, с. 47].

Толерантность — это та основополагающая ценность глобального мира, потребность в которой должна стать аксиомой человеческого бытия, моделью и нормой социального и человеческого поведения, без которой нельзя строить нормальные, основанные на принципах гуманизма, отношения между людьми.

ЛИТЕРАТУРА

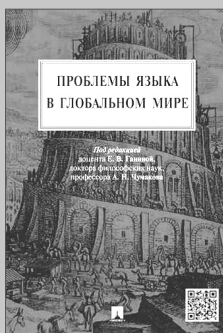
1. Учительская газета. 2011. № 36. 6 сент. URL: <http://www.ug.ru/archive/ug/2011/36> (дата обращения: 23.07.2015).
2. Бек У. 2001. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. 296 с.
3. Чумаков А.Н. Глобальное общество контуры целостного мира. М.: Проспект, 2005. 430 с.
4. Кишлакова Н.М., Махаматов Т.М. Гражданское общество и структура гражданства // Философия и культура. 2012. № 8(56).
5. Кишлакова Н.М. Этническая идентичность как способ выживания в глобальном мире / Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации. Сб. научных статей. М.: Проспект, 2014.
6. Махаматов Т.М. Объективные основания национальной идентичности как самопознания / Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации. Сб. научных статей. М.: Проспект, 2014.
7. Водолагин А.В., Данилов С.И. Метафизическая ось евразийства. Тверь, 1994. 93 с.
8. Миримонова М.С. Толерантность как феномен индивидуальный и социальный. М.: Прометей, 2004. 253 с.

REFERENCES

9. *Uchitel'skaya gazeta* [Teacher's newspaper]. Available at: <http://www.ug.ru/archive/ug/2011/36> (Acceded: 23 July).
10. Bek U. 2001. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Moscow, Progress-Tradition Publ., 2001. 296 p.
11. Chumakov A.N. *Global'noe obshchestvo kontury tselostnogo mira* [Global Society outlines a holistic world]. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 430 p.

12. *Kishlakova N.M., Makhamatov T.M.* Grazhdanskoe obshchestvo i struktura grazhdanstva [Civil society and the structure of citizenship]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. 2012. № 8 (56).
13. *Kishlakova N.M.* Etnicheskaya identichnost' kak sposob vyzhivaniya v global'nom mire [Ethnic identity as a means of survival in a globalized world]. *Vopros natsional'noy identichnosti v kontekste globalizatsii: sb. nauchnykh statey* [The question of national identity in the context of globalization: a collection of scientific articles]. Moscow, Prospectus Publ., 2014.
14. *Makhamatov T.M.* Ob"ektivnye osnovaniya natsional'noy identichnosti kak samopoznaniya [The objective foundation of the national identity as a self]. *Vopros natsional'noy identichnosti v kontekste globalizatsii: sb. nauchnykh statey* [The question of national identity in the context of globalization: a collection of scientific articles]. Moscow, Prospectus Publ., 2014.
15. *Vodolagin A.V., Danilov S.I.* *Metafizicheskaya os' evraziystva* [Metaphysical Eurasian axis]. Tver, 1994. 93 p.
16. *Mirimonova M.S.* *Tolerantnost' kak fenomen individual'nyy i sotsial'nyy* [Tolerance as a phenomenon of individual and social]. Moscow, Prometheus Publ., 2004. 253 p.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ганина Е.В., Чумаков А.Н.

Проблема языка в глобальном мире: монография. М.: Проспект, 2016. 208 с.

Монография посвящена важнейшей теме современности — проблемам коммуникации и взаимопонимания людей различных культур в условиях сформировавшегося единого информационного пространства и нарастающей глобальной взаимозависимости отдельных стран и народов. Содержание книги составляют статьи известных российских ученых — специалистов в области социальной философии, лингвистики, культурологии и современной глобалистики, в которых с разных сторон анализируются новейшие тенденции мировой динамики и проблемы трансформации естественных языков, возникающие в результате глобализации. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся современной глобализацией и ее влиянием на развитие культуры и общественные процессы; может быть также использована преподавателями, студентами и аспирантами при изучении гуманитарных дисциплин и предметов социально-экономического профиля.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94

DOI 10.12737/13640

«Хлебный бунт» в феврале 1917 года как прообраз «цветной революции»

Каптарь Дионис Леонидович

Писатель, публицист

E-mail: murabl@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о субъективных причинах Февральской революции 1917 г. Насколько обоснован взгляд, согласно которому свержение монархии произошло по причине резкого ухудшения экономического положения страны и падения уровня жизни населения? Чтобы ответить на этот вопрос, автор для сравнения выбирает реалии советской России и СССР, показывая, что основные обвинения, предъявляемые «старому порядку», в полной мере относятся и к советской власти. Более того, масштаб проблем, с которыми столкнулся СССР, значительно превосходил трудности, имевшие место в царской России. Однако в Советском Союзе режим Ленина, а затем и Сталина не был свергнут. Этот факт заставляет усомниться в правильности представлений о том, что революция в 1917 г. объясняется объективными предпосылками, «рабочим» и «крестьянским» вопросом, поражениями на фронтах Первой мировой войны и перебоями со снабжением столицы продовольствием.

Автор анализирует действия ряда представителей властвующей элиты государства во время февральского кризиса и приходит к выводу, что перебои со снабжением Петрограда хлебом вызваны субъективными причинами и являются проявлением саботажа со стороны лиц, готовивших революцию. Таким образом, автор придерживается элитаристской социологической концепции, согласно которой элита, а не широкие народные массы являются основным субъектом исторического развития.

Современные события в мире, связанные с цепью так называемых «цветных революций», придает статье актуальность, поскольку технология свержения монархии в России во многом похожа на методы, которые применялись во время «цветных революций» в наши дни.

Ключевые слова: монархия, Первая мировая война, Февральская революция, хлебный бунт, царь Николай, цветная революция.

«Bread Riots» in February 1917 As a Prototype of a «Color Revolution»

Kaptar' Dionis Leonidovich

Writer, publicist

E-mail: murabl@yandex.ru

The paper considers the subjective causes of the February revolution of 1917. How reasonable is the point of view, that the overthrow of the monarchy has been the result of a severe deterioration in the economic situation of the country and falling living standards?

To answer this question, the author selects for comparison realities of Soviet Russia and the USSR, showing that the main charges brought against the «old order» can be brought against the Soviet regime either. Moreover, the scale of problems faced by the USSR, significantly surpasses those faced by the tsarist Russia. However, in the days of the Soviet Union, neither the Lenin's nor the Stalin's regimes had been thrown down. This fact casts doubt on the correctness of the ideas, that the 1917 Revolution can be explained by objective reasons, including the so-called worker and peasant issues, and military defeats Russia was suffering in the First world war, and the poor supply of food to the capital.

The author analyzes the actions of some members of the power elite of the state during the February crisis, and concludes that disruptions in the bread supply of Petrograd have been caused by some subjective reasons and are the sabotage acts on part of those who had prepared the revolution. Thus the author shares the elitist sociological concept, according to which it is the elite, rather than the masses, is the main subject of historical development.

Current world events related to the chain of the so-called «color revolutions» gives the article the urgency, as the technology of the overthrow of the monarchy in Russia is similar to the methods that were used during the «color revolutions» nowadays.

Keywords: the February Revolution, monarchy, World War I, tsar Nicholas.

Классические рассуждения о причинах Февральской революции сводятся к нехитрой схеме: царизм зашел в тупик, а доведенные до отчаяния массы (рабочие, крестьяне, солдаты) подняли восстание. Тогда для спасения страны группа генералов отправилась к государю, чтобы разъяснить ему всю тяжесть сложившегося положения. В результате Николай принял решение отречься от престола. Однако факты четко показывают, сколь наивна эта расхожая версия.

Бывший начальник Московского охранного отделения давно обнародовал сведения исключительной важности, и по ним видно, какие отношения к революции имело «стихийное восстание недовольных масс»:

«Я только что затронул вопрос большой важности: недостаточной осведомленности нашего центрального руководственного аппарата по политическому розыску, т.е. Департамента полиции, по отношению к подготовке лидерами Прогрессивного блока так называемого дворцового переворота. Слухи об этой затее, конечно, ходили, и кто тогда, в 1916 г., их не слышал? Но конкретно на чем они основывались?»

В 1916 г., примерно в октябре или ноябре, в так называемом черном кабинете московского почтамта было перлюстрировано письмо, отправленное на условный адрес одного из местных общественных деятелей (фамилию забыл), и копии письма, согласно заведенному порядку, получили Департамент полиции и я.

Письмо — без подписи — по своему содержанию было совершенно исключительным. Оно вызвало во мне одновременно тревогу и решение обследовать его лично, установив предварительно контакт с директором Департамента полиции, чтобы обсудить дальнейшие действия. Содержание письма я немедленно сообщил градоначальнику.

К глубочайшему сожалению, я не могу по памяти воспроизвести точное содержание письма, но смысл заключался в следующем: сообщалось для сведения московским лидерам Прогрессивного блока (или связанным с ним), что удалось окончательно уговорить Старика, который долго не соглашался, опасаясь большого пролития крови, но, наконец, под влиянием наших доводов сдался и обещал полное содействие...

Письмо, не очень длинное, содержало фразы, из которых довольно явственно выступали уже тогда активные шаги, предпринятые узким кругом лидеров Прогрессивного блока в смысле личных переговоров с командующими нашими армиями на фронте, включая и Великого князя Николая Николаевича.

В эмигрантской литературе, насколько я помню — в «Современных записках», появились статьи, довольно откровенно разъясняющие содержание этих «личных переговоров», по крайней мере, с Великим князем Николаем Николаевичем; с ним вел переговоры известный Хатисов.

Казалось бы, что российское императорское правительство уже по одним этим фактам могло и должно было быть в полном курсе заговора. Но Великий князь «промолчал», а Департамент полиции, по-видимому, не смог довести до сведения Государя об измене «Старика», который был не кем иным, как начальником штаба самого Императора, генералом Алексеевым! Многое после революции 1917 г. было вскрыто, многое выплыло наружу, но предательская роль генерала Алексева, благодаря молчаливому соглашательству его сподвижников по Добровольческой армии и соучастников по предательству, до сих пор, насколько я знаю, не освещена с достойной ясностью и полнотой.

Между тем для будущих историков нашей революции и «дворцового переворота» необходимо знать

о предательской роли главного сподвижника Государя на фронте, поцеловавшего иудиным лобзанием перед отъездом Императора к заболевшим детям и знавшего хорошо, что ожидает его на станции Дно...

О том, что кличка «Старик» относится именно к генералу Алексееву, мне сказал директор Департамента полиции А.Т. Васильев, к которому для личных переговоров по поводу этого письма я медленно выехал из Москвы» [1, с. 384, 385].

До сих пор рассказывают о страданиях армии на фронтах, о нерешенном земельном вопросе в тылу и т.д. Эти «факты» называют предпосылками революции. Но очевидно, что понятия «много» и «мало» относительные. Мало земли по сравнению с кем? Если у нашего крестьянина было мало земли, то логично было бы сравнить размеры земельных наделов в России с тем, чем владели крестьяне Англии, Франции или Германии. А вы когда-нибудь видели такое сравнение?

Например, возьмем тяготы на фронте. Вы часто встречали в литературе сравнение между продуктовым обеспечением русского солдата и его европейского коллеги? Известна ли вам тяжесть мобилизационной нагрузки (доля призванных на фронт от всего населения) в России и в других странах, воевавших в Первой мировой? В эмоциональных рассказах о страданиях народа до революции нет недостатка, а сравнительных цифр практически нет. Между тем воздействие на чувства, нечеткость формулировок, подмена конкретики общими словами — типичные признаки манипуляции.

Можно было бы провести сравнительный анализ и, перелопатив горы литературы, убедиться в фактической ошибочности всех этих обвинений по адресу «царизма», но есть более эффективный способ.

Начнем с тезиса о фронтовых тяготах. Во время революции действительно поднялся гарнизон в Петрограде. Но Петроград в то время — это глубокий тыл. Солдаты — участники Февраля, отнюдь не «гнили в окопах», не погибали и не голодали. Они сидели в теплых столичных казармах, за сотни километров от свиста пуль и взрыва снарядов. А те, кто в это время держал фронт, в абсолютном своем большинстве, честно исполняли свой долг. Им было намного тяжелее, чем петроградским тыловикам, но они готовились к решающему весеннему наступлению и ни в каких мятежах не участвовали. Более того, в январе 1917 г., т.е. буквально накануне революции, наша армия провела Митавскую операцию против германских войск и добилась победы.

Говорят, что крестьяне мучились от нехватки земли, иными словами, они жили впроголодь, и

мол, это стало одной из веских причин революции. Вообще-то, в СССР в 30-х гг. миллионы людей умерли от голодной смерти, но не то, что революции, а мало-мальски опасного для власти бунта не произошло, а уж сравнивать реалии блокадного Ленинграда и Петрограда 1917 г. совсем уж нелепо.

Здесь уместно процитировать мемуары генерала Курлова, который оставил весьма характерное описание февральских событий:

«...вернувшись домой, я послал А.Д. Протопопову письмо, в котором говорил ему, что одни полицейские меры, при настоящем положении вещей, не помогут, и умолял убедить генерала Хабалова приказать всем военным хлебопекарням выпечь в эту ночь из запасов интендантства как можно больше хлеба и утром пустить его в народ. Не знаю, какая участь постигла это письмо.

Я дал такой совет не потому, что я находил, что причиной возникших в эти дни в Петрограде народных волнений был недостаток хлеба. Мне прекрасно было известно, что хлебный паек составлял 2 фунта, что также выдавались и остальные съестные продукты, и что наличных запасов хватило бы на 22 дня, если даже допустить, что за это время к столице не будет подан ни один вагон с продовольствием. Требование «хлеба!» был пущенный в народные массы революционный лозунг. Его инициаторы хорошо понимали, что на этой почве массы всему поверят и всякое словесное возражение со стороны правительства никакого впечатления на народ не произведет. Ведь не поверили же объявлению генерала Хабалова, что хлеба в Петрограде имеется в достаточном количестве! Левые газеты усердно вышучивали это объявление. Вот почему я находил необходимым противопоставить слухам бьющие в глаза факты.

Тем не менее все соединились в усилиях дискредитировать Императорскую власть, не останавливаясь перед клеветой и ложью. Все забыли, что государственный переворот во время мировой войны — неизбежная гибель России» [2, с. 14, 15].

«Но можно ли верить единичному свидетельству?», — скажет недоверчивый читатель, и будет по-своему прав. Поэтому я процитирую начальника Московского охранного отделения П.П. Заварзина, в мемуарах которого есть описание реалий жизни Петрограда накануне Февраля.

«В Петрограде с внешней стороны казалось, что столица живет обычно: магазины открыты, товаров много, движение по улицам бойкое, и рядовой обыватель замечает только, что хлеб выдают по карточкам

и в уменьшенном количестве, но зато макарон и круп можно достать сколько угодно» [3, с. 235, 236].

Вдумайтесь в эти строки. Два с половиной года шла невиданная в истории мировая война. В таких условиях резкое падение уровня жизни — совершенно естественная вещь. Жесточайшая экономия всего и вся, огромные очереди за элементарными продуктами, голодные смерти — совершенно обычные спутники тяжелейшей войны. Это прекрасно известно по истории Великой Отечественной. Но посмотрите, как успешно царская Россия справляется с трудностями. Это феноменальный результат, едва ли ни беспрецедентный; какие резоны у масс восставать в таких условиях?

«В целом хлебный ресурс Российской империи к весне 1917 г. составил около 3793 млн пудов хлеба при общей потребности страны в 3227 млн пудов», — отмечает современный историк М.В. Оськин [4, с. 62].

Но и это не главное. Люди, непосредственно свергавшие Николая II, принадлежали к высшей военной элите империи. Генерал М.В. Алексеев, командующие фронтами, Великий князь — это им не хватало земли? Это им приходилось голодать или стоять в долгих очередях? При чем здесь народные «тяготы»? Пикантность ситуации заключается еще и в том, что сами по себе волнения в Петрограде прямой угрозы для царя не представляли, потому что Николая в это время не было в столице. Он уехал в Могилев, т.е. в Ставку Верховного Главнокомандующего. Отсутствием царя в столице решили воспользоваться революционеры.

В связи с этим считаю необходимым предоставить слово человеку, который в те годы был начальником Петроградского охранного отделения, генералу К.И. Глобачеву:

«Тогда революционный центр решил взять силой то, что при иных обстоятельствах получил бы в порядке Монаршей милости, на что он не рассчитывал. Руководители великолепно учитывали обстановку. Русская армия твердо стояла на занятых позициях уже почти год, а на юге, в Буковине, даже переходила в наступление. Все это время страна напрягала все усилия для снабжения армии и в этом отношении, действительно, превзошла сама себя, сделав такие заготовки, которых бы хватило еще на долгие годы самой ожесточенной войны. Армия была укомплектована и увеличена в своем составе. Все было подготовлено к переходу в общее наступление весной 1917 г. по плану, выработанному союзным командованием. Центральные державы должны были быть разгромлены в этом году. Таким образом, для рево-

люционного переворота в России имелся 1 месяц срока, т.е. до 1 апреля.

Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с сим ускользнула бы благоприятная почва. Вот почему после отъезда Государя в Ставку решено было воспользоваться первым же подходящим поводом для того, чтобы вызвать восстание. Я не скажу, чтобы был разработан план переворота во всех подробностях, но главные этапы и персонажи были намечены. Игра велась очень тонко. Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Милюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока.

Но по-другому думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется. Были, правда, пророки и в то время, которые знали, что такие потрясения приведут к общему развалу и анархии, но их никто не хотел и слушать, считая их врагами народа. Таковыми были единственные живые органы, как Департамент полиции, Охранное отделение, жандармские управления и некоторые из дальновидных истинно русских людей, знавшие, с чем придется считаться впоследствии, чего будет стоить России разрушение тысячелетней монархии.

23 февраля началась частичная экономическая забастовка на некоторых фабриках и заводах Выборгской стороны Петрограда, а 24-го забастовка разрослась присоединением Путиловского завода и промышленных предприятий Нарвской части. В общем, забастовало до 200 тысяч рабочих. Такие забастовки бывали и раньше и не могли предвещать чего-либо опасного и на этот раз. Но через ЦВПК в рабочие массы были брошены политические лозунги и был пущен слух о надвигающемся якобы голоде и отсутствии хлеба в столице. Нужно сказать, что в Петрограде с некоторого времени при булочных и хлебопекарнях появились очереди за покупкой хлеба. Это явление произошло не потому, что хлеба в действительности не было или его было недостаточно, а потому, что, благодаря чрезмерно увеличившемуся населению Петрограда, с одной стороны, и призыву очередного возраста хлебопеков — с другой, не хватало очагов для выпечки достаточного коли-

чества хлеба. К тому же, как раз в это время, для урегулирования раздачи хлеба продовольственная комиссия решила перейти на карточную систему. **Запас муки для продовольствия Петрограда был достаточный** (выделено мною. — Д.К.), и кроме того ежедневно в Петроград доставлялось **достаточное количество вагонов с мукой** (выделено мною. — Д.К.). Таким образом, слухи о надвигающемся голоде и отсутствии хлеба были провокационными — с целью вызвать крупные волнения и беспорядки, что в действительности и удалось. Забастовавшие рабочие стали двигаться шумными толпами к центру города, требуя хлеба» [5].

Массы — инструмент в руках элиты, а создание на ровном месте «продовольственного психоза» — один из классических приемов манипуляции толпой. Современные «оранжевые события» и «арабская весна» четко показали, чего стоят все эти разговоры о народных революциях. Грош им цена в базарный день. Причины свержения власти надо искать не в народе, ибо не массы делают историю. Надо посмотреть, что происходило внутри элиты, какова была международная обстановка. Внутриэлитный конфликт при широком участии иностранных государств и есть реальная причина Февраля.

Конечно, можно упрекнуть Николая в том, что именно он назначил ненадежных людей на высшие государственные посты. Однако по этой же логике точно такое же обвинение надо предъявить и германскому монарху Вильгельму II, которого во время Первой мировой отстранила от власти верхушка.

Кстати, в ходе Февральской революции всплыл весьма красноречивый факт. Среди восставших частей оказались два пулеметных полка, так вот, в их распоряжении находилось две с половиной тысячи пулеметов [6, с. 15]. Для сравнения: во всей русской армии в конце 1916 г. было двенадцать тысяч пулеметов, а за весь 1915 г. вся отечественная промышленность произвела их 4,25 тыс. штук. Вдумайтесь в эти цифры. На фронте идут тяжелые бои, причем надо признать, что слабым местом России было как раз обеспечение армии пулеметами, их, действительно, не хватало. И вот в это время в глубоком тылу совершенно без дела хранилось гигантское число пулеметов, жизненно необходимых армии. Кто же так «гениально» распределил пулеметы? Такие приказы могли отдать только генералы, руководители армии. С военной точки зрения это абсурд, так для чего же это было сделано? Ответ очевиден. Пулеметы были нужны для революции. То есть мятежные генералы совершили двойное преступление. Мало того, что они выступили против

законной власти, так они ради своих революционных целей еще и резко ослабили собственную армию, направив тысячи пулеметов в тыл, в столицу.

В результате свержение царя было куплено большой кровью солдат и офицеров. Они честно воевали в это время на фронте, им бы немало помогала пулеметная поддержка, которую могли бы оказать пулеметные тыловые части, но они придерживались совсем для других целей.

Многие годы Николай находился под давлением внутренней оппозиции, но повлиять на царя пытались и представители иностранных государств.

Незадолго до Февральской революции Джордж Бьюкенен встретился с председателем Думы М.В. Родзянко. Бьюкенен прозондировал почву на тему политических уступок, которые хотят добиться от царя парламентарии. Выяснилось, что речь идет о так называемом ответственном правительстве, ответственном перед «народом», т.е. перед Думой. Де-факто это означало бы превращение монархической России в парламентскую республику.

Так вот, Бьюкенену хватило наглости после этого прийти к Николаю и поучать государя, как ему следует руководить страной и кого назначать на ключевые должности. Бьюкенен выступал как явный лоббист революционеров, лихорадочно готовивших в это время свержение царя. При этом сам Бьюкенен понимал, что его действия являются грубейшим нарушением правил поведения иностранного представителя. Тем не менее в беседе с Николаем он буквально угрожал царю революцией и катастрофой. Разумеется, все это подавалось в дипломатичной упаковке, под видом заботы о царе и будущем России, но намеки Бьюкенена были совершенно прозрачны и однозначны.

Николай II не согласился на уступки, и тогда оппозиционеры попытались зайти с другой стороны. В начале 1917 г. в Петроград на союзническую конференцию прибыли представители Антанты, чтобы обсудить дальнейшие военные планы. Руководителем британской делегации был лорд А. Милнер, и к нему обратился видный кадетский деятель П.Б. Струве. Он написал лорду два письма, в котором, по сути, повторил то, что сказал Родзянко Бьюкенену. Струве передал письма Милнеру через офицера британской разведки С. Хора. В свою очередь, Милнер не остался глух к рассуждениям Струве и направил Николаю конфиденциальный меморандум, в котором очень осторожно и куда более вежливо, чем Бьюкенен, постарался поддержать требования оппозиции. В меморандуме Милнер дал высокую оценку деятельности российских общественных организаций (Земский

союз и Союз городов) и намекнул на необходимость предоставить крупные посты людям, которые ранее занимались частными делами и не имели опыта государственной деятельности [7, с. 252]!

Разумеется, царь проигнорировал столь нелепые советы, и оппозиция вновь осталась ни с чем. Но прессинг не прекратился. Уже буквально накануне Февраля генерал И.В. Гурко, исполнявший обязанности начальника Генерального штаба, встретился с Николаем в Царском селе и высказался за проведение конституционных реформ. Стало окончательно ясно, что идеи коренного преобразования государственного устройства проникли в среду высшего офицерства. Теперь ситуация начала стремительно выходить из-под контроля. Думские ораторы и всевозможные общественники могли говорить о чем угодно, сами по себе они были бессильны свергнуть законную власть. Но когда царь получил «черную метку» сначала от английских дипломатов, а потом уже и от Гурко, его трон зашатался всерьез.

В феврале 1917 г. в Ставку из отпуска возвращается М.В. Алексеев, вскоре туда прибывает и Николай II. Далее события приобретают стремительный ход: 23 февраля начинается забастовка рабочих Петрограда, 24 февраля митинги перерастают в столкновения с полицией, 25 февраля на фоне роста забастовочного движения выходит из-под контроля казачья сотня, которая отказывается содействовать полиции на Знаменской площади, 27 февраля бунтуют солдаты в лейб-гвардии Волынском и Литовском полках, вскоре мятеж охватывает и другие части Петроградского гарнизона. 2 марта от власти окончательно отстраняется царь Николай.

Свержение строя состояло из двух параллельно развивающихся фаз. Высший генералитет должен был фактически арестовать царя, а в Петрограде организовывались «народные выступления» с целью закамуфлировать военный переворот. Впоследствии А.И. Гучков открыто признавался, что заранее разработанный план дворцового переворота состоял из двух операций. Предполагалось остановить поезд царя во время его движения между Царским селом и Ставкой, а потом заставить Николая отречься от престола. В это же время части Петроградского гарнизона должны были осуществить военную демонстрацию.

Нечто подобное и произошло в реальности. Конечно, есть и отличия, ведь даже тщательно продуманные планы обычно идут не совсем так, как ожидалось. Но основные элементы сценария, о котором говорил Гучков, налицо.

Понятно, что перевороты осуществляют силовики, а в случае бунтов опять же силовики должны давать отпор мятежникам. Посмотрим, как они повели себя в дни Февральской революции. Список людей, чьи действия мы обязаны проанализировать, совсем небольшой. Это военный министр М.А. Беляев, морской министр И.К. Григорович (с учетом того, что Петроград — портовый город, его должность имела большое значение), министр внутренних дел А.Д. Протопопов и несколько высших генералов, армейских высокопоставленных начальников.

И.К. Григорович во время Февраля «заболел» и активных действий по защите законной власти не предпринимал. Напротив, именно по его требованию последние части, сохранявшие верность монархии, были выведены из Адмиралтейства, где они пытались закрепиться.

27 февраля, когда забунтовали Волынский и Литовский полки, правительство хотя и существовало, но, по сути, ничего не делало. Правда, Совет министров все-таки собрался в 16:00 в Мариинском дворце. На этом знаменательном заседании решали вопрос об отставке Протопопова, а поскольку у министров не было полномочий сместить его с должности, то ему предложили сказать больным и тем самым отойти от дел. Протопопов согласился, а вскоре добровольно сдался революционерам.

Произошло это до объявления об отречении царя, т.е. Протопопов не сопротивляется мятежу, не пытается хотя бы сбежать, а просто слагает с себя полномочия. Впоследствии на допросе он утверждал, что ушел с поста министра еще раньше, 25 февраля. Очень может быть, что это правда.

В ночь на 28 февраля правительство окончательно перестало делать вид, что оно функционирует, и прекратило какую-либо работу.

Поведение военного министра М.А. Беляева было сходно с действиями Протопопова. 27 февраля Беляев принял участие в совещании у Председателя совета министров, потом переместился в здание Адмиралтейства. 28 февраля войска, защищавшие Адмиралтейство, покинули его, и военный министр отправился к себе на квартиру. Там переночевал и 1 марта пришел в Генеральный штаб, откуда позвонил в Думу с просьбой принять меры по защите его квартиры! В ответ ему посоветовали поехать в Петропавловскую крепость, где его защитят надежнее всего. Видимо, это был такой черный юмор. Тогда Беляев пришел в Думу, и вскоре его арестовали. Вот и все действия военного министра в решающие дни Февраля.

Что это? Паралич воли, трусость, глупость, несоответствие служебному положению? Вряд ли. Это

как раз не глупость, а измена. Ключевые силовики просто отказались встать на защиту государства.

А что же царь? Что он делал в эти дни? Перенесемся в Ставку, куда Николай прибыл из Царского села 23 февраля. Интересно, что по пути следования поезда царя приветливо встречали местные жители. В Ржеве, Вязьме, Смоленске народ снимал шапки, кричал «ура», кланялся. Поначалу распорядок работы царя в Ставке ничем не отличался от обычного. Об этом мы можем судить по воспоминаниям генерала П.Н. Дубенского, который находился рядом с Николаем в те дни.

25 февраля в Ставку стали поступать сведения о беспорядках в Петрограде. Отметим, что кабинет Николая был соединен телефонным проводом с Царским селом, и царь имел свой собственный канал для получения информации. Более того, телефонная связь была и с Петроградом. С учетом этого факта как-то странно выглядят постоянно встречающиеся в литературе указания на то, что в Ставку шли телеграммы, причем по важнейшим вопросам. Например, пишут, что М.В. Родзянко направил царю телеграмму с просьбой назначить «ответственное правительство». Почему не позвонил Николаю? Дальше — больше. П.Н. Дубенский утверждает, что в ответ на просьбу М.В. Родзянко царь будто бы через М.В. Алексева дал согласие на создание такого правительства. Причем ответ Николая М.В. Алексеев передавал по телефону. Но глава государства — не генерал Алексеев, а царь Николай II, и такие важнейшие вещи, как назначение нового правительства не сообщают через начальника штаба. Поэтому данное свидетельство П.Н. Дубенского историки считают ошибочным.

Однако есть другая странность, которая обычно не оспаривается. Такой крупный исследователь Февральской революции, как Георгий Катков пишет, что царь в Ставке получал телеграммы от своей жены Александры Федоровны. То есть, несмотря на прямой провод, ведущий в кабинет Николая, несмотря на постоянные разговоры со своим мужем по телефону, царица почему-то посылала телеграммы. Возникает вопрос: действительно ли эти телеграммы принадлежали царице? А может быть, Николая уже изолировали от телефона в Ставке, и тогда Александра Федоровна, отчаявшись связаться по телефону с Николаем, решила отправить телеграммы?

27 февраля Алексеву позвонил Великий князь Михаил и предложил себя в качестве регента. Но разве Николай уже низложен? Официально считается, что нет, однако в этом случае поведение Михаила, мягко говоря, странно. Судя по всему,

уже 27 февраля царь был под «присмотром», и об этом сообщили Михаилу. Однако рано утром 28 февраля Николай каким-то образом выскользнул из-под контроля и на поезде поехал в Царское село.

Поначалу рядовые начальники станций, местная власть, полиция не останавливают царя, закономерно считая, что едет глава государства. Мало ли что там, в Петрограде, творится, а здесь — царь, и его надо пропустить. К тому же мало кто в провинции знал о мятеже в столице. Планы заговорщиков оказались явно нарушены. Однако в это же время, 28 февраля, комиссар Временного комитета Государственной Думы А.А. Бубликов погрузил в грузовики солдат, сам сел в автомобиль и направился в Министерство путей сообщения. Надо сказать, что в Министерстве находился центр управления телеграфной сетью, связанной со станциями всей страны. Именно захват сети, захват этого интернета столетней давности и было целью Бубликова. По сети можно было оповестить всю страну о смене власти, а также узнать, где находится в это время царь. В тот момент февраллисты об этом не знали! Но как только Министерство путей сообщения оказалось в руках мятежников, Бубликов получил возможность отслеживать движение царского поезда. Сотрудники станции в Бологом телеграфировали Бубликову, что Николай движется по направлению на Псков. По телеграфу пошли приказания Бубликова: не пускать царя севернее линии Бологое — Псков, разбирать рельсы и стрелки, заблокировать все военные поезда ближе 250 верст от Петрограда. Бубликов боялся, что царь мобилизует верные ему части. И все-таки поезд двигался. В Старой Руссе народ приветствовал царя, многие были рады увидеть монарха хотя бы через окно его вагона, и вновь станционная полиция не решилась препятствовать Николаю.

А.А. Бубликов получает сообщение со станции Дно (245 км от Петрограда): выполнить его приказ не представляется возможным, местная полиция — за царя. 1 марта Николай достиг Пскова, на платформе его встретил губернатор, вскоре туда приехал командующий Северным фронтом Н.В. Рузский. Казалось, в распоряжении царя оказались огромные военные силы целого фронта. Но Рузский был февралистом и не собирался отстаивать законную власть. Он начал переговоры с Николаем о назначении «ответственного правительства». 2 марта в Псков прибыли два представителя Думы — В.В. Шульгин и А.И. Гучков, потребовавшие от царя отказаться от престола. Официальная версия событий гласит, что 2 марта Николай подписал Манифест об отречении от престола. О том, что происходило 1–2

марта, написано немало, но сведения противоречат друг другу. В мемуарах и других свидетельствах, которые оставили после себя многие участники тех событий, видны противоречивые попытки самооправдания.

В результате до сих пор невозможно точно установить ни детали отречения, ни истинную роль в мятеже ряда деятелей того времени. Более того, в наши дни сам факт отречения оспаривается некоторыми исследователями. Для этого есть серьезные основания,

разбор которых выходит за рамки статьи, но один красноречивый факт я все-таки считаю необходимым сообщить. Отрекшись от престола и уйдя с поста Верховного Главнокомандующего, царь поехал в Ставку и 4 марта принимал рутинный доклад Алексева о положении на фронтах. В качестве кого свергнутый Николай принимает доклады? Почему Алексеев считает необходимым отчитываться перед низложенным монархом, который уже не был Верховным Главнокомандующим? Эти вопросы еще ждут ответа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Перегудова З.И.* Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. В 2-х т. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 512 с.
2. *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М.: Захаров, 2002. 301 с.
3. *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры. Париж: Издание автора, 1930. 256 с.
4. *Оськин М.В.* Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // *Российская история*. 2011. № 3. С. 53–66.
5. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / под ред. З.И. Перегудовой. М.: РОССПЭН, 2009. 519 с.
6. *Черняев Ю.В.* Гибель царского Петрограда: Февральская революция глазами градоначальника А.П. Балка // *Русское прошлое*. Л.: Свелен, 1991. С. 7–19.
7. *Катков Г.М.* Февральская революция. М.: Центрполиграф, 2006. 478 с.

REFERENCES

1. *Peregudova Z.I. Okhranka. Vospominaniya rukovoditeley politicheskogo syska* [The Secret Service. Memories of the leaders of political investigation]. V.1. Moscow, New Literary Review Publ., 2004. 512 p.
2. *Kurlov P.G. Gibel' imperatorskoy Rossii* [Death of Imperial Russia]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 301 p.
3. *Zavarzin P.P. Zhandarmy i revolyutsionery* [The police and the revolutionaries]. Paris, The publication of the author Publ., 1930. 256 p.
4. *Os'kin M.V. Prodovol'stvennaya politika Rossii nakanune Fevralya 1917 goda: poisk vykhoda iz krizisa* [Food policy of Russia on the eve of February 1917: finding a way out of the crisis]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2011, I. 3. P. 53–66.
5. *Globachev K.I. Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd Okhrana]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 519 p.
6. *Chernyaev Yu.V. Gibel' tsarskogo Petrograda: Fevral'skaya revolyutsiya glazami gradonachal'nika A.P. Balka* [The death of the king's Petrograd: February Revolution through the eyes of the mayor A.P. Balka]. *Russkoe proshloe* [Russian past]. Leningrad, Svelen Publ., 1991. P. 7–19.
7. *Katkov G.M. Fevral'skaya revolyutsiya* [The February revolution]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2006. 478 p.

Постмодернистские основания репрезентации современной войны

Кафтан Виталий Викторович

Д-р филос. наук, профессор кафедры «Прикладная политология» Финансового университета

E-mail: kaftanvit@mail.ru

В статье анализируются некоторые концепты философии постмодерна, которые применяются в современных войнах. Делается вывод о возможности использовать в вооруженных конфликтах информационно-коммуникативных поводов, организованных с помощью постмодернистского мироощущения как философии информационного общества. Под постмодернистским концептом понимается интуитивно понимаемая структура властных отношений, оказывающая манипулятивное влияние на аудиторию. Множественность истин внушает признание истинным того факта, который является полезным. Дискурс навязывает систему ограничений, норм и правил относительно того, что может быть сказано. Смерть автора используется для сокрытия социальных акторов, инициирующих специальные события. Ризома направлена на переосмысление значений бинарных оппозиций. Бриколаж способствует преобразованию значения посредством нового использования или нестандартных переделок символов. Ирония как тонкая скрытая насмешка провоцирует образ жизни и стиль мышления людей. Деконструкция создает новые смыслы посредством разрушения стереотипа или включения знакомой идеи в новый контекст. Гиперреальность означает конструирование пространства ложных знаков – симулякров, оторванных от реальных событий. Общество спектакля представляет собой массовое распространение сфабрикованных псевдособытий. Доказывается, что знание постмодернистских концептов поможет противодействовать негативным информационным акциям современной войны.

Ключевые слова: постмодернизм, концепт, множественность истин, дискурс, эпистема, смерть Автора, ризома, бриколаж, ирония, деконструкция, гиперреальность, симулякр.

Post-modernist Grounds of Modern Warfare Representation

Kaftan Vitaliy Viktorovich

Doctor of Sciences (Philosophy), Professor at the Applied Politology Department, Financial University

E-mail: kaftanvit@mail.ru

The paper analyzes several concepts of postmodern philosophy, which are used in modern warfare. The conclusion is made that in the course of the armed conflicts it is possible to exploit information and communication reasons, created with the postmodern attitude as a philosophy of information society. The postmodern concept is understood as the intuitively perceived structure of power relations, providing manipulative impact on the audience. The multiplicity of truths inspires to recognize facts that can be useful as sheer truths. The discourse imposes the system of restrictions, rules and regulations on what is authorized to be said publically. The Author's death is used to conceal the social actors, initiating special events. The rhizome is aimed at redefining the values of binary oppositions. Bricolage contributes to the transformation of values through the use of new or unusual alterations of characters. Irony as a thinly veiled mockery provokes lifestyle and line of thought of people. Deconstruction creates new meanings by breaking the stereotype or through inclusion of familiar ideas in a new context. Hyperreality means designing the space of false signs – simulacra, divorced from the real events. Society of the Spectacle is amounted to a mass distribution of fabricated pseudo-events. It is proved that knowledge of post-modernist concepts would help counteract the negative news acts of modern warfare.

Keywords: postmodernism, concept, multiplicity of truths, discourse, episteme, Author's death, rhizome, bricolage, irony, deconstruction, hyperreality, simulacrum.

Постмодернизм представляет собой особое мироощущение, характерное для человека эпохи постмодерна, он явился отражением этапа общественного развития, который находит свое выражение в замене евроцентризма глобальным полицентризмом. Постмодернизм — это отражение кризиса модернистского проекта Просвещения и идеала всеобщего прогресса, кризиса западного рационализма как его основания, кризиса рационально обоснованных ценностей западной культуры. Как особое идейное течение, постмодернизм сформировался в 80-е гг. XX в. и стал оказывать влияние на социально-гуманитарное знание и различные сферы общественной жизни. Часть исследователей считает постмодернизм философией информационного общества. Постмодернизм призывает к децентрации центра, вокруг которого строилось познание, культура, общественная жизнь. Знание может быть лишь фрагментом множества локальных культурных контекстов. Постмодернизм критикует всю предыдущую культуру, с ее рациональными ценностями, истинами и убеждениями («методологическое сомнение»), как построенную на метафизических и логоцентрических основаниях.

Постмодернистская философия в рамках своих постулатов не является целостной теорией, а представляет собой довольно разнородную совокупность различных концептов¹.

Постмодернист Ж. Делёз рассматривает концепт как единичное философское творение, поле пространственных в пространстве смыслопорождающих суггестивных знаков, воспринимаемых слушателями. Речь есть игра ассоциаций и интерпретаций, уничтожающая любой текст и превращающая его в объект властных претензий.

Рассмотрим некоторые из постмодернистских концептов, активно репрезентируемых в средствах массовой коммуникации применительно к военной проблематике.

Концепт множественности истин. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, ранее единство знания обеспечивалось за счет обращения людей к метанарративам (большим рассказам) — тотализирующим базовым идеям, «объяснительным системам» (идеи прогресса, эмансипации личности, представление Просвещения как средства установления всеобщего счастья). Теперь они утрачивают значение гаранта истинности и ценности, что открывает бесконечные возможности для локальных форм активности и форм жизни, для

освобождения от «монокультуры» и выхода к культуре многообразия — «множественности истин».

В 2009 г. Нобелевская премия мира была присуждена президенту США Бараку Обаме за усилия по созданию мира без ядерного оружия и сотрудничество между людьми, в то время как США вели две ширококомасштабных войны в Ираке и Афганистане. Обама, реализуя постмодернистский концепт множественности истин, заявил: «Мы находимся в состоянии войны, и я отвечаю за отправку тысяч молодых американцев на поля сражений в далеких странах. Одним из них придется убивать, другие будут убиты <...> Мир разрывается между двумя непримиримыми истинами: сегодня нельзя вести войну — и нельзя ее не вести <...> Может быть, ненасильственные методы борьбы, которые применяли такие люди, как Ганди и Кинг, и не приводят к успеху в любых условиях, но любовь, которую они проповедовали, их вера в прогресс человека должны служить нам путеводной звездой в нашем странствии.

Ибо если мы утратим эту веру, если мы откажемся от нее, сочтя ее глупой или наивной, если мы не станем руководствоваться ею, принимая решения о войне и мире — тогда мы утратим лучшее, что есть в человеческой природе. Мы утратим чувство возможного. Мы лишимся нашего морального компаса <...> Итак, будем стремиться к миру, каким он должен быть: ведь в душе каждого из нас тлеет искорка божественного огня» [1]. В этом выступлении, по сути, был реализован лозунг «Война — это мир!» из книги Дж. Оруэлла «1984».

Концепт дискурса. В центре внимания постмодернизма оказывается проблема языка, языкового характера мышления, дискурса (всякого рода высказывания, послания, текста), деятельности людей как «дискурсивных практик». Все теоретики постмодернизма, несмотря на расхождения в частностях, считают, что язык «владеет» своим носителем, определяя его способы мышления и жизнедеятельности, а не наоборот. Язык описывается в постмодернизме как знаковая структура, которая является вместилищем значений, независимых от их связи с «фактами» мира или намерениями субъекта.

Дискурс — это совокупность (письменных и устных) текстов, которые производят люди в разнообразных ежедневных практиках. Высказывания, которые непрерывно циркулируют в информационном поле общества, часто меняют свой смысл и значение в зависимости от системы установок субъектов ди-

² *Концепт* (от лат. *conceptus* — собрание, восприятие, зачатие) — персональный акт «схватывания» смыслов проблемы в единстве речевого высказывания, который принципиально отличается от понятия как объективного момента познания, созданного на основании правил рассудка.

скурса, вводящих свою систему его ограничений, норм и правил.

Власть дискурса проявляет себя в том, что он охватывает все возможности для появления определенных высказываний или действий и, следовательно, обладает возможностью управления и направления высказываний. Особым образом «каналзируются» теории, идеи, оценки, взгляды, суждения. Все иные высказывания, содержательно и идеологически не соответствующие общей теме дискурса, вытесняются за его пределы, значит, становятся неприемлемыми для говорящих «на своем языке и на свою тему».

28 октября 2014 г. президент Украины П.А. Порошенко обратился к ветеранам и участникам антитеррористической операции по случаю 70-й годовщины освобождения Украины от фашистских захватчиков, в котором назвал военную операцию в Донбассе против собственных жителей, организованную по его же инициативе, Отечественной войной. «Я твердо верю в нашу победу в Отечественной войне 2014 г., в то, что мой политико-дипломатический план сработает и принесет мир Донбассу и всей Украине. Народ, который помнит победы своих предков, — непобедим...». Президент Украины уравнил СССР и нацистскую Германию, а также красноармейцев и бандеровцев: «...в течение шести долгих и невероятно трудных лет Украина была ареной сначала игрищ двух тоталитарных режимов, а затем — особенно ожесточенных и масштабных боевых действий <...> более 9 миллионов выходцев с Украины боролись с врагом в составе Красной армии. Еще миллионы украинцев воевали с нацистами и их союзниками в составе УПА...» [2].

Концепт эпистемы. Согласно М. Фуко, в каждую историческую эпоху существует специфическая, более или менее единая система знания, которая образуется из дискурсивных практик различных научных дисциплин — эпистема (от др. греч. *ἐπιστήμη* — знание). Она реализуется как языковой код, языковая норма, бессознательно предопределяющая языковое поведение, следовательно, и мышление индивидов.

Эпистема всегда внутренне подчинена структуре властных отношений, выступает как «тотализирующий дискурс», легитимирующий власть, поэтому она не может быть нейтральной или объективной.

9 мая стартовала общественная акция «Бессмертный полк», в ходе которой участники шли колонной и несли транспаранты с фотопортретами своих родственников, участвовавших в Великой Отечественной. Только в Москве в акции участвовало пятьсот тысяч человек. В течение суток в сети появились массовые

фото с кучей брошенных плакатов и горами Георгиевских ленточек, сваленных в мусорные баки. Опозиционные блогеры и журналисты сообщили о том, что участников акции в Москве — бюджетников, свозили автобусами и пообещали лишний отгул на работе.

Концепт антигуманизма. Постмодернистский концепт антигуманизма означает, что в процессе «поглощения субъекта текстом» находит завершение трансформация «сущностного человека» модерна в «человека отношений», характерного для постмодерна. Новый субъект постмодерна может быть осмыслен как калейдоскоп фрагментов идентичности, «привязанных» к локально-историческим и культурным обстоятельствам. Индивид постоянно и бессознательно обуславливается в процессе своего мышления языковыми структурами. Независимо от его сознания и воли, через него, поверх его и помимо его проявляются силы, явления и процессы, над которыми он не властен.

Так, в сентябре 2014 г. в Харькове местные националисты расклеили «рекламные» листовки: «Курочки, жаренные по-Одесски! Спрашивайте в ближайшем доме профсоюзов», угрожающие протестующим против киевского режима судьбой четырех десятков оппозиционеров, сожженных заживо 2 мая 2014 г. в Доме профсоюзов в г. Одессе.

26 января 2014 г. на телеканале «Дождь» выпуск передачи «Дилетанты» был приурочен к 70-й годовщине снятия блокады. В ходе эфира ведущие В. Дымарский, Т. Арно задали гостю писателю В. Ерофееву вопрос: «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?». Был проведен опрос зрителей на официальной странице телеканала «Дождь» в твиттере.

Главный редактор канала М. Зыгарь заявил, что «...гуманизм является одной из важнейших ценностей для нашего телеканала. Мы надеемся, что наши зрители понимают, что обвинения, которые выдвинуты в наш адрес, надуманные. Опрос, предложенный авторами программы «Дилетанты», не ставил целью кого-либо оскорбить. Всплеск негатива в наш адрес является следствием политического заказа...» [3].

Между тем, представляется, что данное выступление и еще в большей степени последовавший за ним опрос зрителей телеканала «Дождь» — спланированная политическая провокация, направленная на деконструкцию героического поведения ленинградцев в блокаду, не имеющего аналогов в мировой истории, сведение их подвига к халатности и преступности власти, ненужности жертв.

Концепт «Смерть Автора». По словам Р. Барта, текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл («сообщение» Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. Для Автора наступает «смерть», и он становится простым писцом-скриптором. Проявления войны сегодня все чаще выглядят анонимными, спонтанными и безмотивными — это выражение того, что общество что-то не готово о себе знать, чего-то о себе знать очень не хочет. Так произошло с малазийским самолетом Боинг МН-17, сбитым под Донецком 17 июля 2014 г., на борту которого погибло 298 человек. Несмотря на предъявленные доказательства Министерством обороны России в виновности украинской армии и многократные обвинения со стороны Киева и Вашингтона пророссийских повстанцев или российских военнослужащих, а также масштабное международное расследование, «автор» этого события до сих пор остается анонимным.

Концепт ризомы. Для массового сознания весьма удобен бинарный способ описания мира. Расшатывая бинарные оппозиции² рассмотрения мира как системного целого, постмодернисты предлагают новый принцип бинаризма как некоего кода, объясняющего многовариантное бытие субъекта в функционирующей сложноорганизованной системе нелинейных коммуникаций — ризоме³. У ризомы нет никакого критерия, меры, стандарта, который позволил бы объективно определить величину «различия» или «отличия» одного явления от другого, все они образуют по отношению друг к другу децентрированную, подвижную сетку.

Для существования массового сознания необходимы два понятных и общедоступных полюса для построения внутреннего самоопределения личности: «Свой» — «Чужой» (образ друга и образ врага). Враг олицетворяет коварство, лицемерие, подлость, низость и т.п., его моральный негативизм служит для оправдания любых методов борьбы. Образ врага демонизируется, примитивизируется, он подлежит безжалостному уничтожению в случае невозможности его исправления.

Пример перекодирования массового сознания с помощью изменения бинарных оппозиций представлен, например, в фильме «Адмиралъ». Сцена утопления офицеров в Севастополе явно заимствована из фильма «Мы из Кронштадта», где белогвардейцы, привязывая камень на шею, топят стойко умирающих матросов-балтийцев. Психическая атака каппелевцев — реминисценция из фильма «Чапаев», и тоже показана с перестановкой акцентов и с другой героиней (там — «красная» Анка-пулеметчица, здесь — «белая» медсестра, бросающаяся на пулеметы).

Концепт бриколажа. К. Леви-Стросс, исследуя первобытное мышление, утверждал, что в нем распространены бриколаж⁴ — преобразование значения объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей. В марте 2015 г. в российском журнале MAXIM была напечатана фотоподборка «Ничто не предвещало» с подписью «Перед тобой снимки, на которых вроде бы не происходит ничего противоземного или жуткого. Если не хочешь, чтобы твое благодушное настроение было испорчено, не читай то, что мы написали об истории каждого кадра. Разглядывай и улыбайся» [9]. На фотографиях были представлены фото клоуна-убийцы из США, чьими жертвами стали несколько десятков людей с нетрадиционной ориентацией; стены из газовой камеры концлагеря исцарапанной узниками в последний миг своей жизни; симпатичный младенец Адольф Шикльгрубер, ставший в будущем Гитлером; экзотический, но смертельно опасный остров, заселенный змеями в Южной Америке; певец группы Битлз, Джон Леннон, и его поклонник Марк Чапмен, ставший через несколько часов его убийцей, ради того, чтобы прославиться.

На одной из фотографий с подписью «Красные девушки» представлены 12 снайперов 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта: «Нет, в кадре не фронтовые медсестры перед новогодним корпоративом. Это одни из самых отважных и эффективных убийц в Красной армии — девушки-снайперы. За их сияющими улыбками — 775 убитых немцев <...> Во втором ряду сверху, в середине, ты видишь двух боевых подруг — это гвардии лейтенант Н.А. Лобковская и гвардии младший лейтенант В.И. Арта-

¹ Бинарные оппозиции (от лат. binarius — двойственный и oppositio — противопоставление) — способ определения социальной реальности, основанный на дуалистическом принципе противопоставления двух противоречащих друг другу признаков, невозможность понимания мира до конца компенсируется бинарной дополнительной точкой зрения на мир. Смысл понятия «друг» выявляется через понятие «враг»; «жизнь» — через «смерть» и т.д.

² Ризома (от фр. rhizome — корневище, грибница) — понятие, фиксирующее разрушение традиционных представлений о структуре как стабильно определенной и семантически централизованной (едином корне) и означающее принципиально нелинейный способ организации целостности (текста).

⁴ Бриколаж (от фр. bricolage — сделай сам) — создание какого-либо предмета из подручных материалов.

монова. На счету каждой из них 89 фашистов! Только представь, в сумме это больше, чем Шварценеггер уложил в фильме «Комmando» [4]. Так, исподволь молодые героини, рисквавшие своей жизнью во имя освобождения Родины, отождествляются с убийцами, маньяками и насильниками, представленными с ними в одном смысловом ряду, а также сравниваются их реальные боевые навыки как снайперов высокого класса с похождениями фантастического персонажа голливудского боевика.

Концепт иронии. Постмодернизм призывает к иронии, тонкой скрытой насмешке, осуждению под видом похвалы. Ирония приобретает характер некоего провокационного жеста в отношении сложившегося образа жизни и стиля мышления людей. Как расчленяющий и нигилирующий механизм воображения, ирония дробит символы и стереотипы, порождает фрагментарность и является деканонизацией, т.е. критицизмом к любым табу, принятым условностям, стандартам знания, всякой легитимности.

23 января 2014 г. под видом шутового ознаменования читателей с памятниками мира на сайте медиакомпании CNN был опубликован список самых уродливых, по мнению журналистов, памятников. Второе место в рейтинге занял мемориал «Мужество», установленный в Брестской крепости в память о ее защитниках.

«Мужество» — наверное, именно это требуется человеку, чтобы взглянуть на этого массивного сердитого белоруса, выходящего из огромного куска бетона, который, выглядит так, как будто собирается колотить Запад, перед тем как забросить Северную Америку на солнце, либо как человек, страдающий запором» — комментируют фотографию монумента авторы статьи. В сообщении говорится, что монумент был создан для того, чтобы служить напоминанием о том, что никогда не следует ссориться с Белоруссией [5].

Еще один пример иронии можно проследить в начале февраля 2015 г. в Тарту (Эстония), где прошла выставка «Моя Польша. Вспоминая и забывая», которая была приурочена к 70-й годовщине освобождения заключенных из концлагерей людей. Выставка трактовала Холокост в юмористическом ключе (шаржи, комиксы, видеoinсталляции).

По сюжету видеороликов А. Жмиевского, бывший заключенный концлагеря Освенцим — 92-летний старик идет к тату-мастеру, чтобы освежить по настоянию художника свой порядковый номер заклю-

ченного на своей руке. Во втором ролике — «Игра в салочки» группа обнаженных людей, изображающих из себя узников, играет в газовой камере Освенцима в салочки.

Все это, по мнению директора музея искусств и координатора выставки Р. Артель, должно было «...исцелить воспоминания об этой страшной трагедии, найти новую эмоцию, чтобы пережить события через нее» [6]. Необходимо отметить, что указанные действия имеют мало общего с юмором и выглядят как кощунство над жертвами войны и направлены на нивелирование преступлений фашистской военщины, косвенное оправдание поджигателей войны, издевательство над победителями.

Концепт деконструкции⁵. Ж. Деррида полагает, что смысл конструируется в процессе прочтения, а привычное представление либо лишено глубины (тривиально), либо навязано репрессивной инстанцией автора («игра текста против смысла»). Поэтому необходима провокация, инициирующая мысль и освобождающая скрытые смыслы текста, не контролируемые автором. Деконструкция — процедура расслоения, разборки, разложения лингвистических, логоцентрических, фоноцентрических структур и происходит в виде потрясения, расшатывания основ, своеобразного «землетрясения».

Деконструкция представляет собой совокупность действий по созданию новых смыслов посредством разрушения имеющегося стереотипа или включение знакомой идеи в новый контекст. Идеи деконструкции ценностей восходят к Ф. Ницше, который, желая освободить жизнь от подавляющего гнета разума, задает вопрос: «Нельзя ли перевернуть все ценности? и, может быть, добро есть зло? а Бог — выдумка и ухищрение дьявола? И может быть, в последней основе все ложно? И если мы обмануты, то не мы ли, в силу того же самого, и обманщики?» [7, с. 3].

«Переоценка всех ценностей», по Ницше, означает переход «по ту сторону добра и зла», состоящий в отказе ото лжи, фальши устаревших, догматизированных воззрений. Принципы и ценности просвещения и христианской морали соответствуют интересам слабых, бездарных людей, серых и посредственных, не способных к созданию культурных ценностей, занятых только их потреблением.

На деконструкции основывается политическая технология «Окно Овертона» Дж. Овертона, согласно которой для каждой идеи в обществе существует «окно возможности», в пределах которого эта идея

⁵ Деконструкция (от лат. de — обратно и constructio — строю; т.е. перестройка) означает понимание смысла посредством разрушения стереотипа или включения в новый контекст.

может обсуждаться, пропагандироваться и закрепляться законодательно. Чтобы это стало возможно, нужно постепенно и плавно сдвигать само окно в сторону этой идеи (немыслимо — радикально — приемлемо — разумно — популярно — политика-норма). Если форсировать события, то большая часть общества останется за пределами реальных границ окна и не разделит то мировоззрение, которое нужно внушить.

Так, сегодня можно проследить, как с помощью некоторых социальных субъектов либеральной ориентации бывший генерал Красной Армии А. Власов, сдавшийся в плен нацистам и создавший коллаборационистскую Русскую Освободительную Армию (РОА), постепенно передвигается по шкале возможностей от предателя к борцу со сталинизмом, и далее к трагической личности и диссиденту, дискутируется также идея о нем как несправедливо осужденном и возможность в результате применения данной технологии получения им статуса национального героя.

В голливудском фильме «Номер 44» режиссера Д. Эспинозы, который должен был выйти на российские киноэкраны в начале апреля 2015 г., показано послевоенное расследование массовых убийств маньяком советских детей. Главный герой — сотрудник Министерства государственной безопасности Лев Демидов ранее участвовал вместе со своим другом в водружении флага Победы над Рейхстагом. Как видно из контекста фильма, их реальными прототипами являлись герои Советского Союза М.А. Егоров и М.В. Кантария. По сюжету фильма, при укреплении флага, в процессе фотографирования этого исторического события в кадре видны на запястье солдата пять часов, награбленных им в поверженном Берлине у мирного населения.

Между тем внучка Кантария вспоминает слова деда о том, что они вместе с Михаилом Егоровым на купол парламента забирались без страха. Разбитые стекла резали им руки, но знаменосцы не чувствовали боли. У них была одна цель — установить флаг любой ценой. «Руки были порезаны, и они у него на всю жизнь такими после войны и остались. Он так и умер с порезами. И эти шрамы, в них оставались еще осколки от стекол, но он почему-то принципиально их не убирал» [8].

Благодаря бдительности общественности и твердой позиции министерства культуры было отозвано прокатное удостоверение этой поделки, порочащей честь советского солдата — освободителя Европы от фашизма.

Концепт гиперреальности. Гиперреальность — это пространство ложных знаков (симулякров⁶), оторванных от соответствующих им реальных объектов и событий. Уже никто не апеллирует к «реальному» объекту, поскольку в мире, где доминируют искусственные модели, не делается различий между «словами» и «вещами». Человеческая жизнь становится призрачной, неаутентичной, вызывает ощущение пустоты и бессмысленности, хаоса и отсутствия гармонии, нестабильности и всеобщей дезорганизованности мира.

Война в Персидском заливе между армиями объединенной коалиции западных государств и стран Ближнего Востока, с одной стороны, и Ирака, захватившей Кувейт в 1991 г. («Буря в пустыне»), была первой «войной в прямом эфире». По Бодрийяру, этой войны не существовало бы как события без средств массовой коммуникации — она была оформлена с их помощью. Для обывателей война на экране была реальнее, чем для непосредственных участников боев. Именно этому посвятил свое эссе Ж. Бодрийяр, озаглавив его «Войны в заливе не было» [9]. Этим он хотел подчеркнуть, что мир вступает в эпоху новых войн, которые, как и Война в Заливе, должны казаться миллионам зрителей красивой картинкой, виртуальным сценарием, в котором события теряют свою идентичность.

Примером гиперреальности является написанное в начале сентября министром обороны Украины В. Гелетеем послание в фейсбуке о том, что Украина выиграла гибридную войну у России. «Наши вооруженные силы уверенно теснили российских наемников, диверсантов и спецназовцев. Вот почему Кремль был вынужден перейти к крупномасштабному вторжению регулярных войск на территорию Донбасса <...> Россия уже заплатила высокую цену за вторжение. Сотни российских солдат и офицеров навсегда остались в украинском чернозёме <...> Это наша Великая Отечественная война, и мы в ней непременно победим <...> По неофициальным каналам, российская сторона уже несколько раз угрожала, что в случае продолжения сопротивления она готова применить против нас тактическое ядерное оружие» [10].

20 сентября 2014 г. во время интервью журналисту Р. Бочкале Гелетей заявил, что российская армия во время захвата луганского аэропорта использовала тактическое ядерное оружие: «Силы РФ нанесли два удара из самоходного миномета 2С4 Тюльпан. Именно по этой причине наши во-

⁶ Симулякр (от лат. *simulacrum* — притворяться) — по Бодрийяру — «копия», не имеющая оригинала в реальности, репрезентация чего-то, чего на самом деле не существует.

енные его покинули. Удары были такой мощи, что полностью разрушили здания от пятого этажа до подвала» [11].

Концепт симулякров. Ж. Бодрийяр утверждал, что «Мы производим в изобилии образы — симулякры, которые не передают никакого смысла. Большинство образов сегодня, которые доносят до нас телевидение, живопись, пластические искусства, образы аудиовизуальные или синтетические образы — все они не значат ничего <...> в мире, где доминируют искусственные модели, не делается различий между «словами» и «вещами». Человеческая жизнь становится призрачной, неаутентичной, вызывает ощущение пустоты и бессмысленности, хаоса и отсутствия гармонии, нестабильности и всеобщей дезорганизованности мира».

Симулякры — отрывающиеся по смыслу от конкретных объектов, явлений, событий, к которым они изначально относились, и тем самым выступающие как подделки, фальсифицированные копии, не соответствующие оригиналу. Симулякры выступают как знаки, приобретающие автономный смысл и не соотносящиеся с реальностью.

В качестве примера военных симулякров можно назвать фильм «Плутводство», или «Хвост виляет собакой» (англ. *«Wag the Dog»*) — сатирическая комедия Барри Левинсона 1997 г. по мотивам книги Ларри Бейнхарта «Американский герой». По сценарию фильма накануне выборов на второй срок президента США, его обвиняют в сексуальных домогательствах к несовершеннолетней. Для отвлекающего маневра специалист по общественным связям Конрад Брин и кинопродюсер Стенли Моттс инициируют «войну» между США и несуществующей албанской террористической группой, снятую в павильонах Голливуда. Оперативно komponуются постановочные патриотические военные ролики, псевдоинтервью и даже песни о солдатах выдуманной войны.

Уже в реальности президент подтягивает к Албании авианосную группировку, а в студии имитируется заброс американских диверсантов в Албанию. Когда ЦРУ пытается прояснить истинное положение дел, Брин заявляет его представителям: «Если вы считаете, что войны нет, то тогда зачем вы нужны? Идите домой, и играйте в гольф. Так что вам при-

дется принять нашу войну, потому что, кроме нашей, нет никакой другой».

Концепт «Общество спектакля». Массовое общественное потребление образов может быть раскрыто через «общество спектакля» — понятие, введенное французским философом и художником Э. Ги Дебором в его концепции «шоу-власти» (англ. *show power*) в книге «Общество спектакля» (1967 г.), которая побуждает лиц наемного труда пользоваться своей свободой выбора для потребления широкого массива предлагаемых услуг, где истина, подлинность и реальность больше не существуют, а вместо них господствуют шоу-политика и шоу-правосудие.

Спектакль своим существованием обязан тому, что современный человек является зрителем, массовое распространение сфабрикованных «псевдособытий» проистекает из того простого факта, что люди в большинстве своем не проживают тех событий, что происходят в современной действительности общественной жизни. На всех уровнях потребления жизни возникает псевдоистория, чтобы сохранить шаткое равновесие современного застывшего времени.

Примером такого рода спектакля является перформанс феминистской группы «Femen» против войны на Донбассе, проведенный 12 сентября 2014 г. В ходе этой акции, перед Киево-Печерской лаврой, обнаженную по пояс девушку с надписью на груди на английском языке «Stop Putin's war!» («Остановите путинскую войну!»), увенчанную цветочным венком, обливают кровью из ведра, на котором написано: «Blood of Ukrainian» («Кровь украинцев»). Здесь можно представить также и публичные казни западных журналистов боевиками ИГИЛ в Ираке.

Таким образом, постмодернистская методология позволяет создавать информационно-коммуникативные технологии, имеющие возможность активно влиять на массовое сознание, конструируя особое видение реальности, в которой могут одновременно существовать несколько противоположных истин, меняться местами добро и зло, деконструироваться героические ценности, осмеиваться подвиги и воинские традиции, под видом гуманизма навязываться бесчеловечные идеи и поступки, что в конечном итоге повышает эффективность ведения современных информационных войн.

ЛИТЕРАТУРА

1. Речь президента Обамы на церемонии вручения Нобелевской премии мира // Голос Америки [Электронный ресурс] URL: <http://www.golos-ameriki.ru/content/obama-nobel-speech-full-2009-12-10-79027682/663732.html> (дата обращения: 27.07.2015).

2. Обращение Президента по случаю 70-й годовщины освобождения Украины от фашистских захватчиков // Президент Украины Петр Порошенко Официальное интернет-представительство [Электронный ресурс] URL: <http://президент.укр/ru/news/31504.html> (дата обращения: 27.07.2015).
3. В Госдуме осудили опрос телеканала «Дождь» о блокаде Ленинграда [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/society/20140127/991519776.html#14282327550303&message>
4. =resize&relto=register&action=addClass&value=registration (дата обращения: 27.07.2015).
5. Бочаров О. Ничто не предвещало [Электронный ресурс] URL: http://www.maximonline.ru/longreads/photogallery/_article/there-were-no-signs/ (дата обращения: 27.07.2015).
6. Ленин А. На Брестскую крепость снова напали // Российская газета. 2014. 6 фев.
7. Ольховская Ю. В Эстонии набирает обороты скандал вокруг выставки, посвященной Холокосту [Электронный ресурс] URL: <http://www.itv.ru/news/world/277471> (дата обращения: 27.07.2015).
8. Фридрих Ницше. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 830 с.
9. Внучка Мелитона Кантария рассказала о жизни деда [Электронный ресурс] URL: <http://lifenews.ru/news/132882> (дата обращения: 27.07.2015).
10. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3.
11. В Минобороны Украины объявили о проигрыше России в «гибридной войне» // NEWSRU.COM URL: <http://www.newsru.com/world/01sep2014/geletei.html> (дата обращения: 27.07.2015).
12. Гелетей обвинил Новороссию в применении ядерного оружия [Электронный ресурс] URL: <http://ukraina.ru/news/20140920/1010541844.html> (дата обращения: 27.07.2015).

REFERENCES

13. *Rech' prezidenta Obamy na tseremonii vrucheniya Nobelevskoy premii mira* [President Obama's speech at the ceremony, the Nobel Peace Prize] *Golos Ameriki* [Voice of America]. Available at: <http://www.golos-ameriki.ru/content/obama-nobel-speech-full-2009-12-10-79027682/663732.html> (Accessed: 27 July 2015).
14. *Obrashchenie Prezidenta po sluchayu 70-y godovshchiny osvobodzheniya Ukrainy ot fashistskikh zakhvatnikov* [Statement of the President on the occasion of the 70th anniversary of Ukraine's liberation from Nazi invaders]. *Prezident Ukrainy Petr Poroshenko Ofitsial'noe internet-predstavitel'stvo* [President of Ukraine Petro Poroshenko official web site of]. Available at: <http://президент.укр/ru/news/31504.html> (Accessed: 27 July 2015).
15. *V Gosdume osudili opros telekanala «Dozhd'» o blokade Leningrada* [The State Duma condemned the poll channel «Rain» about the siege of Leningrad]. Available at: <http://ria.ru/society/20140127/991519776.html#14282327550303&message>
16. =resize&relto=register&action=addClass&value=registration (Accessed: 27 July 2015).
17. Bocharov O. *Nichto ne predveshchalo* [Nothing boded]. Available at: http://www.maximonline.ru/longreads/photogallery/_article/there-were-no-signs/ (Accessed: 27 July 2015).
18. Lenin A. *Na Brestskuyu krepost' snova napali* [Brest fortress attacked again] *Rossiyskaya gazeta* [The Russian newspaper].
19. Ol'khovskaya Yu. *V Estonii nabiraet oboroty skandal vokrug vystavki, posvyashchennoy Kholokostu*. Available at: <http://www.itv.ru/news/world/277471> (Accessed: 27 July 2015).
20. Fridrikh Nitsshe. *Sochineniya v 2-kh tomakh* [Works in 2 volumes]. Moscow, Idea Publ., 1990. 830 p.
21. *Vnuchka Melitona Kantariya rasskazala o zhizni deda* [Granddaughter Meliton Kantaria told about the life of his grandfather]. Available at: <http://lifenews.ru/news/132882> (Accessed: 27 July 2015).
22. Bodriyyar Zh. *Voyny v zalive ne bylo* [The Gulf War was not] *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art Magazine].
23. *V Minoborony Ukrainy ob'yavili o proigryshe Rossii v «gibridnoy voyne»* [The Ukrainian Defense Ministry announced the loser Russia's «hybrid war»]. Available at: <http://www.newsru.com/world/01sep2014/geletei.html> (Accessed: 27 July 2015).
24. *Geletey obvinil Novorossiyyu v primenenii yadernogo oruzhiya* [Geleta Novorossia accused in the use of nuclear weapons]. Available at: <http://ukraina.ru/news/20140920/1010541844.html> (Accessed: 27 July 2015).

ЭКСПЕРТНОЕ ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.12737/13642

Антироссийские санкции: угрозы и возможности

Интервью с генеральным директором Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научным руководителем факультета социологии и политологии Финансового университета **Валерием Валерьевичем Федоровым**

The Anti-Russian Sanctions: Threats and Opportunities

Interview to the CEO of the All-Russian Center of Studying of Public Opinion, research supervisor of faculty of sociology and political science of Financial university **Valery Valeryevich Fedorov**

Валерий Валерьевич, более года прошло с тех пор, как были введены санкции, в том числе и ответные, на ряд продуктов, ввозимых с запада. Как вы относитесь к таким мерам, как продуктовые эмбарго?

В определенном смысле это был, скорее, эмоциональный ответ, мы могли бы и не вводить продуктовое эмбарго — тот же результат в экономике получили бы безо всяких санкций. Напомню, рубль подешевел чуть ли не в два раза, что привело к падению экспорта в Россию европейских продуктов как минимум в два раза. Решение ввести антисанкции сродни решению Кутузова в 1812 г. дать Бородинское сражение, которого он не хотел, понимая, что победы в нем быть не может. Но общество и армия были так увлечены этой идеей, что отказ от сражения означал бы предательство, неспособность командовать армией. В результате погибли десятки тысяч людей с обеих сторон, а Наполеон все же занял Москву. Война 1812 г. была выиграна благодаря не Бородинскому сражению, а совсем другим действиям.

На мой взгляд, эмбарго и санкции — это своего рода «бородинское сражение», то есть показательные акции. Сложно ожидать, что за этот год наш агропром настолько разовьется, что все яблоки и говядина станут производиться в нашей стране. Как недавно заявил министр сельского хозяйства Ткачев, по отдельным направлениям импортозамещение займет пять — десять лет, в зависимости от уровня финансовой поддержки сельского хозяйства. То есть импортозамещение не произойдет по команде, указу. Это долгая и сложная работа. Способны ли мы ее проделать? Не знаю, хотелось бы верить, что да. Пока же наших товаров и продуктов особо не прибавилось, а те, что есть, зачастую невысокого качества. Яркий пример — сыры, дефицит которых заполняют подделки.

Сможем ли мы минусы санкций обратить в плюсы, пока говорить сложно. Могу лишь назвать, что для этого нужно: первое — это *политическая воля руководства страны*; второе — *умелая управленческая политика*; третье — *готовность государства платить за продовольственную безопасность*. Если хотя бы одна из этих трех составляющих не сработает, думаю,

польские яблоки вернутся, причем по нашему желанию.

А как вы оцениваете решение уничтожать санкционные продукты?

Продукция считается контрафактной, если у нее нет сертификата подлинности, соответственно, она уничтожается. Это общемировая практика. Есть разные формы уничтожения. Какие-то виды продуктов могут пойти на корм скоту, что-то можно перемолоть на удобрение, то есть не всегда уничтожение происходит путем сожжения и т.п. Почему нельзя отдать продукты питания в детские дома или беженцам, как предлагали некоторые? Потому что нет уверенности, что это не просроченная продукция, так как сертификаты поддельные. Если кто-то из беженцев или, тем более, ребенок умрет, кто за это ответит?

Другое дело, когда происходят сожжение утят и прочие ужасы, показанные под литавры по телевизору. Ни в коем случае это нельзя было показывать! Получился «самострел»: хотели как лучше, получилось как всегда. Хотели показать, что контрафакт не пройдет, а в результате половина, как минимум, населения теперь уверена, что еду уничтожать нельзя. По сути, произошло снижение политической поддержки власти. Потому что еда — это нечто фундаментальное, базовое, и отношение к ней обусловлено иррациональными мотивами (приведенные мною рациональные объяснения обычно не доходят до сознания обывателя). Отношение к еде, особенно в нашей не очень сытой стране, носит архетипический характер, то есть действует в отрыве от воли человека. Поэтому я считаю демонстрацию уничтожения продуктов питания политической ошибкой, мы сами себе навредили публичными казнями беззащитных утят.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, больше половины (почти 57%) считают, что антироссийские санкции, введенные на фоне конфликта на Украине, привели к негативным последствиям и усугубили ситуацию в Российской Федерации. Тогда как полгода назад так считали лишь 15% респондентов. Свидетельствует ли это о повышении интереса россиян к политическим и экономическим проблемам страны, связанным с санкциями?

Полтора года назад, после взятия Крыма, у нас возник кураж, казалось, что нам все по плечу, ни-

какие санкции нам не страшны — продержимся, прорвемся. Это естественно, ведь мы очень долго пытались подняться с колен, а Крым показал, что, вроде бы, наконец, поднялись, сделали то, чего от нас никто не ожидал, и Запад, США ничего не могут противопоставить нашей воле.

Увы, спустя время мы начинаем понимать, что любое решение имеет цену. Для ситуации с Крымом и Донбассом ценой стали санкции, экономическая блокада — удавка, которая затягивается все туже. Первые санкции, адресованные персонально Сечину, Шувалову и другим людям из окружения Путина, простых людей не касались, а потому никого не испугали. А вот секторальные санкции, связанные с финансами, нефтяной промышленностью, начали оказывать отрезвляющее действие.

«Заполировали» ситуацию еще два фактора. Первое — это обвал цен на нефть. Многие считают, что санкции и обвал цен на нефть связаны друг с другом. Конечно, иногда совпадения — это просто совпадения, а иногда и нечто большее. Второй фактор — это наше продовольственное эмбарго, антисанкции, именно они перевели санкционную тему в разряд высокой политики, о которой пишут в газетах и говорят по телевизору. Приходя в магазин, мы обнаруживаем, что, действительно, какие-то продукты исчезли, а на другие цены выросли. В результате отношение к санкциям изменилось, храбрости — «давайте, давайте еще больше санкций, нам только лучше» — поубавилось, кураж прошел. Постепенно приходит понимание того, что мы попали в «воронку», которая затягивает нас все больше и больше. Удастся ли из нее выскочить — вопрос открытый. Кстати, большинство этот вопрос себе и не задает, потому что об этом вообще страшно думать. Надежда в основном на президента, на то, что с присущими ему дальновидностью и стратегическим мышлением он сможет вытащить страну из этого омута.

В общем, куража уже нет, появилось больше тревог, негативных ожиданий. Это очень непростая пора для политики. Однако говорить о том, что люди готовы выйти на улицу с протестами, требовать примирения с США, отказа от Крыма, оснований нет. Пока это довольно далекая перспектива, если вообще возможная.

Какие еще последствия санкций со стороны Запада могут волновать россиян, кроме тех, что уже выявлены опросом ВЦИОМ (например, «приведение России к экономическому кризису» — 33% опрошенных, «ослабление влияние РФ на мировой арене» — 22%, «попытка России подчинить своей воле» — почти 20%)?

Подходы к санкциям и оценка их причин и целей со стороны авторов санкций, прежде всего Вашингтона, Брюсселя, Берлина, и со стороны жертв этих санкций, то есть жителей России, совершенно разные. Если «санкционеры» говорят, что цель санкций — не ухудшить жизнь россиян, а заставить российских олигархов и чиновников заплатить неприемлемо большую цену за продолжение агрессивного курса на Украине, то, по мнению большинства нашего населения, Украина здесь вообще, по большому счету, не при чем. Россияне считают, что нас наказывают за независимую политику: не было бы Украины, не было бы Крыма — нашли другой повод. И все действия США на протяжении нескольких десятилетий прочитываются именно в этом контексте — как стремление расчленить Россию, поставить ее под свой контроль, превратить ее в марионетку, сателлита и т.п. Парадоксально, но факт: санкции лишь укрепляют это мнение. Кто может вводить против нас санкции? Только недруг, тот, кто хочет ослабить нас, стараясь бить по наиболее уязвимым местам. Послание же Обамы и Меркель — россияне, меняйте политику, и все будет хорошо, будем дружить как прежде — не доходит до основной массы населения либо кажется ему очередной «дымовой завесой», сладкой ложью. Поэтому можно сказать, что в морально-психологическом отношении эффект от санкций, скорее, противоположный.

Как долго продлится санкционная история неясно. Пойдет ли она по иранскому сценарию? Как известно, Иран находился под санкциями восемь лет, но своей политики не изменил. Или по кубинскому сценарию? Напомню, Куба живет под санкциями более полувека. Возможно, для нас уготован какой-то иной сценарий — пока вопрос остается открытым.

Прокомментируйте, пожалуйста, ситуацию с объявлением Крыма свободной экономической зоной. Не станут ли санкции в экономическом секторе тому препятствием?

Свободная экономическая зона (СЭЗ) — это лишь одна из идей, которая прорабатывается и реа-

лизуется в Крыму. Понятно, нужно спасать этот регион. Блокада, которую ввели Евросоюз и США, весьма болезненно бьет по крымчанам. И если первые несколько лет могут прожить на подъеме от мысли о возвращении в Россию, то в долгосрочном плане развитие Крыма оказывается под большим вопросом. Поможет ли решить его статус СЭЗ или какие-то другие меры, не знаю. Мне кажется, главное — это построить Керченский мост, который существенно облегчит снабжение полуострова, обеспечит рост туристического потока и более прочно привяжет Крым к России.

Получить статус СЭЗ — это, наверное, неплохо. К сожалению, таких зон на территории России довольно много, но какого-то значимого эффекта они до сих пор не дали. То есть сам по себе статус СЭЗ — не панацея от экономических бед. Нужна, опять же, *политическая воля* со стороны федерального центра, который, конечно, хочет сделать Крым выставкой достижений российского хозяйства, наверное, даже не столько для Запада, сколько для Украины, чтобы, сравнив реалии, люди могли понять, кто сделал лучший выбор — крымчане или те, кто остался по другую сторону Перекопского перешейка.

Кроме политической воли, нужны, опять-таки, *финансовые ресурсы*. Сегодня их у России не так много, как еще несколько лет назад. Значит, необходима третья составляющая — *продуманная экономическая политика*, которая не позволит чиновникам растащить эти деньги, понастроить себе на них новые дворцы, которыми и так уже заставлена крымская земля (только прежде чиновники и олигархи были украинские). Если все три составляющие будут реализованы, то идея СЭЗ сможет сработать.

Как вы считаете, смогут ли Крым и Сочи составить достойную конкуренцию западноевропейским курортам, в том числе зимним, с учетом ценовой политики и качеством нашего сервиса?

Во всем мире туризм носит, прежде всего, внутренний характер. Сегодня десятки миллионов китайцев путешествуют по всему миру, хотя всего пять-семь лет назад китайцы отдыхали в Китае. То есть прежде чем турбизнес выйдет за пределы страны, в ней выстраиваются туристическая инфраструктура, дороги, отели, мотели, кемпинги, обустраиваются места, связанные с достопримечательностями. Создается сильная туристическая индустрия, которая будет работать не только на своих, но и на чужих (въездной туризм).

В России туристическая индустрия развалилась в начале 90-х и с тех пор очень медленно восстанавливает свои позиции. В этом году произошел девальвационный шок — большинству россиян стало не по карману ездить за границу, даже на относительно дешевые курорты Египта и Турции. Поэтому наша туристическая индустрия получила хороший шанс. И речь не только о Крыме и Сочи, хотя это самые известные, разрекламированные туристические направления. Есть еще «Золотое кольцо», жемчужина русского средневекового зодчества: Ярославль, Суздаль, Вологда, Кострома. Есть новые, недавно или вновь открытые, но уже завоевавшие популярность места — Плещеево озеро на Волге, вотчины Деда Мороза в Костромской области, Великое Устюг. Есть курорты межрегионального значения — прежде всего на Алтае, Урале, в Сибири, а также активно развивающиеся горнолыжные курорты в Челябинской области, Башкирии и др. Ну и, конечно, Байкал, Камчатка. Словом, у нас множество интересных туристических направлений, причем явно недоинвестированных, и поэтому нормальной туристической индустрии там либо нет, либо она в зачаточном состоянии, и поток туристов пока слаб. Напомню, что мы живем в северной, холодной стране, поэтому неконкурентоспособны в плане пляжного отдыха. В средиземноморских странах туристический сезон длится пять месяцев и более, а у нас — от силы три. Поэтому велик период окупаемости наших туристических объектов, которые, кстати, зачастую дороже строить и содержать. Девальвация, снизившая финансовые возможности наших граждан, стала некой «палочкой-выручалочкой»: те, кто не смог отправиться на отдых за рубеж, решили отдыхать на родине. Будем надеяться, что возможности, которые сегодня открываются перед отечественной туристической индустрией, будут использованы. Причем, не только в Сочи, где уже первый после Олимпийских игр зимний сезон прошел отлично, и не только в Крыму, хотя по нему статистика тоже хорошая. Я надеюсь, что открывшимися возможностями воспользуются и другие российские города и веси, и, может быть, мы, как американцы в 1920-е гг., когда массовая автомобилизация охватила эту страну, станем по выходным ездить по окрестностям в поисках чего-нибудь интересного. Тогда каждый американский городок стал обзаводиться какой-либо достопримечательностью: «самой большой сковородой», «самым ужасным домом ужасов»... Немного смешно, но это очень разумный ход. Сначала надо развивать собственный туризм, а не финансировать чужой, стимулируя выездной туризм. У нас эта последова-

тельность была нарушена, что привело к потере огромных средств, которые могли бы пойти на благоустройство городов, дорог, на развитие малого и среднего бизнеса. Но лучше поздно, чем никогда. Именно внутренний туризм наряду с сельским хозяйством могут стать точками роста нашей экономики.

Каков ваш прогноз относительно введенных санкций, как долго они продлятся?

Для нас не так страшны санкции, как падение мировых цен на нефть. Если цены стабилизируются, причем на уровне не самом низком, а хотя бы на уровне \$50 за баррель, то, думаю, справиться с санкциями и многими другими проблемами станет легче. Сейчас главное, что бьет по России, бюджету, ценам, по нашим доходам, — это нестабильность нефтяного рынка. От цен на нефть прямо и косвенно зависят наши бюджетные доходы и курс рубля. Именно от нефти зависит приток внешних инвестиций, а также будут ли российские бизнесмены вкладываться в рублевую зону или продолжат выводить свои средства за рубеж. Если шторм на нефтяном рынке завершится, со всем остальным мы разберемся.

Как долго продлятся санкции? Думаю, нужно быть готовыми к тому, что может быть и пять, и семь, и десять лет, и даже больше. Как говорится, нашла коса на камень. Россия, очевидно, со своего пути не свернет, по крайней мере, при президенте Путине. А у него, как показывают наши опросы, есть отличные шансы в 2018 г. выиграть очередные выборы, значит, до 2024 г. мы будем жить под руководством нынешнего лидера, который, конечно же, с избранного пути не свернет. За что, собственно, его уважает и любит большинство россиян.

Готова ли Америка признавать свои ошибки? Как говорят, Америка — отличная страна, она обязательно найдет верное решение, пока не попробует все неверные. Американцы привыкли жить, руководствуясь лозунгом «Think positive» (мыслить позитивно), — смотреть в будущее, не думая о прошлом. Поэтому возможны маневры. Например, новый президент скажет: «Теперь будем действовать иначе». Мы буквально в реальном времени наблюдаем картину радикального пересмотра американо-иранских отношений. И это не просто отношения, это курс американской политики на Ближнем Востоке — ключевом (в геополитическом и экономическом плане) регионе мира. Напомню, что самые большие запасы самой качественной нефти находятся именно там.

Предыдущий пересмотр происходит на рубеже 1980 гг., то есть три с половиной десятилетия назад. Именно тогда Иран перестал быть ключевым союзником Америки на Ближнем и Среднем Востоке, им стала Саудовская Аравия. Сегодня все возвращается на круги своя, хотя и в новой конфигурации. Иран из главного врага превращается если не в главного союзника, то хотя бы в партнера Америки. И это изменение фундаментального характера. На них пошел Барак Обама, хотя власти в Иране не поменялись, — там те же аятоллы, в свое время совершившие иранскую революцию, захватившие американское посольство в Тегеране, унизившие Америку, отвергшие те рецепты, которые она предлагала миру в целом и Ближнему и Среднему Востоку в частности.

Обама нормализует американо-кубинские отношения, госсекретарь Керри открывает американское посольство в Гаване, которого не было там более полувека. При этом цели американского эмбарго тоже не достигнуты: на Кубе по-прежнему социализм, островом правит династия Кастро. Делая хорошую мину при плохой игре, американцы признают эти реалии и размораживают отношения.

У нас тоже есть шанс настоять на своем. Когда ситуация изменится? Через пять, десять или пятьдесят лет — не знаю, но шанс есть, а чтобы его реализовать, нужно многое изменить в стране.

Сколько, по-вашему, времени потребуется отечественным производителям, чтобы заменить объемы продукции, которые поставлялись из Европы?

По многим направлениям европейскую продукцию заместить несложно. Скажем, в отличие от польских яблок, европейская баранина никогда у нас не была слишком востребована, в основном шла более конкурентоспособная новозеландская и австралийская. Министр сельского хозяйства, более компетентный в этой сфере, называет срок от пяти до десяти лет по разным направлениям, конечно, при условии неизменности курса на импортозамещение.

Напомню, что пока наши санкции рассчитаны на год. Год назад премьер-министр Медведев ввел их постановлением правительства, в августе этого года продлил еще на год. Но мог бы и не продлевать. И это, конечно, довольно опасная для сельского хозяйства ситуация, потому что за год инвестиции обычно не возвращаются. Это не разведение кур, когда деньги отбиваются быстро. Для говядины время возврата инвестиций увеличивается до семи лет. По яблочным садам оно составляет четыре — пять и даже более лет.

У нас есть отличные возможности для импортозамещения, но это требует много времени и больших вложений. Просто дать отмашку, как у нас любят, и успокоиться, недостаточно. Нужны дешевые кредиты, прежде всего для сельхозпроизводства, разумная налоговая политика, поддержка по многим направлениям, а также умелое управление, где-то даже в режиме микроменеджмента, чем наше государство обычно не любит заниматься, выбирая квазилиберальную позицию: «Мы создали правила, а вы, бизнесмены, уже там что-то делайте». Увы, такой подход работает далеко не всегда.

Отличными возможностями надо суметь воспользоваться. Проблема в том, что мы можем «не дотерпеть». Через какое-то время, года через три-четыре, когда, казалось бы, до успеха рукой подать, не видя результата и не ощущая его, мы можем «прогнуться», задержаться и отступить от своего курса. Такое, к сожалению, в нашей истории происходило не раз. Поэтому последовательность курса, четко выверенная стратегия политики, ее дальновидность и, конечно же, крепкие нервы руководителей — это то, что нам крайне необходимо, без чего самые шикарные перспективы, открывающиеся сегодня перед нашей экономикой, останутся миражом.

Беседовала канд. социол. наук,
заместитель проректора по международному
сотрудничеству Финансового университета
М.Е. Родионова

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 94

DOI 10.12737/13643

Национальное самоопределение Каталонии: за и против

Дронова Светлана Юрьевна

Преподаватель испанского языка кафедры «Иностранные языки-1», аспирантка кафедры «Общая политология»
Финансового университета

E-mail: lingofot@gmail.com

В статье рассматривается современная политическая ситуация в Каталонии и вопрос самоопределения региона. В последнее время в связи с политикой премьер-министра Каталонии Артура Маса, направленной на отделение автономной области от Испании, активно обсуждается право отдельного региона, в данном случае Каталонии, на отделение. На 9 ноября 2014 г. в Каталонии был запланирован референдум о независимости региона, но Конституционный суд Испании объявил референдум противоречащим конституции страны, и в регионе был проведен не имеющий юридической силы консультативный опрос общественного мнения о будущем Каталонии. Автор анализирует его результаты, а также мнения политиков и аналитиков. Рассматриваются возможные пути отделения Каталонии от Испании и связанные с этим трудности.

Каталонцы заявляют об «историческом праве» на собственное государство и обвиняют Мадрид в бюджетной дискриминации по отношению к региону. Автор рассматривает три аргумента, которые приводят каталонцы в пользу независимости: лингво-страноведческий (язык, культура, менталитет), исторический и экономический. После победы Франко в гражданской войне и до начала правления Хуана Карлоса I использование местных языков было запрещено. Каталонцы боятся повторения притеснений их языка и культуры, исходящих от государственной власти, и считают создание собственного государства гарантом сохранения, распространения и процветания каталанского языка.

Мнения политиков и историков по поводу «исторического права» Каталонии на собственное государство разделились. В истории Каталонии были предприняты попытки объявить ее независимостью, но трудно сказать, можно ли считать эти эпизоды периодами настоящей независимости.

Автор считает достаточно обоснованным экономический аргумент: Каталония находится на третьем месте среди автономий по размеру выплат, и на десятом – по количеству получаемых бюджетных средств, чем недоволено большинство населения.

Ключевые слова: борьба за независимость, Женералитат, Испания, история Каталонии, каталанский язык, Каталония, консультативный референдум, языковая политика Испании.

The National Self-Determination of Catalonia: Pros and Contras

Dronova Svetlana Yurievna

Spanish language Lecturer, at the «Foreign Languages-1» Department, Graduate Student at the General Politology Department, Financial University

E-mail: lingofot@gmail.com

The author reviews the current political situation in Catalonia both with the issue of self-determination of the region. Recently the issue of whether a region may have the right to secession (in this case it concerns Catalonia) has been widely discussed especially in

terms of the policy conducted by the Catalan prime-minister Artur Mas and aimed at self-determination of this autonomous province and separation from Spain. The Catalan self-determination referendum was expected to be held on November 9th, 2014, but later the Constitutional Court of Spain declared that the referendum would be unconstitutional. And instead of the self-determination referendum for Catalonia there has been held an unofficial consultative public opinion poll on the future of Catalonia. The author analyses its results and the politicians' and analysts' opinions. The author also considers the possible ways for Catalonia to get separated from Spain and the related hurdles.

The Catalans claim they have the «historical right» to run their own state and accuse Madrid of budget discrimination towards the region. The author outlines the three arguments put forward by the Catalans in favor their independence: lingual and cross-cultural (language, culture, mentality), historical and economic. During the period from the Franco's win in the Civil war and up to the beginning of the reign of the King Juan Carlos I it was forbidden to use regional languages. The Catalans are afraid of new oppressions of their language and culture and believe that creation of their own state would guarantee preservation, diffusion and prosperity of the Catalan language.

The opinions of both politicians and historians on the «historical right» of the Catalans to have their own state are divided. throughout the history there have been undertaken several attempts to declare the independence of Catalonia but those periods of independence were so short that it is difficult to say whether those times may be considered as real independence.

The author considers the economic argument to be quite reasonable: Catalonia ranks the third in terms of payments and the tenth in terms of public funds received which sparks anger among the majority of Catalans.

Keywords: struggle for independence, Generalitat, Spain, history of Catalonia, the Catalan language, Catalonia, consultative public opinion poll, language policy of Spain.

В современном мире все большее значение приобретает вопрос национальности и национального самоопределения, и Евросоюз (ЕС), расширяясь с каждым годом и выходя за рамки «старой» Европы, играет в этом немаловажную роль. Сегодня представителями единой европейской нации считают себя люди, чьи предки и представить себе не могли, что вступят в союз друг с другом. Единая Европа объединила страны с разной культурой, историей, государственным устройством, экономическими и социальными показателями, и, как бы Евросоюз не пытался сгладить различия между входящими в него странами, есть факторы, не поддающиеся контролируемому изменению. К таким факторам относится национальность. Любой «европеец», рассказывая о себе, своей семье, в первую очередь назовет свою национальность по стране или региону — голландец, француз, испанец, итальянец, баварец, каталонец и т.д. Никто не начнет с того, что «я европеец, и у нас принято...», вероятнее услышать: «я галисиец, и у нас принято...».

Евросоюз и прочие организации, объединяющие страны, стараются выйти на первый план и сформировать общие для всех стран-членов цели, интересы и стратегии. Страны, в свою очередь, отправляют своих представителей, «голос народа», для выражения общего мнения и отстаивания своих, народных, точнее, государственных, интересов. При этом не следует забывать, что даже в рамках одной страны проживают разные этносы, зачастую с разным видением политической ситуации, необходимых действий

и своей роли в политическом процессе. Наглядным примером такой страны является Испания.

13 января 2015 г. Каталония — автономная область Испании — объявила каталонского журналиста, нынешнего уполномоченного по экономическим вопросам в Еврокомиссии, «официальным представителем» автономной области в ЕС, что поставило его на один уровень с официальными представителями государств, в частности Испании. По мнению Женеалитата (каталонского правительства), новый представитель, Амадеу Альгафай, «...будет представлять, защищать и продвигать интересы Каталонии, а также налаживать отношения с институтами Евросоюза» [1]. Еще в 2004 г. правительство автономной области приняло решение усилить свое присутствие в Брюсселе и открыть там свое представительство. Это стало первым официальным представительством Каталонии за пределами Испании, за которым последовало открытие представительств во Франции, Великобритании, Германии и США.

Реакция официальной Испании на такую активность ее автономной области за пределами страны не заставила себя ждать. Министр иностранных дел и сотрудничества заявил, что правительство намерено подать на рассмотрение в Конституционный суд Испании каталонский закон о внешней политике, на базе которого автономия открывает все новые представительства и расширяет свое влияние за пределами Испании. Ближайшими действиями каталонского правительства на базе этого закона должно стать открытие представительств в Вене и Риме,

что, как сказано в декрете автономной области, «позволит упростить двусторонние отношения» Женералитата с австрийской и итальянской республиками, а не только с региональными правительствами этих двух государств [2].

Опасения Испании связаны с тем, что представительства Каталонии в странах Европы становятся похожи на настоящие посольства, имеющие своей целью не защиту интересов каталонцев и распространение каталонского языка и культуры, а усиление сецессионистских настроений, закрепление самостоятельности и независимости региона, если не юридически, хотя бы психологически.

В 1994 г. Конституционный суд Испании уже установил границы деятельности автономных областей за пределами страны. Среди прочего деятельность автономий не должна противоречить внешней политике государства. Под запрет также попадают действия, за которые государство впоследствии должно будет нести ответственность перед другими странами или международными организациями. Правительство намерено проверить, соответствует ли деятельность Каталонии целям внешней политики Испании и не нарушает ли эта деятельность принцип непротиворечия внешнеполитической деятельности страны.

Это далеко не первый случай, когда официальный Мадрид подает на рассмотрение в Конституционный суд те или иные документы, одобренные Женералитатом. Разговоры вокруг каталонского референдума 9 ноября 2014 г. всколыхнули всю Испанию и большую часть Европы. Около года проходила подготовка к референдуму. 13 декабря 2013 г. была объявлена его дата, и с этого момента начался долгий спор Барселоны и Мадрида. Мадрид объявил референдум о независимости Каталонии противоречащим конституции страны: отдельный регион Испании не вправе в одностороннем порядке объявить референдум о самоопределении.

Историк Хоаким Колль в своей статье в газете *El País* в марте 2014 г. анализирует возможные сценарии развития ситуации в Каталонии [3]. Он рассматривает два полярных варианта. Первый возможный вариант — роспуск Женералитата, чтобы предотвратить проведение референдума. Х. Колль рассматривает эту ситуацию как наименее возможную. Более реалистичным он называет второй вариант развития событий. В сентябре, сразу после одобрения каталонским парламентом закона о референдумах, пока испанское правительство еще не успело передать этот закон в конституционный суд и этим предотвратить подписание декрета, премьер-министр

Каталонии Артур Мас подписывает декрет о проведении референдума. Х. Колль считает, что А. Мас не стремится провести референдум, но само подписание декрета станет жестом огромного исторического значения для каталонского национального сознания: он станет первым премьер-министром Каталонии, официально предоставившим жителям право на самоопределение. Он знает, что государство объявит результаты референдума недействительными. По мнению Х. Колля, это не столь важно для А. Маса, он всегда сможет сказать, что выполнил все обещания перед народом. Это станет символической победой, которая поможет ему удержаться на месте премьер-министра минимум еще один срок.

Х. Колль оказался отчасти прав. 19 сентября 2014 г. Женералитат одобряет закон о референдумах, 27 сентября А. Мас подписывает декрет о проведении референдума, и уже 30 сентября Конституционный суд Испании признает эти документы незаконными. Женералитат решает провести «...не имеющий юридической силы консультативный опрос общественного мнения о будущем Каталонии» (кат. *consulta popular no referendària sobre el futur polític de Catalunya*) — то, что СМИ ошибочно назовут референдумом, а испанские источники лаконично назовут консультацией (*consulta*), или 9-N (по дате проведения — 9 ноября).

Несмотря на чаяния каталонских властей, в консультации приняло участие только 33% жителей региона, из них 80,76% ответили положительно на оба вопроса («Хотите ли вы, чтобы Каталония стала государством?» и «Если да, то хотите ли вы, чтобы Каталония стала независимым государством?»), и 10,07% ответили утвердительно только на первый вопрос [4].

Это была не первая консультация в регионе — 13 сентября 2009 г. (13-S) и 12–13 декабря 2009 г. (13-D) уже были проведены консультации. Первая консультация прошла в муниципалитете Ареньшда-Мун (кат. *Arenys de Munt*), в ней принимали участие только жители муниципалитета, которым надо было ответить на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, чтобы Каталония стала правовым, независимым, демократическим и социально-ориентированным государством, включенным в Европейский союз?». Явка составила 41%, «за» проголосовали 96,2% [5]. В декабре того же года состоялась консультация в 122 (из 916) муниципалитетах Каталонии, вопрос был поставлен тот же. Явка составила 27%, «за» проголосовали 94,9% [6]. Таким образом, консультация 9 ноября 2014 г. была хотя и не первой, но на данный момент единственной общенациональной, точнее общерегиональной.

Мнения о результатах «референдума» разделились. Хосе Баррос, журналист и консультант по связям с общественностью, и Энрике Косеро, основатель консалтингового аналитического агентства и член совета Правительственной Консалтинговой Группы, ссылаются на принцип Парето, или принцип 20/80: 20% причин дают 80% результата (например, 80% прибыли компании приносит лишь 20% клиентов). В связи с этим они задаются вопросом: неужели всего лишь 37% граждан могут решать будущее всего региона или хотя бы настаивать на проведении референдума? Можно ли в столь ответственной ситуации полагаться на статистические методы анализа общественного мнения, округлять, обобщать и переносить мнение меньшинства на большинство?

Так же, как и многие другие аналитики [7–10], они проводят параллель между консультативным референдумом в Каталонии и референдумом в Шотландии, прошедшим 18 сентября 2014 г. Но явка на референдуме о самоопределении Шотландии составила 84,5%. Если вспомнить референдум в Квебеке 1995 г., там в голосовании приняло участие 93% населения региона, что, безусловно, показательно и не идет ни в какое сравнение с явкой на консультативном референдуме в Каталонии.

Х. Баррос и Э. Косеро считают, что результат 9-N оказался компромиссным — для сторонников независимости Каталонии это уже своеобразная победа или, как минимум, еще один шаг к ней, а противникам независимости низкая явка и результаты голосования гарантируют то, что власти не будут в срочном порядке принимать серьезных ответственных решений [11].

А. Мас назвал прошедший консультативный референдум «стопроцентным успехом» и «уроком Демократии с большой буквы» [12]. Парламент Каталонии разработал дорожную карту, и уже 11 ноября А. Мас обратился к премьер-министру Испании Мариано Рахой с предложением «наладить постоянный диалог», целью которого он видит проведение «окончательного референдума». По мнению А. Маса, сейчас у Женералитета гораздо больше оснований для этого, нежели до 9-N [13].

Премьер-министр Испании, Мариано Рахой, в свою очередь, заявил, что не будет предпринимать никаких действий для предотвращения возрастания сепаратистских настроений в Каталонии, так как считает прошедшую консультацию «абсолютным провалом», в первую очередь из-за того, что две трети каталонцев не явились на участки для голосования. «Это не было демократическим голосованием, это был акт политической пропаганды <...>

Это был полный провал проекта независимости. Двое из трех каталонцев не приняли участия в голосовании. Они хотели продемонстрировать свою силу, а продемонстрировали свою слабость». М. Рахой не считает, что на данный момент особо остро стоит вопрос каталонского сепаратизма, что гораздо актуальнее для Испании решение экономических вопросов. Он попросил А. Маса «...начать работать над тем, что имеет значение для всех жителей Каталонии»: над уменьшением уровня безработицы и экономическими проблемами. Премьер-министр Испании убежден, что выход из экономического кризиса поможет снизить сепаратистские настроения в регионе [14].

Единственная законная возможность для Женералитета добиться проведения референдума — конституционная реформа. По словам М. Рахой, он и его партия (Народная партия) будут выступать против любой конституционной реформы, предполагающей предоставление права на самоопределение и национальный суверенитет.

По испанским законам любой парламент автономной области и любая партия могут предложить поправки в конституцию. В случае партий такие поправки единолично могут предложить только Народная партия и Рабочая социалистическая партия Испании, так как требуется поддержка двух парламентских групп или 70 депутатов. Если представленная и рассмотренная реформа противоречит Преамбуле Конституции Испании, где среди прочего устанавливается национальный суверенитет и нерушимое единство Испании, статьям об основополагающих правах или же статьям, связанным с королевской властью, необходимо одобрение 2/3 конгресса (233 депутатов) и 2/3 сената. Далее палата Кортесов должна ратифицировать реформу (необходимы 2/3 голосов), и, наконец, население голосует за принятие данной реформы на референдуме. Если же предложенная реформа не противоречит данным статьям, а лишь, например, разделу VIII о территориальной организации государства, то достаточно одобрения большинства (3/5 конгресса, т.е. 210 депутатов), чтобы принять ее.

Учитывая, что Народная партия, возглавляемая М. Рахой, на данный момент занимает очень прочные позиции в Конгрессе (185 мест из 350) и в Сенате (157 мест из 266), перед правительством А. Маса стоит сложная задача. В своем письме М. Рахой через два дня после консультативного референдума А. Мас заявил, что не отменит свою «дорожную карту», даже если не получит поддержки или какого-либо положительного ответа от Мадрида [15].

Педро Санчес, лидер второй по значимости (и по количеству мест в парламенте) партии Испании — Социалистической рабочей партии, заявил, что с 9 ноября и с консультативного референдума в Каталонии начался новый этап в истории Испании, когда «...Каталония не вне Испании, но в авангарде изменений», которые ведут к федерализации государства [16]. Таким образом, П. Санчес, хотя и выступает сторонником изменений в территориально-административной организации страны, но не высказывается за отделение Каталонии от Испании.

Возникает закономерный вопрос: на каком основании Каталония так добивается своей независимости? Лежит это в каталонской культуре или менталитете? Или роль играют экономические причины? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим три фактора: лингво-страноведческий (язык, культура, менталитет), исторический, экономический.

Согласно статье 3 конституции Испании «1) Кастильский — официальный язык государства Испания. Граждане Испании обязаны его знать и имеют право им пользоваться. 2) Другие языки Испании считаются официальными в соответствующих автономных сообществах согласно их законодательству. Все языковое разнообразие Испании провозглашено культурным наследием, которое является объектом особого уважения и подлежит защите» [17, с. 297].

Помимо кастильского языка, статус официальных языков имеют каталанский, галисийский, аранский и баскский. Эти языки признаны официальными в соответствующих автономных областях. В Каталонии официальными языками являются кастильский, каталанский и окситанский. На каталанском говорит около 11 млн человек на территории Испании (автономные области Каталония, Валенсия, Балеарские острова), а также во Франции, в Андорре и в Италии (г. Альгеро). Окситанский язык в Каталонии известен как аранский язык, на нем говорят в долине Валь-д'Аран.

После победы Франко в гражданской войне (1936–1939) использование местных языков было запрещено. За их использование законодательство франкистской Испании предусматривало уголовную ответственность. Такое положение сохранялось до конца диктатуры Франко в 1975 г. С началом правления Хуана Карлоса I началось восстановление региональных языков, создание в автономных областях языковых институтов, ставящих своей целью изучение, исследование, распространение и преподавание региональных языков [18]. Каталонский язык стал своеобразным национальным достоянием области, ее гордостью и визитной карточкой. Без-

условно, все каталонцы свободно говорят на кастильском, но предпочтение отдают каталонскому языку как в общении с близкими и друзьями, так и в официальной ситуации.

Для каталонцев наличие собственного языка является серьезным аргументом за отделение от Испании, несмотря на то, что на каталонском говорят не только в Каталонии. Следует упомянуть также, что на территории Испании помимо пяти официальных языков существует достаточное количество диалектов и языков, не признанных официальными. Фактически, в каждой автономной области кастильский язык имеет определенные фонетические, лексические или даже грамматические особенности. Однако лишь Каталония столь активно использует свой язык как инструмент борьбы за независимость. Существует весьма распространенное в каталонском обществе мнение: независимое государство станет гарантом сохранения, процветания и распространения каталонского языка и культуры. Каталонцы боятся повторения притеснений их языка и культуры, исходящих от государственной власти.

Существует достаточно государств, которые стали независимыми, при этом их независимость не привела к распространению национального языка. Как пример можно привести латиноамериканские страны, официальными языками которых являются испанский и португальский, а никак не национальные кечуа, гуарани, аймара или мапуче. В Ирландии сейчас на языке независимости и революции — ирландском гэльском — говорят только в сельских районах на западе острова — гэлтахтах. После провозглашения независимости Ирландии было введено обязательное обучение языку во всех школах, начали издаваться ирландские газеты, появилось теле- и радиовещание на ирландском языке, названия политических партий и высших государственных постов звучат на ирландском, но языком общения в Ирландии все равно остается английский.

Есть и другой пример — Израиль. До 1948 г. официальными языками были английский, арабский и иврит. После создания государства Израиль английский язык потерял статус государственного языка, иврит был провозглашен первым государственным языком, а арабский — вторым. В 1948 г. иврит был литургическим языком, который использовала на богослужениях еврейская диаспора по всему миру. Израилу удалось за 60 лет возродить язык, распространить его и сделать основным языком общения на своей территории. По началу политика внедрения иврита носила жесткий характер, вытесняя как английский, так и местные языки. Позже позиция

государства по отношению к миноритарным языкам смягчилась. В 1996 г. были приняты законы о сохранении культурного наследия на идише и ладино, но произошло это после укрепления иврита как основного государственного языка.

Независимая Каталония, конечно, должна гарантировать более благоприятные условия для существования и развития каталонского языка. Но ошибочно считать, что как только Каталония получит независимость и только благодаря новым законам каталонский язык начнет процветать и выведет из употребления кастильский. Необходимо учитывать социальные реалии и лингвистические привычки, складывавшиеся годами. Каталонский монолингвизм невозможен на данный момент. Кастильский язык уже не исчезнет из Каталонии, хотя он и насаждался силой, но стал частью культуры и менталитета.

Жосеп-Луис Карод-Ровира, бывший вице-президент каталонского правительства и в прошлом главалевой республиканской партии Каталонии, в своей книге «2014. Час Каталонии» анализирует феномен каталонской борьбы за независимость и пишет, что Каталония — нация в процессе становления, которое еще не завершено и подвержено влиянию со стороны, что позволяет всем, кто проживает в этом регионе, принимать участие в формировании и самоидентификации каталонской нации [19, с. 11–33]. Следует отметить, что в испанской традиции нация определяется не по месту рождения, а по территории проживания.

Ж.-Л. Карод-Ровира считает, что независимость для каталонцев — это часть жизни, привычная тема для разговоров и больше вопрос эмоций, а не идеологий. В Каталонии существует огромный интерес к острым политическим вопросам по всему миру, не было ни одного процесса по национальному самоопределению, который остался бы без внимания со стороны каталонского общества. Однако в отношении собственной независимости каталонцы проявляют пассивность: отсутствует хотя бы немного разработанная стратегия действий, план, понимание мер, которые необходимо предпринять, чтобы добиться независимости. Ж.-Л. Карод-Ровира называет современный уровень борьбы за независимость «подростковым», так как считает, что эта борьба еще не имеет достаточной силы и фундамента, она незрелая, т.е. не сформировалась до конца. Но сама борьба за независимость чаще всего ассоциируется с радикализмом, экстремизмом, насилием и нестабильностью. Это неприемлемо для каталонцев. То, что многие борцы за независимость в своей борьбе

заходят далеко, прибегают к насилию и преступают закон, вызывает неприятие у большинства каталонцев. Сейчас в регионе растет процент жителей, высказывающихся в пользу отделения от Испании, и, согласно последним опросам, таких людей значительно больше, чем тех, кто называет себя борцами за независимость. Классические акции сепаратистов, конфронтации, бунт и агрессия отталкивают каталонцев, которым не свойственно подобное поведение.

Сторонники отделения Каталонии от Испании часто ссылаются на историческое право региона на независимость. Но была ли Каталония когда-либо независима? Можно вспомнить несколько моментов в истории Испании. Во-первых, Войну жнецов — восстание каталонцев в середине XVII в., цель которого было отделение Каталонии от Испании из-за репрессивной политики Мадрида в регионе (насаждение кастильских традиций и законов, а также лишение Каталонии прежних привилегий). В ходе восстания в мае 1640 г. был убит вице-король, а испанский король как правитель Каталонии был объявлен низложенным. Подавить восстание удалось лишь в 1652 г. [20]. В 1873, 1931, 1934 г. также были предприняты попытки объявить независимость Каталонии, но периоды независимости длились лишь несколько дней, после чего Мадриду удавалось найти компромисс и договориться с Барселоной [21]. Мнения политиков и историков разделились: трудно сказать, можно ли считать эти эпизоды периодами настоящей независимости, тем более, можно ли основывать на этих периодах современную борьбу за отделение региона от Испании.

Одним из достаточно веских и чаще всего приводимых аргументов в пользу отделения Каталонии является уровень развития экономики региона. Каталония находится на первом месте среди автономных областей Испании по уровню ВВП (по данным на 2013 г.) и на четвертом месте по уровню ВВП на душу населения (после Наварры, Страны Басков и Мадрида) [22]. При этом ВВП на душу населения в Каталонии выше, чем в среднем по Испании и по Европейскому союзу [23].

Основной канал для передачи инвестиционных ресурсов из центра на места — Фонд межтерриториальных компенсаций с капиталом 40% объема государственных инвестиций в гражданские отрасли экономики. Объем финансирования регионов пересматривается и увеличивается каждые пять лет. Начиная с 1982 г., Мадрид постепенно уступает регионам право сбора отдельных налогов (например, на наследство, недвижимость и пр.). Первым регионом, получившим это право, стала Каталония.

Позже это право получили все регионы, кроме Мадрида.

Финансовый кризис обострил отношения между Барселоной и Мадридом, так как Каталония оказалась в положении бюджетной дискриминации: Каталония платит больше среднего, а получает меньше среднего. Регион находится на третьем месте по размеру выплат и на десятом — по количеству получаемых бюджетных средств [24].

Такое положение не устраивает большинство каталонцев, которые считают, что теряют деньги и «кормят» Испанию, в то время как могли бы оставлять все средства внутри региона. Именно поэтому каталонцы ожидают от выхода региона из состава Испании не только стабильного будущего, самостоятельности в принятии политических ре-

шений и процветания каталонского языка и культуры, но и улучшения уровня жизни. Как отмечает ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН Хенкин Сергей Маркович, «...цена «освобождения от Испании» и создания собственного государства может быть значительно большей, чем выгоды, причем во всех отношениях — экономическом, социальном, политическом, психологическом» [20].

Таким образом, вопрос о национальном самоопределении Каталонии остается открытым. Несмотря на достаточное количество аргументов против выхода региона из состава Испании, каталонское правительство во главе с А. Масом настроено оптимистично и намерено продолжать свою политику сецессионистской направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. La Generalitat nombra un representante permanente ante la UE / El País. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/12/23/catalunya/1419342067_112616.html (дата обращения: 15.07.2015).
2. El Gobierno también estudia recurrir el nombramiento de un representante permanente de la Generalitat ante la UE / eldiario.es. URL: http://www.eldiario.es/politica/Gobierno-nombramiento-representante-Generalitat-UE_0_353115118.html (дата обращения: 15.07.2015).
3. Joaquim Coll. La estrategia del desbordamiento / El País. URL: http://elpais.com/elpais/2014/03/21/opinion/1395407651_005342.html (дата обращения: 15.07.2015).
4. 1,8 millones de personas votan por la independencia catalana en el 9-N / El País. URL: http://politica.elpais.com/politica/2014/11/09/actualidad/1415542400_466311.html (дата обращения: 15.07.2015).
5. Guanya el sí a Arenys de Munt / llibertat.cat. URL: <http://www.llibertat.cat/2009/09/guanya-el-si-a-arenys-de-munt-7535> (дата обращения: 15.07.2015).
6. El 'sí' gana en las consultas soberanistas con el 94,9% / La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/politica/20091213/53843511680/el-si-gana-en-las-consultas-soberanistas-con-el-94-9.html> (дата обращения: 15.07.2015).
7. En qué se parecen la consulta catalana y el referéndum de Escocia? / El País. URL: http://elpais.com/elpais/2014/09/09/videos/1410286115_535959.html (дата обращения: 15.07.2015).
8. Is Catalonia Spain's Scotland? / The New York Times. URL: http://op-talk.blogs.nytimes.com/2014/10/06/is-catalonia-spains-scotland/?_r=0 (дата обращения: 15.07.2015).
9. Ni Cataluña es Escocia, ni Madrid es Londres / El País. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/11/06/catalunya/1415308539_492177.html (дата обращения: 15.07.2015).
10. Каталония не Шотландия / Взгляд. URL: <http://www.vz.ru/world/2014/9/30/708017.html> (дата обращения: 15.07.2015).
11. Por qué el 9-N no ha dirimido nada: ¿puede un 25% decidir por una población entera? / El Confidencial. URL: http://blogs.elconfidencial.com/espana/intencion-de-voto/2014-11-14/por-que-el-9-n-no-ha-dirimido-nada-puede-un-25-decidir-por-una-poblacion-entera_455057/ (дата обращения: 15.07.2015).
12. Resultados del 9N: La independencia se impone con un 81% de los más de 2,3 millones de votos / La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/politica/20141110/54419122198/resultados-9n.html> (дата обращения: 15.07.2015).
13. Mas propone a Rajoy «diálogo permanente» para acordar una consulta definitiva. / El Confidencial. URL: http://www.elconfidencial.com/espana/2014-11-11/mas-propone-a-rajoy-dialogo-permanente-para-acordar-una-consulta-definitiva_453116/ (дата обращения: 15.07.2015).
14. Rajoy rechaza ofrecer un plan para Cataluña porque la consulta «fracasó» / El País. URL: http://politica.elpais.com/politica/2014/11/12/actualidad/1415784523_151622.html (дата обращения: 15.07.2015).
15. Mas propone a Rajoy «diálogo permanente» para acordar una consulta definitiva / El Confidencial. URL: http://www.elconfidencial.com/espana/2014-11-11/mas-propone-a-rajoy-dialogo-permanente-para-acordar-una-consulta-definitiva_453116/ (дата обращения: 15.07.2015).

16. Resultados del 9N: La independencia se impone con un 81% de los más de 2,3 millones de votos / La Vanguardia. URL: <http://www.lavanguardia.com/politica/20141110/54419122198/resultados-9n.html> (дата обращения: 15.07.2015).
17. Конституции зарубежных государств: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / сост. проф. В.В. Маклаков. М.: БЕК, 1999. 584 с.
18. Хенкин С.М. Баскский национализм: метаморфозы развития. URL: http://www.perspektivy.info/book/baskskij_nacionalizm_metamorfozy_razvitiya_2011-01-11.html (дата обращения: 15.07.2015).
19. Carod-Rovira Josep-Lluís 2014 La hora de Cataluña. Lleida: Editorial Milenio, 2014. 259 p.
20. Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией. URL: http://www.perspektivy.info/book/ispaniya_ispytaniye_katalonijej_2013-01-14.htm (дата обращения: 15.07.2015).
21. Los intentos fallidos de proclamar el Estado catalán. / ABC.es. URL: <http://www.abc.es/20121108/archivo/abci-proclamaciones-estado-catalan-historia-201210311654.html> (дата обращения: 15.07.2015).
22. PIB de Cataluña. URL: <http://www.datosmacro.com/pib/espana-comunidades-autonomas/cataluna> (дата обращения: 15.07.2015).
23. Instituto nacional de estadística. URL: <http://ine.es/> (дата обращения: 15.07.2015).
24. Catalunya es la tercera comunidad que más paga y la décima en recibir. / La Vanguardia URL: <http://www.lavanguardia.com/politica/20120724/54328816886/catalunya-tercera-comunidad-mas-paga-decima-recibir.html> (дата обращения: 15.07.2015).

REFERENCES

1. La Generalitat nombra un representante permanente ante la UE. / El País. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/12/23/catalunya/1419342067_112616.html (Accessed: 15 July 2015).
2. El Gobierno también estudia recurrir el nombramiento de un representante permanente de la Generalitat ante la UE / eldiario.es. Available at: http://www.eldiario.es/politica/Gobierno-nombramiento-representante-Generalitat-UE_0_353115118.html (Accessed: 15 July 2015).
3. Joaquim Coll. La estrategia del desbordamiento / El País. Available at: http://elpais.com/elpais/2014/03/21/opinion/1395407651_005342.html (Accessed: 15 July 2015)
4. 1,8 millones de personas votan por la independencia catalana en el 9-N / El País. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2014/11/09/actualidad/1415542400_466311.html (Accessed: 15 July 2015).
5. Guanya el sí a Arenys de Munt / llibertat.cat. Available at: <http://www.llibertat.cat/2009/09/guanya-el-si-a-arenys-de-munt-7535> (Accessed: 15 July 2015)
6. El 'sí' gana en las consultas soberanistas con el 94,9% / La Vanguardia. Available at: <http://www.lavanguardia.com/politica/20091213/53843511680/el-si-gana-en-las-consultas-soberanistas-con-el-94-9.html> (Accessed: 15 July 2015)
7. En qué se parecen la consulta catalana y el referéndum de Escocia? / El País. Available at: http://elpais.com/elpais/2014/09/09/videos/1410286115_535959.html (Accessed: 15 July 2015)
8. Is Catalonia Spain's Scotland? / The New York Times. Available at: http://op-talk.blogs.nytimes.com/2014/10/06/is-catalonia-spains-scotland/?_r=0 (Accessed: 15 July 2015)
9. Ni Cataluña es Escocia, ni Madrid es Londres / El País. Available at: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2014/11/06/catalunya/1415308539_492177.html (Accessed: 15 July 2015)
10. *Kataloniya ne Shotlandiya* [Catalonia is not Scotland]. *Vzglyad* [Look.] Available at: <http://www.vz.ru/world/2014/9/30/708017.html> (Accessed: 15 July 2015).
11. Por qué el 9-N no ha dirimido nada: ¿puede un 25% decidir por una población entera? / El Confidencial. Available at: http://blogs.elconfidencial.com/espana/intencion-de-voto/2014-11-14/por-que-el-9-n-no-ha-dirimido-nada-puede-un-25-decidir-por-una-poblacion-entera_455057/ (Accessed: 15 July 2015).
12. Resultados del 9N: La independencia se impone con un 81% de los más de 2,3 millones de votos / La Vanguardia. Available at: <http://www.lavanguardia.com/politica/20141110/54419122198/resultados-9n.html> (Accessed: 15 July 2015).
13. Mas propone a Rajoy «diálogo permanente» para acordar una consulta definitiva. / El Confidencial. Available at: http://www.elconfidencial.com/espana/2014-11-11/mas-propone-a-rajoy-dialogo-permanente-para-acordar-una-consulta-definitiva_453116/ (Accessed: 15 July 2015).
14. Rajoy rechaza ofrecer un plan para Cataluña porque la consulta «fracasó» / El País. Available at: http://politica.elpais.com/politica/2014/11/12/actualidad/1415784523_151622.html (Accessed: 15 July 2015).
15. Mas propone a Rajoy «diálogo permanente» para acordar una consulta definitiva / El Confidencial. Available at: http://www.elconfidencial.com/espana/2014-11-11/mas-propone-a-rajoy-dialogo-permanente-para-acordar-una-consulta-definitiva_453116/ (Accessed: 15 July 2015).

16. Resultados del 9N: La independencia se impone con un 81% de los más de 2,3 millones de votos / La Vanguardia. Available at: <http://www.lavanguardia.com/politica/20141110/54419122198/resultados-9n.html> (Accessed: 15 July 2015).
17. Maklakov V.V. *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Uchebnoe posobie* [Constitution of foreign countries: Textbook]. Moscow, BECK Publ., 1999. 584 p.
18. Khenkin S.M. *Baskskiy natsionalizm: metamorfozy razvitiya* [Basque nationalism: the metamorphosis of development]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/baskskij_nacionalizm_metamorfozy_razvitija_2011-01-11.html (Accessed: 15 July 2015).
19. Carod-Rovira Josep-Lluís 2014 La hora de Cataluña. Lleida: Editorial Milenio, 2014. 259 p.
20. Khenkin S.M. *Ispaniya: ispytanie Kataloniy* [Spain: Catalonia test]. Available at: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytaniye_katalonijej_2013-01-14.html (Accessed: 15 July 2015).
21. Los intentos fallidos de proclamar el Estado catalán / ABC.es. Available at: <http://www.abc.es/20121108/archivo/abci-proclamaciones-estado-catalan-historia-201210311654.html> (Accessed: 15 July 2015).
22. PIB de Cataluña. Available at: <http://www.datosmacro.com/pib/espana-comunidades-autonomas/cataluna> (Accessed: 15 July 2015).
23. Instituto nacional de estadística. Available at: <http://ine.es/> (Accessed: 15 July 2015).
24. Catalunya es la tercera comunidad que más paga y la décima en recibir. / La Vanguardia. Available at: <http://www.lavanguardia.com/politica/20120724/54328816886/catalunya-tercera-comunidad-mas-paga-decima-recibir.html> (Accessed: 15 July 2015).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Горячева Е.Н, Оглоблина Е.В.

Испанский язык для делового общения: учебное пособие для студентов бакалавриата. М.: Финансовый университет, 2015. 160 с.

Данное пособие является частью учебно-методического комплекса для студентов экономических направлений, изучающих испанский язык. Пособие составлено в соответствии с требованиями программы Финансового университета по иностранным языкам. Основными задачами пособия являются формирование навыков и умений устной и письменной речи и развитие иноязычной коммуникативной компетенции у студентов, изучающих испанский язык как первый и второй иностранный язык.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОЧИТАННОМ

DOI 10.12737/13644

По логике проблемного подхода

Рецензия на книгу «Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах»¹

Пляйс Яков Андреевич

Д-р ист. наук, д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой «Общая политология» Финансового университета

E-mail: spn2004@rambler.ru

According to the Logic of the Problem Approach

Review of the Anthology in Three Volumes «The Modern Science of International Relations Abroad»

Plyas Yakov Andreevich

Doctor of Sciences (History), Doctor of Sciences (Policy), Professor, Head of the Department «General Political Science», Financial University

E-mail: spn2004@rambler.ru

Сложно писать рецензию на труд, в котором есть обстоятельное предисловие редактора, содержащее почти все, о чем обычно пишут в рецензиях. Действительно, в предисловии президента Российского совета по международным делам (РСМД), члена-корреспондента РАН И.С. Иванова, являющегося общим редактором весьма обширной хрестоматии «Современная наука о международных отношениях за рубежом», есть многое из того, без чего нельзя обойтись в рецензиях, в том числе критического содержания. В нем говорится, в частности, о том, почему РСМД создал и издал этот труд, что в нем содержится и пр.

Следуя логике жанра, мне пришлось кое-что использовать из упомянутого предисловия, ссылаясь, разумеется, на его автора. (По моему убеждению, было бы неприлично отмечать положительные и негативные

моменты хрестоматии, фактически повторяя написанное в предисловии, не упоминая его.) Речь в нем идет, в частности, о том, что материал представлен в двенадцати разделах — «...соответственно, вопросам, выделяемым большинством исследователей-международников в качестве ключевых тем современной мировой политики» [хрестоматия, т. I, с. 13]. «Каждый раздел, — говорится далее, — предваряет статья видного российского исследователя, специально подготовленная для данного издания» [там же].

Читателям хрестоматии предлагается логика проблемного подхода к теории международных отношений, т.е. «...организующим принципом построения трехтомника является не историческая последовательность издания и не географическая принадлежность тех или иных материалов, их привязка к тем или

¹ Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия. В 3-х т. / под общ. ред. И.С. Иванова. М.: НП РСМД, 2015.

иным базовым проблемам современной мировой политики» [там же].

В предисловии самокритично говорится и о естественных недостатках хрестоматии. Отмечается, в частности, что «...в трех томах невозможно полно и всесторонне представить все проблемы, над которыми работает глобальное сообщество ученых-международников» [там же]. Как и любому составителю подобного труда, сотрудникам РСМД, создавшим рецензируемую хрестоматию, приходилось отказываться от включения в нее интереснейших материалов только потому, что авторы не хотели выходить за рамки установленного объема, а также потому, чтобы не создавать тематические или методологически перекосы. Стремясь к тому, чтобы представить читателю наиболее актуальные и свежие материалы, составителям «...пришлось пожертвовать некоторыми "классическими" текстами по теории международных отношений».

В хрестоматии частично затрагивается также вопрос о сопоставимости методологии и методик исследований.

Не вдаваясь далее в проблемные вопросы и недостатки хрестоматии, отмечу безусловные достоинства рецензируемого труда. Их достаточно много.

Во-первых, этот труд посвящен теоретическим и идейным основам международных отношений, доминирующим в современном мире.

Во-вторых, в хрестоматию включены работы представителей ведущих зарубежных школ, университетов, научных и исследовательских центров. Это обстоятельство, безусловно, поспособствует приобщению российской научной общественности, и прежде всего, той, которая активно вовлечена в сферу международных отношений, к осмыслению фундаментальных трансформаций, происходящих в этой сфере в последние два-три десятилетия. А эти трансформации совершенно необычные, поистине судьбоносные.

Поэтому опять-таки справедливо и обоснованно утверждается в предисловии, что «...сам предмет анализа предполагает поиски не только национального, но и глобального консенсуса в отношении основных процессов, протекающих в современной мировой политике» [с. 11]. Верно также, что «...наука о международных отношениях не может замкнуться на изучении одного субъекта этих отношений: наиболее важные процессы, связанные с взаимодействием на мировой арене, имеют глобальный масштаб и глобальные последствия» [там же]. От того, как все мы в разных частях света и в разных странах понимаем эти процессы «...зависит и наша способность объединять усилия в поисках решения трудных задач, стоящих сегодня перед человечеством».

Важным достоинством рецензируемого труда является и то, что, кроме достаточно пространного введения к хрестоматии [с. 14–30], являющемуся своеобразным путеводителем к этому труду, каждый его раздел также предваряется введением. Так, раздел I «Современное развитие науки о международных отношениях» открывается статьей известного теоретика международных отношений доктора философских наук, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова П.А. Цыганкова, много лет отдавшего этому предмету. Раздел II «Теоретические основания исследований международных отношений: концепты безопасности, войны и мира» открывается статьей другого известного ученого, зав. сектором теории политики Э.Г. Соловьева и т.д. Эти статьи носят, на мой взгляд, вполне самостоятельный теоретический характер, а не только обзорный, характеризующий статьи, опубликованные в разделе.

В данной рецензии нет возможности (да и необходимости) анализировать эти обзорные статьи и давать им оценку, несмотря даже на их путеводный характер. Тем не менее, будучи убежденным сторонником безусловной важности хорошей теории вообще и теорий международных отношений в частности, хотел бы сослаться на мнение упомянутого выше П.А. Цыганкова, сформулированного в его вступительной статье к первому разделу. В нем он пишет о том, что «...публикуемые переводы статей зарубежных ученых-международников отражают как современное состояние науки — ее центральные достижения и проблемы, прорывы и слабости, трудности и перспективы, так и наметившиеся в настоящее время тенденции дальнейшей эволюции и, возможно, самого существования теории международных отношений как самостоятельной области социально-политического знания» [с. 32].

Здесь же профессор П.А. Цыганков справедливо отмечает, повторяя в заключении свою мысль еще раз, что в хрестоматии читатель находит «...определенный, хотя, конечно же, далеко не полный срез основных течений — мейнстрима современной международной теории» [с. 32, 41].

Но даже то, что представлено в трех томах хрестоматии общим объемом более трех тысяч страниц убористого и основательно фундированного текста, дает достаточно полную картину о современном состоянии международных отношений и тенденциях их развития.

В связи с этим хотелось бы специально остановиться на двух-трех сюжетах, которые имеют принципиальное значение для понимания и современного состояния международных отношений и тенденций их развития.

Это, во-первых, меняющаяся роль Китая, во-вторых, состояние и тенденция развития американо-китайских отношений, и, в-третьих, оценка роли России зарубежными учеными.

Что касается первого сюжета, то сошлюсь на статью профессора Института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета (США) Стивена Уолта «Международные отношения: мир один, теорий много» [т. I, с. 43–56]. «Возьмем, к примеру, текущие споры о том, — пишет он, — как реагировать на Китай. С одной точки зрения восхождение Китая на мировой арене — самый последний пример тенденции к тому, что набирающие мощь державы меняют соотношение сил в мире потенциально опасным способом, в частности, потому, что вместе с их влиянием растут и амбиции. С другой точки зрения в будущем решающее значение для Китая будет иметь следующее: изменится ли поведение страны в результате интеграции в мировые рынки и (неизбежного?) распространения демократических принципов. Есть и еще одна точка зрения: отношения между Китаем и остальным миром будут определяться вопросами культуры и идентичности. Почувствует ли Китай себя (и почувствуют ли остальные) одним из членов мирового сообщества или же будет вести себя обособленно, требуя к себе особого отношения?» [с. 43, 44].

Несмотря на то, что в приведенной цитате мы не находим ответа на вопрос о будущей роли Китая в международных отношениях, постановка проблемы и реальная поливариантность ее решения присутствует. (Кстати, подобная поливариантность в суждениях характерна для многих авторов, что вполне обоснованно.)

С первым сюжетом перекликается второй — американо-китайские отношения. Ему специально посвящена статья патриарха американского исследовательского корпуса Генри Киссинджера, озаглавленная «Будущее американо-китайских отношений». В ней он пишет следующее: «Значительное число людей в обоих государствах заявляли, что борьба за превосходство между КНР и США неизбежна и, возможно, уже началась. В этом контексте призывы к американо-китайскому сотрудничеству выглядят устаревшими и даже наивными» (т. I, с. 1025). «Однако в около официальной китайской прессе и исследовательских институтах собрано достаточно материалов в под-

держку теории о том, что отношения идут, скорее, к конфронтации, а не сотрудничеству» (с. 1026). В таком же духе строит Г. Киссинджер и свои последующие размышления. Интересен и поучителен общий вывод, который патриарх делает из этих размышлений: «...неизбежная тенденция к столкновению не должна приравниваться к сознательному стремлению сдерживать или доминировать, пока стороны способны разграничивать эти понятия и соответствующим образом соизмерять свои действия. Китаю и США не обязательно удастся выйти за рамки обычного процесса соперничества великих держав. Но ради самих себя и ради мира они должны хотя бы попытаться это сделать» [с. 1035].

Мудрый вывод. Однако, скорее всего, развитие событий пойдет по обычному, т.е. конфронтационному, сценарию. Законы соперничества и борьба за первенство в мире еще никто не отменял, и отменить не может. Что касается третьего сюжета — оценки роли России, — то в трех томах ей специально посвящено совсем немного статей. Полагаю потому, прежде всего, что три года назад РСМД выпустил шеститомную хрестоматию «Россия в глобальном мире (2000–2011)».

В рецензируемом труде (в третьем томе) есть три специальные статьи, в которых говорится о России, это: «Российско-советская империя: проверка теории неореализма» Уильяма Уолфорга; «"Р" в аббревиатуре "БРИК": является ли Россия "восходящей" державой?» Нила МакФарлейна; «Теряя Россию: цена возобновления конфронтации» Дмитрия Саймса. Все эти статьи размещены в 12-м разделе третьего тома, озаглавленного «Россия». Даже по приведенным названиям можно судить о том, что их авторы настроены к России и ее роли в мире весьма критически. По их мнению, Россия не является «восходящей державой» [т. III, с. 261].

Заканчивая рецензию, хочу вернуться к предисловию первого тома и, в частности, к тому заключению, которое делает в нем И.С. Иванов, общий редактор хрестоматии. «Не претендуя на наличие исчерпывающего перечня рассматриваемых проблем, — пишет он, — мы все же рассчитываем, что данная публикация послужит неплохой основой для плодотворного обсуждения происходящей на наших глазах эволюции современного мирового порядка» [с. 13]. Нет сомнения, что так оно и будет.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ХРОНИКА И АНОНСЫ

УДК 37

DOI 10.12737/13644

Современный преподаватель: взгляд на студентов и методики преподавания в вузе

Полевая Марина Владимировна

Д-р экон. наук, зав. кафедрой «Управление персоналом и психология» Финансового университета

E-mail: m-v-p@list.ru

В статье представлены результаты и анализ социологического исследования на тему «Отношение профессорско-преподавательского состава вузов к современным студентам и технологиям преподавания учебных дисциплин». В исследовании приняли участие преподаватели различных возрастных категорий Финансового университета и других вузов города Москвы. Основными вопросами анкетирования были вопросы сравнения современных студентов и студентов 20–30-летней давности, а также выявления отношения преподавателей к методике преподавания учебных дисциплин.

Показаны некоторые тенденции отношения профессорско-преподавательского состава вузов к современным студентам. Рассмотрены отношение профессорско-преподавательского состава к актуальной проблеме обновления образовательных технологий, методики преподавания, отношение преподавателей к изменению подходов и технологиям образования в современном вузе. Проведено сравнение классической школы преподавания и современных (интерактивных) методов. Выявлена общая тенденция положительного отношения преподавателей к интерактивной методике преподавания, а также мнение преподавателей, что при интерактивной методике обучения восприятие и запоминание учебного материала студентами значительно лучше, чем при классической методике.

Выявлена общая тенденция необходимости в настоящее время разумного сочетания классической и интерактивной методик преподавания учебных дисциплин в вузе.

Проведен анализ соотношения использования элементов интерактивных и классических методик преподавания в личной профессиональной деятельности преподавателей различных вузов и различных возрастных групп. Выявлены особенности и тенденции, рассмотрено их мнение об увеличении объемов интерактивных занятий.

Выявлено мнение профессорско-преподавательского состава о феномене лекторского мастерства. Выделено несколько влияющих факторных групп для повышения лекторского мастерства преподавателей, в частности показана необходимость курсов повышения квалификации по методике преподавания и лекторскому мастерству.

Ключевые слова: студент, преподаватель, образовательные технологии, методика преподавания.

The Modern Teacher: a Look at the Students and Methods of Teaching at the University

Polevaya Marina Vladimirovna

Ph.D. (Economy), Head of the Personnel Management and Psychology Department, Financial University

E-mail: m-v-p@list.ru

The article presents the results and analysis of the sociological study on "Attitude of faculty members of universities to modern students and technology teaching". The study involved teachers from the Financial University and other universities of the city of Moscow of different age groups. The main questions of the survey questions were compared to modern students and students from twenty-thirty years ago, and the identification of the attitude of teachers to teaching the academic disciplines.

Shows some trends in the attitudes of faculty members of universities to modern students. Consider the ratio of teaching staff to the topical problem of educational technology, methods of teaching; teachers' attitudes to the changing approaches and technologies of education in the modern University. A comparison of the classical school of teaching and modern (interactive) methods. Revealed a General trend of a positive attitude of teachers to interactive teaching methods, as well as the views of teachers, interactive teaching methods perception and memorization of learning material by students is significantly better than the classical method.

Revealed the General trend of the need to present a judicious combination of classical and interactive methods of teaching disciplines in the University.

The analysis of the ratio of use of elements of both classic and interactive teaching methods in their personal professional activity of teachers from different universities and different age groups. The peculiarities and tendencies discussed their views on increasing interactive lessons

Revealed the opinion of the faculty on the phenomenon of lecturing skills. Highlighted are some influencing factor groups to improve lecturing skills of teachers, in particular the necessity of training courses on methods of teaching and lecturing skills.

Keywords: student, teacher, educational technology, methods of teaching.

Переход вузов на Болонскую систему образования, реализация ФГОС третьего поколения, а теперь уже ФГОС три плюс, разработка и внедрение профессиональных стандартов ставят перед высшими образовательными учреждениями задачу перевода системы образования на качественно новый уровень.

Вопросами развития высшей школы на современном этапе занимаются И.М. Ильинский, В.А. Луков, С.А. Иванова, Н.М. Розина, В.А. Гневашева, А.Н. Лебедев, Н.В. Анненкова, Е.В. Камнева, Ю.Е. Мужичкова, И.А. Иванова, А.О. Субочева и др. [1–4, 7, 9]. Вопросы внедрения инновационных технологий в практику преподавания изучают Ж.В. Коробанова, Н.В. Кабакова, Р.А. Ширванов и др. [5, 11]. Проблемы ответственного выбора современной молодежи занимаются О.В. Карина, Н.Е. Шустова, М.А. Киселева, В.А. Ситаров, А.И. Шутенко, Е.Н. Шутенко, С.Ю. Манухина, С.Н. Чистякова, Н.П. Дедов и др. [6, 8, 10].

Проблема обновления образовательных технологий, методики преподавания в вузе стоит довольно остро. Здесь вполне корректны вопросы: подходят ли для реализации образовательных задач те подходы и методы преподавания учебных дисциплин, которые наработаны в вузах десятилетиями? классическая школа преподавания изживает себя или она по-прежнему лучшее, что может предложить вуз?

Современные студенты не ориентированы на классические лекции, они высказываются в пользу интерактивных занятий. Однако многие преподаватели не хотят или не могут менять методику преподавания. Как только в академических кругах поднимается вопрос об изменении методики преподавания, сразу же возникает ответная реакция: «...студенты не хотят учиться, они стали хуже, раньше

всем нравилось учиться, посещать классические лекции и готовится к семинарам, а современным студентам подавай постоянно что-то новое, нетрадиционное, интерактивное...»

Действительно ли это ностальгия по прошедшим временам? Или студенты изменились в худшую сторону? Нужно ли менять методику преподавания? Для ответа на эти вопросы следует провести крупномасштабное исследование на большой выборке студентов и преподавателей в различных вузах России. Мы ограничили рамки нашего исследования преподавателями Финансового университета и других вузов с целью выявить их мнение о современных студентах и методике преподавания. Было проведено анкетирование профессорско-преподавательского состава, в котором приняли участие 84 человека: 46 представителей Финансового университета и 38 преподавателей вузов г. Москвы. В выборке участвовали 49 человек в возрасте 35–50 лет и 35 – в возрасте 51–70 лет. Условно назовем первую группу «молодые», а вторую – «маститые».

Основными вопросами анкетирования были вопросы сравнения современных студентов и студентов 20–30-летней давности, а также выявление отношения преподавателей к методике преподавания учебных дисциплин.

Результаты исследования показали, что общей тенденцией в ответах на вопрос: «Отличаются ли современные студенты от студентов 20–30-летней давности?» является то, что большинство преподавателей Финансового университета и других вузов (55,0% и 66,7% «маститых» и 30,8% и 56,5% «молодых» соответственно) считают, что нынешнее поколение студентов «хуже», чем их предшественники (рис. 1).

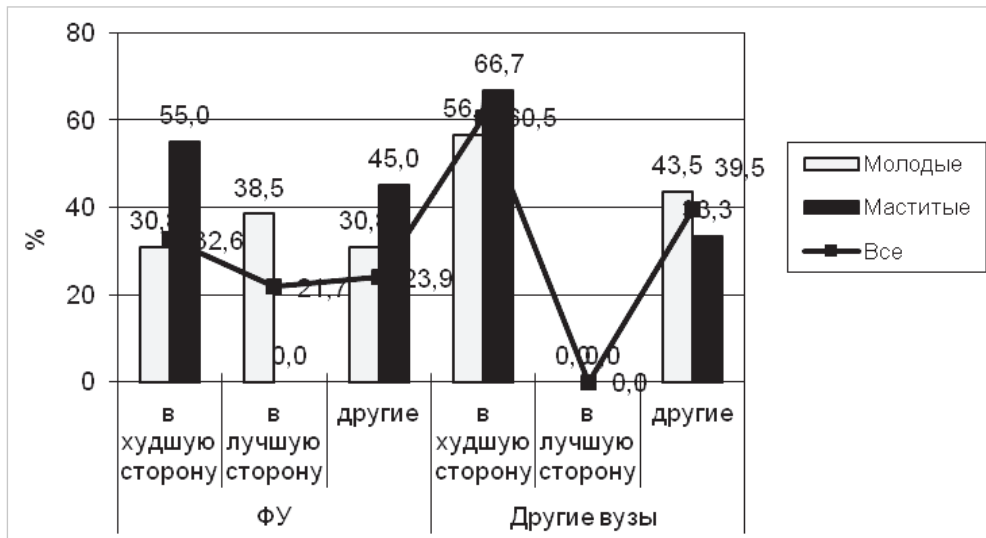

Рис. 1.
Отличие современных студентов от студентов 20–30-летней давности

Студенты, по мнению таких преподавателей, отличаются узким кругозором, потребительским отношением к жизни, более низким уровнем интеллекта, худшим знанием истории, недостаточным базовым образованием. Стало больше студентов, которые не прилагают особых усилий к учебе и относятся к ней равнодушно. У многих нет мотивации к учебе, не всегда ощущают дистанцию в системе «студент – преподаватель», менее критично оценивают свои реальные возможности, инфантильны, менее ответственны. В целом, данная группа преподавателей относится к современным студентам как к более слабым и менее мотивированным.

Только 38,5% «молодых» преподавателей Финансового университета считают, что студенты изменились в лучшую сторону.

23,9% преподавателей Финансового университета и 39,5% из других вузов считают, что современные студенты просто другие: они изменились по отношению к студентам прошлых лет и в лучшую, и в худшую сторону. Студенты стали более самостоятельны, раскованны и открыты в общении. Они проявляют больший интерес к учебе и будущей профессии, более продвинуты в современных информационных технологиях. При этом кругозор, интеллектуальные качества, общий уровень подготовки значительно снизились.

Следующий вопрос анкетирования: отличается ли современная методика преподавания от методики 20–30-летней давности, и если да, то чем? Как показали результаты анализа (рис. 2), существенной разницы в ответах преподавателей различных воз-

растных групп и вузов не наблюдалось: подавляющее большинство человек отметили сильное отличие в методиках преподавания (85,0% преподавателей Финансового университета и 66,7% из других вузов). Изменились подходы и методы образования: внедряются инновационные методы; проводятся интерактивные занятия; изменились формы контроля знаний; широко используется тестирование, групповые формы работы; очень широко используются компьютерные технологии. Однако некоторые преподаватели отмечают снижение требований к студентам; отношение к студенту как к клиенту, которого надо обслужить и быть ему приятным во всех отношениях.

8,7% преподавателей Финансового университета и 23,7% из других вузов считают, что методика преподавания не изменилась или изменилась не существенно. Из них большинство – это «маститые» преподаватели. О чем это может свидетельствовать? Возможно, о том, что сами преподаватели не изменили свою методику преподавания?

Вопрос о том, влияет ли методика преподавания на восприятие учебного материала студентами, выявил разные мнения среди «маститых» преподавателей различных вузов (рис. 3). 60,0% представителей Финансового университета и 100% из других вузов считают, что методика преподавания влияет на восприятие учебного материала студентами; 30,0% и 6,7% преподавателей (соответственно) – частично; 10,0% и 5,3% убеждают, что методика преподавания совсем не влияет на восприятие учебного материала студентами. Но харизма, владение риторикой, знание

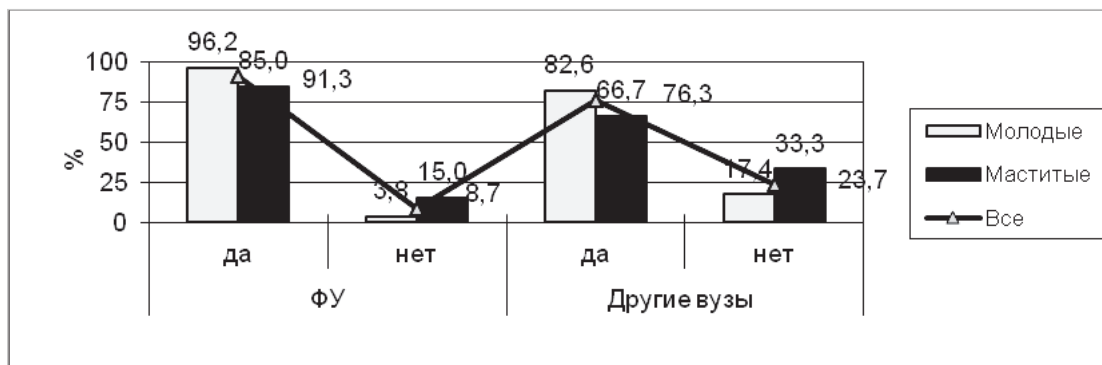

Рис. 2.

Результаты анализа отличия современной методики преподавания от методики 20–30-летней давности

материала, поведение преподавателя на занятиях и другие составляющие лекторского мастерства, безусловно, влияют на усвоение материала студентами – 100% опрошенных преподавателей ответили однозначно.

Вопрос о том, какая методика преподавания лучше для восприятия и запоминания студентами учебного материала, показал общую тенденцию отношения преподавателей к интерактивной методике преподавания (рис. 4). Так, 52,2% преподавателей Финансового университета и 63,2% из других вузов полагают, что при интерактивной методике обучения восприятие и запоминание учебного материала студентами значительно лучше, чем при классической методике (8,7% и 15,8% соответственно). Значительная часть преподавателей (39,1% и 21,1% представителей преподавательского состава соответственно Финансового университета и других вузов) считает, что было бы неверно противопоставлять эти две методики преподавания: в настоящее время необходимо разумное сочетание классических и интерактивных элементов проведения занятий.

В продолжение данного вопроса был поставлен вопрос о соотношении использования элементов интерактивных и классических методик преподавания в личной профессиональной деятельности преподавателей. В результате анкетирования можно сделать вывод о широком диапазоне соотношения методик как среди преподавателей различных возрастных групп, так и по вузам. Соотношение 50/50 для интерактивной и классической методик используют в своей деятельности 80,0% «маститых» и 30,8% «молодых» преподавателей Финансового университета и 20,0% «маститых» и 47,8% «молодых» преподавателей других вузов.

Прослеживается интересная траектория применения различных методик преподавания: «маститые» преподаватели Финансового университета больше используют элементы классических методик, чем интерактивных (называя такие соотношения классических элементов к интерактивным, как 30/70 (10%), 40/60 (5,0%), 50/50 (80,0%), 60/40 (5,0%). «Молодые» преподаватели Финансового университета более равномерно распределились в выборе

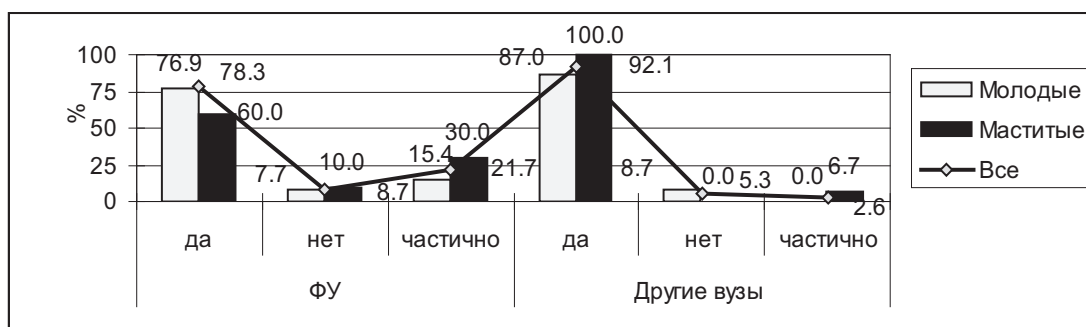

Рис. 3.

Анализ мнения педагогов о влиянии методики преподавания на восприятие учебного материала студентами

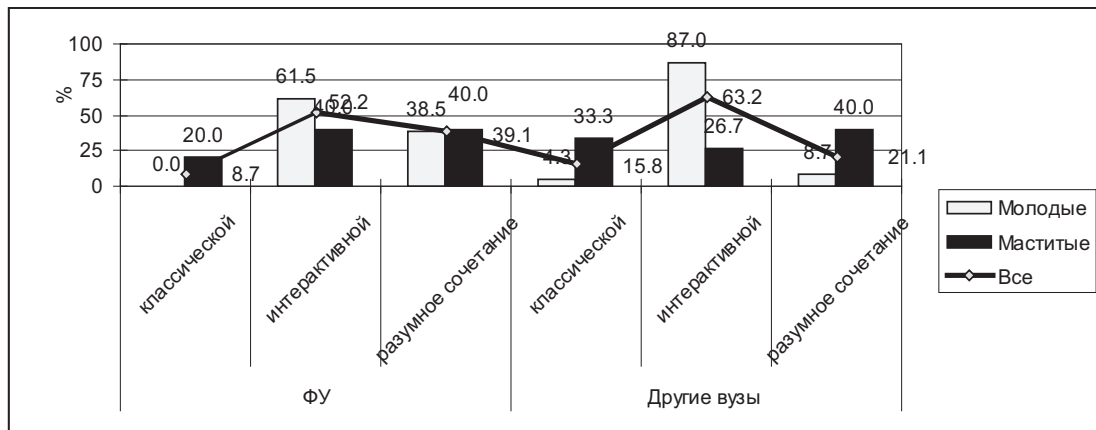

Рис. 4.

Сравнение влияния классической и интерактивной методики на восприятие учебного материала студентами

использования различных методик преподавания: 30/70 (11,5%), 40/60 (15,4%), 50/50 (30,8%), 60/40 (19,2%), 70/30 (15,4%) и даже 80/20 (7,7%). Такая же траектория распределения ответов просматривается и среди преподавателей из других вузов (рис. 5). Однако уровень использования интерактивных методик среди преподавателей Финансового университета — значительно выше, чем в других вузах.

Немногие преподаватели считают, что от классической методики следует отказываться в пользу интерактивных форм. Некоторая часть преподавателей считает, что менять классическую методику проведения лекций и семинаров не нужно, так как она «прошла многолетнюю апробацию и показала успешные результаты», и «хороший преподаватель и по классической методике даст все, что нужно студентам».

80,0% «маститых» и 69,2% «молодых» преподавателей Финансового университета полагают, что увеличивать объем интерактивных занятий больше не следует, среди преподавателей других вузов данного мнения придерживаются 80,0% и 8,7% преподавателей соответственно. Только 30,8% «молодых» преподавателей Финансового университета полагают, что нужно увеличивать объем интерактивных занятий, среди преподавателей других вузов — это 43,5% «маститых» и 13,3% «молодых» соответственно. 8,7% всех преподавателей Финансового университета и 31,6% других вузов, четко не определились с объемами применения интерактивных и классических методик преподавания.

Данные результаты, возможно, могут свидетельствовать о том, что преподаватели Финансового

университета достаточно широко используют элементы интерактивных методик преподавания в своей профессиональной деятельности.

При ответе на вопрос о необходимости курсов повышения квалификации по методике преподавания и лекторскому мастерству для преподавателей вашего профессионального уровня ответ был практически единодушным (рис. 6). 80,0% «маститых» и 76,9% «молодых» преподавателей Финансового университета полагают, что курсы повышения квалификации необходимы. Мнения преподавателей других вузов аналогичны. Курсы повышения квалификации для преподавателей не нужны, считают 15,4% «молодых» преподавателей Финансового университета. Из других вузов данного мнения придерживаются 33,0% «маститых» и 13% «молодых» преподавателей. 7,7% «молодых» и 20,6% «маститых» преподавателей Финансового университета ответили более уклончиво: «для кого-то, возможно, курсы и нужны».

Анализ ответов преподавателей на вопрос: «Что нужно, чтобы повысить лекторское мастерство преподавателя?» позволил выделить несколько влияющих факторных групп.

Во-первых, это внутренние детерминанты, такие как «заинтересованность, желание и стремление преподавателя повышать свое лекторское мастерство». При этом следует отметить, что преподавательский состав неоднороден по степени стремления к саморазвитию, перманентному повышению профессионального мастерства. На наш взгляд, это обстоятельство связано с тем, что данная категория преподавателей обладает низкой готовностью к энер-

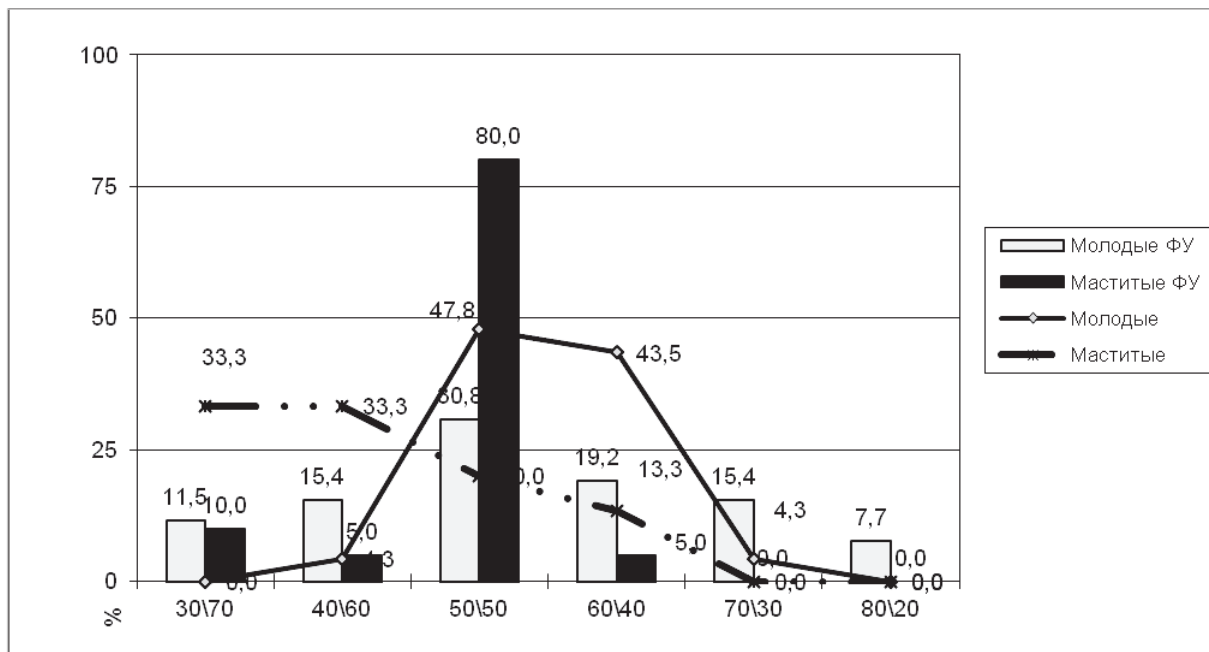

Рис. 5.

Соотношение использования элементов интерактивных и классических методик преподавания в личной профессиональной деятельности преподавателей

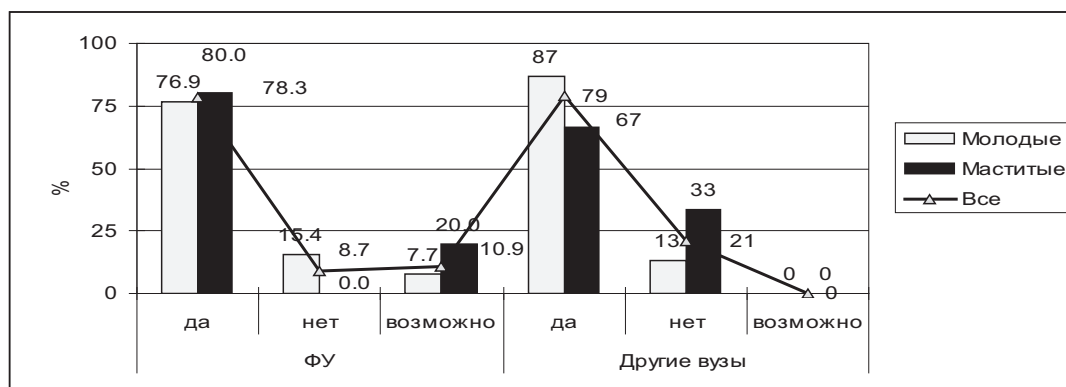

Рис. 6.

Отношение преподавателей к необходимости курсов повышения квалификации по методике преподавания и лекторскому мастерству

гозатратному включению в новое образовательно-информационное поле, мотивируя свою пассивность фиксированной «достаточностью» имеющихся ресурсов знаний и навыков. Тем самым показывая, что забывают известную мудрость: «Чем больше я знаю, тем больше я понимаю, как мало я знаю». Такие преподаватели, как правило, очень трудно воспринимают любые нововведения, изменения в методике преподавания.

Во-вторых, внешние детерминанты, такие как благоприятные условия труда, поощрение лучших преподавателей, требование больше времени отводить на методическую работу по подготовке к занятиям. Таких преподавателей сложно «сдвинуть» с их нежелания ничего не менять: «вы создайте, сделайте, а потом уж и мы тоже станем лучше...».

В-третьих, конкретные действия, повышающие лекторское мастерство, такие как изучение и анализ

своей работы и опыта преподавателей-мастеров, взаимопосещение занятий, курсы повышения квалификации, изучение научной литературы по данной проблеме, повышение профессиональной компетентности.

Резюмируя изложенное, можно предложить универсальную формулу развития лекторского мастерства «интеллект – активность – организованность – непрерывность».

Таким образом, мы видим, что нынешний студент не стал хуже, он просто другой, появились новые приоритеты, обстоятельства, подходы и методики. Сегодня очень остро стоит вопрос о методике преподавания учебных дисциплин в высших учебных заведениях. За последние годы выросло новое по-

коление людей, которых во многом не устраивает «классическая» методика преподавания. На вопрос о том, какие формы учебных занятий наиболее предпочтительны, большинство студентов отвечают: интерактивные занятия с групповой работой, дискуссиями, в которых чередуются мини-лекции с групповым обсуждением и решением практических задач, кейсов. Очень часто скука, равнодушное отношение студентов обуславливаются оторванностью методики преподавания того или иного предмета от современных образовательных и информационных подходов. Наши студенты – это порождение 21 века, они больше похожи на свое время, чем на своих родителей, и в их обучении требуются инновационные подходы и методики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова Н.В. Актуальные вопросы профессиональной подготовки кадров для инновационной экономики [Текст] Н.В. Анненкова, Е.В. Камнева, М.В. Полевая // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 2(6). С. 106–109.
2. Иванова И.А. Инновационная образовательная среда как основа развития человеческого капитала [Текст] // Общество в эпоху перемен: формирование новых социально-экономических отношений: сб. статей. Материалы V Международной научно-практической конференции. – Саратов, 2014. С. 94, 95.
3. Иванова С.А. Создание и развитие института высшего образования в России (историко-правовой аспект) [Текст] С.А. Иванова, Н.М. Розина // Государство и право. 2013. № 10. С. 95–102.
4. Ильинский И.М. Модернизация российского образования в контексте мировой глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 3–23.
5. Кабакова Н.В. Инновационные формы и методы обучения в современном вузе [Текст] Н.В. Кабакова, Ж.В. Коробанова // Формирование общекультурных и профессиональных компетенций финансиста: сб. научных трудов студентов, аспирантов и преподавателей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Редакционная коллегия: А.Н. Лебедев, Н.В. Анненкова, Е.В. Камнева, Ю.Е. Мужичкова. – М., 2014. С. 107–111.
6. Карина О.В. Проблематика самодетерминации и экспектаций личности в гуманитарных науках [Текст]. О.В. Карина [и др.]. Саратов: Саратовский источник. 2009. 77 с.
7. Лебедев А.Н. Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов [Текст] / А.Н. Лебедев [и др.]. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – М., 2014.
8. Ситаров В.А., Шутенко А.И., Шутенко Е.Н. Психологические особенности социокультурного облика студенческой молодежи [Текст]. В.А. Ситаров, А.И. Шутенко, Е.Н. Шутенко // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 66–72.
9. Субочева А.О. Социально-экономические основы совершенствования системы подготовки специалистов по управлению персоналом в налоговых органах [Текст]: автореф. дис. ... канд.экон. наук / А.О. Субочева. – М., 2005.
10. Манухина С.Ю. Формирование социально-профессионального самоопределения молодежи в условиях непрерывного образования [Текст] / С.Ю. Манухина [и др.]; под общ. ред. С.Ю. Манухиной, С.Н. Чистяковой. – М., 2012. 207 с.
11. Ширванов Р.А. Применение информационных технологий для управления компетенциями в процессе обучения [Текст] / Р.А. Ширванов [и др.] // Акмеология. 2014. № 3–4. С. 196, 197.

REFERENCES

1. Annenkova N.V., Kamneva E.V., Polevaya M.V. *Aktual'nye voprosy professional'noy podgotovki kadrov dlya innovatsionnoy ekonomiki* [Topical issues of vocational training for the innovation economy]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities. Journal of Finance University]. №2 (6). P.106–109.
2. Ivanova I.A. *Innovatsionnaya obrazovatel'naya sreda kak osnova razvitiya chelovecheskogo kapitala* [Innovative educational environment as a basis for the development of human capital]. *Obshchestvo v epokhu peremen: formirovanie novykh sotsial'no-*

- ekonomicheskikh otноsheniy: materialy V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Society in Times of Change: the formation of the new socio-economic relations of the V international scientific-practical conference]. Saratov, 2014. P. 94–95
3. Ivanova S.A., Rozina N.M. *Sozdanie i razvitiye instituta vysshego obrazovaniya v Rossii (istoriko-pravovoy aspekt)* [Creation and development of the institution of higher education in Russia (historical and legal aspect)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2013. №10. P.95–102.
 4. P'inskiy I.M. *Modernizatsiya rossiyskogo obrazovaniya v kontekste mirovoy globalizatsii* [Modernization of the Russian education in the context of a globalizing world]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2012. №3. P.3–23.
 5. Kabakova N.V., Korobanova Zh.V. *Innovatsionnye formy i metody obucheniya v sovremennoy vuzе* [Innovative forms and methods of training in modern university]. *Formirovaniye obshchekul'turnykh i professional'nykh kompetentsiy finansista. Sbornik nauchnykh trudov studentov, aspirantov i prepodavateley Finansovogo universiteta pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii* [Formation of common cultural and professional competences of the financier. Collection of scientific works of students and teachers Financial University under the Government of the Russian Federation]. Moscow, 2014. P. 107–111.
 6. Karina O.V., Shustova N.E., Kiseleva M.A. *Problematika samodeterminatsii i ekspektatsiy lichnosti v gumanitarnykh naukakh* [The issue of self-determination and identity of expectations in the humanities]. Saratov, Publishing house "Saratov power", 2009. 77 p.
 7. Lebedev A.N., Annenkova N.V., Buyanova S.M., Gagarina M.A., Kamneva E.V., Korobanova Zh.V., Krylov A.Yu., Muzhichkova Yu.E., Orlova E.A., Chizhikova E.S. *Psikhologicheskie bar'ery modernizatsii rossiyskoy ekonomiki v sfere finansov* [Psychological barriers to modernize the Russian economy in the sphere of finance]. Moscow, 2014.
 8. Sitarov V.A., Shutenko A.I., Shutenko E.N. *Psikhologicheskie osobennosti sotsiokul'turnogo oblika studencheskoy molodezhi* [Psychological features of the socio-cultural image of students]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. [Knowledge. Understanding. Ability]. 2009. №2. PP. 66–72.
 9. Subocheva A.O. *Sotsial'no-ekonomicheskie osnovy sovershenstvovaniya sistemy podgotovki spetsialistov po upravleniyu personalom v nalogovykh organakh: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk* [Socio-economic bases of perfection of training system for personnel management in the tax authorities: the Abstract of the thesis for the degree of candidate of economic sciences]. Moscow, 2005.
 10. Manukhina S.Yu., Chistyakova S.N. *Formirovaniye sotsial'no-professional'nogo samoopredeleniya molodezhi v usloviyakh nepreryvnogo obrazovaniya* [Formation of the socio-professional self-determination of young people in terms of continuing education]. Moscow, 2012. 207 p.
 11. Shirvanov R.A., Kamneva E.V., Annenkova N.V. *Primeneniye informatsionnykh tekhnologiy dlya upravleniya kompetentsiyami v protsesse obucheniya* [The use of information technology to manage the competencies in the learning process]. *Akmeologiya* [Akmeology]. 2014. № 3–4. PP. 196–197.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Мазур И.И. , Чумаков А.Н., Кацура А.В.

Планетарное человечество. На краю пропасти. М.: Проспект, 2016. 208 с.

Можно ли рассчитывать на исторически живое, деятельное и творческое будущее для планетарного человека? Этот простой до наивности вопрос на деле является самым главным и острым в наши дни. Будущее повисло над нами грозным вопросительным знаком. Уже нельзя игнорировать того, что пересеклись два противоречивых момента планетарного масштаба: с одной стороны, рост технической и экономической мощи человечества, породивший множество глобальных проблем, требует адекватных решений; с другой, региональная и местная нестабильность, вспышки национализма, локальные войны, идеологические и конфессиональные распри, отсутствие заметного нравственного и культурного прогресса лишь усиливают экономическую и социально-политическую напряженность. Что в этом принципиальном противостоянии окажется более весомым и значимым? Чем будет определяться истинное предназначение человека, какова будет поступь истории уже в ближайшем будущем, при том, что счет пошел уже на десятилетия?